Валё Пер, Шёвалль Май

Негодяй из Сефлё

I

Как только пробило полночь, он перестал размышлять. До полуночи он что-то писал, и теперь шариковая ручка лежала перед ним на газете, параллельно крайней правой вертикали кроссворда. Он сидел на шатком деревянном стуле за низким столом в убогой чердачной каморке, сидел прямо и совсем неподвижно. Над его головой висел бледно-желтый абажур с длинной бахромой. Ткань выцвела от старости, лампочка светила тускло и неровно.

В доме было тихо, но тишина была неполной, ибо под его крышей дышали три человека, да и снаружи доносился какой-то непонятный звук, прерывистый, едва слышный. То ли рокот машин на дальних дорогах, то ли гул моря. Звук исходил от миллиона людей. От большого города, забывшегося тревожным сном.

Человек был одет в бежевую лыжную куртку и серые лыжные брюки, черную водолазку машинной вязки и коричневые лыжные ботинки. У него были длинные, но ухоженные усы, чуть светлее, чем гладкие, зачесанные назад волосы с косым пробором. Лицо было узкое, профиль чистый, черты тонкие, под застывшей маской гневного обвинения и непоколебимого упрямства пряталось выражение почти детское — мягкое, неуверенное, просительное и немного себе на уме.

Взгляд светло-голубых глаз казался твердым, но пустым.

В общем, человек этот походил на маленького мальчика, который внезапно стал глубоким стариком.

Битый час он сидел неподвижно, положив руки на колени и устремив невидящий взгляд в одну точку на вылинявших цветастых обоях.

Затем он встал, пересек комнату, открыл дверцу шкафа, запустил туда левую руку и снял что-то с полочки для шляп. Длинный предмет, завернутый в белое кухонное полотенце с красной каймой.

Это был штык от карабина.

Человек взял штык и, прежде чем спрятать в ножны, отливающие голубизной стали, бережно отер желтую солярку.

Хотя человек был высокого роста и довольно плотный, он все делал легко и проворно, быстрыми, рассчитанными движениями, и руки у него казались такими же твердыми, как и взгляд.

Он расстегнул ремень и продернул его через кожаную петлю ножен. Затем он застегнул молнию на куртке, надел перчатки, твидовую кепку и вышел из дома.

Ступеньки застонали под его тяжестью, но самих шагов не было слышно.

Дом был маленький, дряхлый и стоял на вершине холма, над шоссе. Ночь выдалась прохладная, звездная.

Человек в твидовой кепке обогнул дом и с уверенностью лунатика вышел на подъездную дорогу.

Он открыл левую переднюю дверцу своего черного «фольксвагена», сел за руль и поправил штык, прижатый к правому бедру.

Включил зажигание, дальний свет, задним ходом вывел машину на шоссе и поехал к северу.

Маленькая черная машина неслась сквозь ночь уверенно и неумолимо — так небесное тело в состоянии невесомости рассекает мировое пространство. Вдоль дороги плотной стеной шли строения, и город, накрытый световым колпаком, мчался навстречу; большой, холодный и пустынный город, в котором не осталось ничего, кроме голых резких граней из металла, стекла и бетона.

Даже в центральных районах города не было об эту пору ни людей, ни движения. Все замерло, если не считать нескольких ночных такси, двух карет «скорой помощи» да полицейской машины, окрашенной в черный цвет, с белыми крыльями. Машина быстро пронеслась мимо с характерным воющим звуком.

На светофорах красный свет сменялся желтым, желтый зеленым, зеленый желтым, желтый красным — с никому не нужной механической монотонностью.

Черный «фольксваген» строго соблюдал правила движения, ни разу не превысил скорость, сбавлял газ на поворотах, останавливался при красном свете.

Теперь он ехал по Васагатан, мимо недавно отстроенного отеля «Шератон» и Центрального вокзала, потом свернул налево у Северного вокзала и продолжил свой путь по Торсгатан — все время к северу.

На площади стояло увешанное лампочками дерево; пятьсот девяносто первый ждал на остановке. Над площадью Святого Эрика висел молодой месяц, и синие неоновые стрелки часов на здании издательства «Боньерс» показывали точное время. Без двадцати два.

В эту минуту человеку за рулем «фольксвагена» сровнялось тридцать шесть лет.

Он повернул к востоку, по Оденгатан, мимо пустого Ваза-парка, где высились десятки тысяч деревьев и холодные, белые, режущие глаз фонари освещали тесное сплетение голых ветвей.

Черная машина повернула вправо, на Далагатан, проехала сто двадцать пять метров в южном направлении, затормозила и остановилась.

Человек в лыжной куртке и твидовой кепке с нарочитой небрежностью поставил машину двумя колесами на тротуар перед стоматологическим институтом Истмена.

Он вылез в ночную тьму и захлопнул дверцу машины.

Было 3 апреля 1971 года, суббота.

С начала суток прошел всего один час и сорок минут, стало быть, еще и не могло произойти ничего существенного.

II

Без четверти два действие морфия прекратилось.

Последний укол сделали около десяти, следовательно, его хватило на неполных четыре часа.

Боль возвращалась не сразу, сперва она возникла в левом подреберье, через несколько минут в правом. Потом начало отдавать в спину, и, наконец, она толчками разошлась по всему телу, пронзительная, упорная боль — казалось, будто стая оголодавших коршунов разрывает внутренности.

Он лежал на спине на высокой и узкой железной кровати и глядел в белый потолок, где слабые отсветы ночника и уличных фонарей вычерчивали четкий и застывший узор, недоступный человеческому разумению, но такой же холодный и враждебный, как и вся комната.

Потолок был не гладкий, а сводчатый; из-за двух неглубоких сводов он казался еще выше, а комната и без того была высокой, целых четыре метра, и старомодной, как все в

этом здании. Кровать стояла посреди комнаты, на каменном полу, кроме нее, здесь находились только два предмета: тумбочка и деревянный стул с прямой спинкой.

Шторы были сдвинуты неплотно, окно приоткрыто. Сквозь неширокую щель — в пять сантиметров — струился свежий и прохладный воздух, воздух весенней ночи, но одновременно больной с мучительным раздражением ощущал гнилостный запах от цветов на тумбочке и от собственного, истерзанного страданием тела.

Он не спал, он просто лежал не двигаясь и думал о том, что действие укола скоро прекратится.

Примерно час назад он слышал, как ночная сестра прошла мимо его двойных дверей, стуча деревянными башмаками. С тех пор он не слышал ни звука, кроме своего тяжелого дыхания да затрудненной, аритмичной пульсации во всем теле, но это были не настоящие звуки, а скорее детища фантазии, естественные спутники страха перед болью, которая — он знал — скоро вернется, и безумного страха смерти.

Больной всегда был суровым человеком и не прощал другим ни слабостей, ни ошибок. Он, разумеется, и мысли не допускал, что сам способен пасть духом, загнить физически или духовно.

А теперь он испытывал страх, мучился от боли, казался себе беспомощным и слабым. За недели, проведенные в больнице, все чувства его обострились, он стал неестественно восприимчив к физической боли, теперь он боялся даже обычных инъекций, боялся даже ежедневного анализа крови из вены. Кроме того, он страшился темноты, не переносил одиночества и приучился улавливать те звуки, которые раньше проходили мимо его ушей.

От исследования — врачи, как в насмешку, называли это расследованием1 — он терял в весе, и состояние его все ухудшалось. Но чем дальше заходила болезнь, тем сильней становился страх смерти и, наконец, сорвав с него защитные оболочки, завладел всеми его помыслами, оставил его в состоянии полной духовной обнаженности и беспредельного, почти непристойного эгоизма.

Что-то зашуршало в саду под окном. Верно какое-нибудь животное шуршит голыми ветками роз. Полевка или еж, а может, просто кошка. Хотя ежи, кажется, не проснулись еще от зимней спячки.

«Да, да, скорей всего это какое-нибудь животное», — подумал он и, не в силах дальше терпеть боль, протянул свободную, левую руку к электрическому звонку, который висел очень удобно, как раз на расстоянии вытянутой руки, захлестнув петлю вокруг спинки кровати.

Но когда его пальцы коснулись холодного железа, рука непроизвольно дрогнула, он промахнулся, петля соскользнула вниз, и выключатель упал на пол с резким стуком.

Этот звук помог ему собраться с мыслями.

Сумей он дотянуться до звонка и нажать белую кнопку, над его дверью вспыхнула бы красная сигнальная лампочка, и вскоре из дежурной комнаты, громыхая деревянными башмаками, явилась бы ночная сестра.

Но поскольку он при всех своих страхах был не лишен еще суетного тщеславия, ему подумалось, что неудача со звонком, пожалуй, к лучшему.

Сестра вошла бы в палату, зажгла бы верхний свет, взглянула бы вопросительно на него, раздавленного болезнью и страданием.

Некоторое время он лежал неподвижно и чувствовал, как боль то отходит, то снова накатывает судорожными рывками, будто взбунтовавшийся экспресс, ведомый безумным машинистом…

Потом у него возникла новая потребность, потребность помочиться.

Утку можно было достать рукой, она лежала в желтой пластмассовой корзине для мусора за тумбочкой. Но он не желал пользоваться уткой. Если надо, он может и встать. Кто-то из врачей даже говорил, что ему полезно двигаться.

Он решил встать, открыть обе двери и добраться до уборной, расположенной как раз в середине коридора. Это будет небольшим развлечением, практической задачей, которая хоть ненадолго направит его мысли по другому руслу.

Он откинул одеяло и простыню, перешел из лежачего положения в сидячее и просидел несколько секунд на краю кровати, не доставая ногами до пола. За это время он оправил на себе белую ночную рубашку и услышал, как от его движений пластмассовая подстилка трется-шуршит о матрас.

Затем он осторожно спустил ноги и почувствовал прикосновение холодного пола к покрытым испариной ступням. Затем он попытался выпрямиться — не без успеха, хотя широкие полосы пластыря резали пах и бедра. С него все еще не сняли давящую повязку из пенопласта, наложенную вчера на область паха после аортографии.[1]

Шлепанцы стояли под тумбочкой, он сунул в них ноги и неуверенно, ощупью пошел к дверям. Первая дверь открывалась в комнату, вторая в коридор, он открыл обе и пошел по слабо освещенному коридору к уборной.

Там он помочился, вымыл руки холодной водой, а на обратном пути задержался в коридоре, прислушиваясь. По коридору разносился приглушенный звук транзистора, принадлежавшего сестре. Ему опять стало нехорошо, опять накатил страх, и тогда он надумал зайти к сестре и попросить, чтобы ему дали какие-нибудь обезболивающие таблетки. Большого проку от этих таблеток не будет, но все-таки сестре придется открыть шкафчик с медикаментами, достать банку, потом налить ему соку, во всяком случае, он хоть кого-то заставит собой заняться.

До комнаты сестер было метров двадцать, и дорога заняла немало времени. Шел он медленно, волоча ноги, и влажная от пота ночная рубашка шлепала его по икрам.

У сестер горел свет, но там никого не было. Только транзистор пел сам для себя между двумя недопитыми чашками кофе.

Ясное дело, и сестра, и нянечка заняты в какой-нибудь палате.

Все поплыло перед его глазами, и он навалился на дверной косяк. Через несколько минут стало чуть легче, и он медленно побрел по полутемному коридору к себе в палату.

Двери были приоткрыты — так он их и оставил. Он аккуратно затворил двери за собой, дошел до кровати, скинул шлепанцы, лег на спину, зябко вздрогнув, натянул до подбородка простыню и одеяло. Он лежал тихо, с широко открытыми глазами и чувствовал, как мчится, мчится по телу обезумевший экспресс.

Что-то изменилось в комнате. Сместился узор на потолке.

Это он заметил почти сразу.

Интересно, почему тени и отсветы приняли иное положение?

Он обвел взглядом голые стены, повернул голову направо и поглядел на окно.

Когда он уходил, окно было открыто. Это он помнил точно.

Теперь оно было закрыто.

Безумный страх охватил его, и он протянул руку к звонку, но звонка на месте не оказалось. Он забыл поднять провод и выключатель с пола.

Он стиснул пальцами железную перекладину кровати, то место, где полагалось быть звонку, и опять поглядел на окно.

Плотные шторы по-прежнему не сходились сантиметров на пять, но висели они не так, как прежде. И само окно было закрыто.

Не побывал ли в комнате кто-нибудь из персонала?

Маловероятно.

Пот выступил у него из всех пор, чувствительная кожа ощутила прикосновение липкой и холодной рубашки.

Раздираемый страхом, не в силах отвести глаз от окна, он начал приподниматься.

Шторы висели совершенно неподвижно, но он не сомневался, что за ними кто-то прячется.

Кто? — подумал он.

Кто?

И собрал остатки здравого смысла: должно быть, это галлюцинация.

Теперь больной стоял возле кровати на каменном полу и трясся всем телом. Он сделал два неуверенных шажка к окну. Остановился, втянул голову в плечи, губы у него дрожали.

Человек, стоявший в оконной нише, отбросил штору левой рукой и одновременно достал штык правой.

На длинном и широком лезвии вспыхнули отблески света.

Человек в лыжной куртке и твидовой кепке сделал два быстрых шага вперед, остановился, расставив ноги, прямой и высокий, и поднял оружие на уровень плеч.

Больной тотчас узнал его и хотел открыть рот для крика.

Тяжелая рукоятка штыка ударила его по губам, он еще почувствовал, как треснули от удара губы и хрустнула вставная челюсть.

Больше он ничего не успел почувствовать.

Дальнейшее совершилось слишком быстро. Он утратил ощущение времени.

Следующий удар угодил в правое подреберье, штык вошел в тело по рукоятку.

Больной все еще стоял на прежнем месте, откинув голову, когда человек в лыжной куртке в третий раз занес свое оружие и разрезал ему шею от левого уха до правого.

Из рассеченного дыхательного горла с бульканьем и шипением вырвался слабый звук.

И все.

III

Дело было в пятницу вечером, когда стокгольмские рестораны, казалось бы, должны кишеть веселыми людьми, которые пришли поразвлечься после трудовой недели. Тем не менее в ресторанах по вполне понятной причине было пусто. За последние пять лет цены в них выросли почти вдвое, и лишь немногие из тех, кто живет на зарплату, могли себе позволить такое удовольствие хотя бы раз в месяц. Рестораторы кряхтели, жаловались на тяжелые времена, но те, кто не догадался превратить свое заведение в обычный кабак или музыкальный салон, чтобы привлечь денежную часть молодежи, держались на поверхности лишь благодаря все растущему числу дельцов-маклеров, которые имели кредит и к тому же известную сумму на представительство и предпочитали заключать все сделки за ресторанным столиком.

«Золотой век» в Старом городе не составлял исключения. Было уже поздно, пятница успела превратиться в субботу, но до сих пор в одной из ниш верхнего зала сидели два посетителя, мужчина и женщина. Начали они с ростбифа, теперь пили кофе и пунш и тихо переговаривались через столик.

Две официантки тоже сидели за маленьким столиком против входных дверей и складывали салфетки. Та, что помоложе — рыжеволосая и с усталым лицом, — поднялась, бросила взгляд на часы над буфетом, зевнула, взяла салфетку и направилась к посетителям.

— Будете еще что-нибудь заказывать, пока не закрыли кассу? — спросила она и смахнула салфеткой табачные крошки со скатерти. — Может, вы, господин комиссар, хотите кофе погорячей?

Мартин Бек, к своему удивлению, был польщен тем, что официантка его знает. Обычно он раздражался, когда ему напоминали, что он как глава государственной комиссии по расследованию убийств является лицом более или менее популярным. Но с тех пор, как он последний раз давал свое фото для газет или выступал по телевидению, прошло немало времени, и обращение официантки можно было принять скорей за доказательство того, что в «Золотом веке» его считают завсегдатаем. И, надо сказать, не без оснований, ибо вот уже два года он живет неподалеку отсюда и уж если ходит куда-нибудь обедать, то чаще всего именно в «Золотой век». Правда, в компании, как нынче вечером, он бывает здесь крайне редко.

Девушка, сидевшая напротив, была его дочь. Звали ее Ингрид, ей минуло девятнадцать лет, и, если отвлечься от того, что она была очень светлая блондинка, а он — очень темный брюнет, они были похожи друг на друга.

— Хочешь еще кофе? — спросил Мартин Бек.

Ингрид отрицательно помотала головой, и официантка ушла выписывать счет. Мартин Бек вынул из ведерка со льдом маленькую бутылочку пунша и разлил остаток по стаканам. Ингрид маленькими глотками прихлебывала из своего.

— Надо бы нам почаще это делать, — сказала она.

— Пить вместе пунш?

— М-м-м, пунш-это тоже недурно. Но я не про то: надо почаще встречаться. В следующий раз я приглашу тебя обедать к себе, на Клостервеген. Ты даже не видел, как я устроилась.

Ингрид ушла из дому три месяца назад, когда родители развелись; Мартин Бек частенько задавал себе вопрос, решился бы он сам расторгнуть привычный и налаженный брак с Ингой, если бы Ингрид не толкала его на это. Сама она чувствовала себя дома не очень хорошо и, еще не кончив гимназии, поселилась вместе с подругой. Сейчас она изучала социологию в университете и недавно переехала в однокомнатную квартиру в Стокзунде. Покамест она снимала ее у жильцов, но надеялась рано или поздно заключить договор на свое имя.

— Мама и Рольф были у меня позавчера, — сказала она. — Я хотела позвать и тебя, но никак не могла дозвониться.

— Да, я на несколько дней уезжал в Эребру. Ну как они там?

— Хорошо. Мама притащила полный чемодан всякого добра. Полотенца, салфетки, голубой кофейный сервиз, всего и не упомнишь. Между прочим, мы говорили о дне рождения Рольфа. Мама хочет, чтобы мы у них пообедали. Конечно, если ты сможешь.

Рольф был на три года моложе Ингрид. Они были до удивления разные, как только могут быть разными брат и сестра, но всегда отлично ладили.

Рыжеволосая принесла счет. Мартин Бек уплатил и допил пунш. Потом он взглянул на часы. Без малого час.

— Пошли, — сказала Ингрид и торопливо допила свой стакан до дна.

Они медленно шли к северу по Эстерлангматан. Ночь была прохладная, небо усыпано звездами. Несколько упившихся юнцов вышли из Дракенгренд. Они так горланили и шумели, что от стен старых домов отдавалось эхо.

Ингрид взяла отца под руку и сменила ногу, приноравливаясь к его шагам. Она была длинноногая, стройная, почти худая, как думалось Мартину, но тем не менее утверждала, что ей надо сбросить лишний вес.

— Зайдешь ко мне? — спросил он, когда они поднялись на холм перед Чепманторгет.

— Только вызову такси и уеду. Уже поздно. Тебе пора спать. — Мартин Бек зевнул. — По правде говоря, я здорово устал, — сказал он.

Возле статуи, изображавшей святого Георгия с драконом, привалясь спиной к цоколю, сидел на корточках человек и дремал, уронив голову на колени.

Когда Ингрид и Мартин Бек поравнялись с ним, он поднял голову, пробормотал что-то неразборчивое, потом вытянул ноги и снова заснул, упершись подбородком в грудь.

— Лучше бы ему отсыпаться у Святого Николая, — вслух подумала Ингрид. — Здесь ведь холодно сидеть.

— Ничего, попадет и туда, если будет место. А вообще это уже давным-давно меня не касается.

В молчании они продолжали свой путь по Чёпмангатан.

Мартин Бек вспоминал то лето, двадцать два года назад, когда он патрулировал в округе Святого Николая. Стокгольм выглядел тогда совсем иначе. Старый город походил на идиллический средневековый городок, — разумеется, с пьяницами, с нуждой и с горем, все чин по чину, — покуда не произвели необходимую санацию и реставрацию зданий и не взвинтили квартирную плату настолько, что прежним обитателям Старый город оказался просто не по карману. Жить в Старом городе стало модно, а Мартин Бек теперь принадлежал к разряду лиц привилегированных.

Они поднялись на лифте — лифт, установленный во время ремонта, был в Старом городе большой редкостью. Квартира выглядела в высшей степени современно и состояла из холла-передней, небольшой кухни, ванной и двух смежных комнат с окнами на восток, в большой городской сад. Комнаты были уютные, асимметричные, окна в глубоких нишах, потолки низкие. В первой комнате, где стояли удобные кресла и низкий стол, находился камин. В следующей находилась широкая кровать, вокруг по всем стенам висели книжные полки, еще там был шкаф, а у самого окна — двухтумбовый письменный стол.

Не снимая пальто, Ингрид села за письменный стол, подняла трубку и набрала номер диспетчерской.

— Может, посидишь немного? — крикнул Мартин Бек из кухни.

— Нет, мне пора домой, спать. Я до смерти устала, и ты, между прочим, тоже.

Мартин Бек не стал возражать, хотя сонливость вдруг начисто покинула его, а ведь он зевал весь вечер, зевал в кино — они смотрели «Четыреста ударов» Трюффо — и несколько раз чуть не уснул.

Ингрид удалось дозвониться, она заглянула на кухню и поцеловала отца в подбородок.

— Спасибо тебе за этот вечер. Увидимся на рожденье у Рольфа или еще раньше. Покойной ночи.

Мартин Бек стоял возле лифта, пока она не захлопнула дверцу, шепотом пожелал ей покойной ночи и вернулся к себе.

Он перелил в большой бокал пиво, которое успел вынуть из холодильника, и отнес бокал на письменный стол. Потом он подошел к проигрывателю, стоявшему подле камина, порылся в пластинках и достал Шестой Бранденбургский концерт Баха. В доме была хорошая звукоизоляция, и Мартин Бек знал, что может включить проигрыватель на полную громкость, не рискуя потревожить соседей. Он сел к письменному столу, отхлебнул свежего, холодного пива и сразу перебил липкий и приторный вкус пунша. Он размял между пальцами «Флориду», зажал ее в зубах и чиркнул спичкой. Потом он подпер подбородок ладонями и

загляделся в окно. Над крышей противоположного дома в густо-синем весеннем небе сверкали звезды. Мартин Бек слушал музыку, предоставив полную свободу своим мыслям. Он испытывал приятную расслабленность и полное умиротворение.

Перевернув пластинку, он подошел к полке над кроватью и снял оттуда неоконченную модель клипера “Flying Cloud”. Почти час он провозился над мачтами и трубами, после чего снова поставил модель на полку.

Раздеваясь, он не без гордости поглядывал на уже готовые модели «Катти Сарк»[2] и учебное судно «Дания». Скоро ему останется только доделать такелаж “Flying Cloud” — самую сложную и трудоемкую работу.

Раздевшись, он прошел на кухню, поставил бокал и пепельницу в мойку, погасил всюду свет, кроме лампочки над кроватью, приоткрыл окно в спальне и лег. Уже лежа завел будильник, показывающий двадцать пять минут третьего, проверил, закрыт ли звонок. Он рассчитывал на свободный день и собирался спать сколько вздумается.

На тумбочке лежала книга Курта Бергенгрекса «Пароход для увеселительных прогулок в шхерах», он полистал ее, поглядел иллюстрации, которые и без того уже изучил досконально, прочел несколько страниц, испытывая при этом сильнейшую тоску по морю. Книга была большая, тяжелая и не очень годилась для чтения в постели. У Мартина Бека скоро затекли руки. Он отложил книгу и потянулся к выключателю ночника. Тут зазвонил телефон.

IV

Эйнар Рённ и в самом деле устал до смерти. Он проработал без перерыва больше семнадцати часов. Теперь он стоял в дежурке отделения уголовной полиции на Кунгсхольмсгатан и разглядывал рыдающего мужчину, который поднял руку на ближнего своего.

Впрочем, мужчина — это было громко сказано, уместнее было бы назвать арестованного ребенком. Восемнадцатилетний паренек с белокурыми волосами до плеч, в огненно-красных джинсах и коричневой замшевой куртке со словом “Love” на спине. Вокруг слова кудрявились хорошенькие цветочки розового, голубого и сиреневого цвета. На голенищах сапог тоже были нарисованы цветочки и тоже написаны слова, как оказалось при ближайшем рассмотрении, “Peace” и “Maggan”. Рукава были изысканно отделаны бахромой из волнистых и мягких человеческих волос.

Невольно приходила в голову мысль, что ради этих рукавов с кого-то сняли скальп.

Рённ и сам готов был заплакать. Частью от усталости, а главным образом от того, что преступник, как уже не раз бывало в последнее время, вызывал у него бóльшую жалость, чем жертва.

Мальчик с красивыми волосами пытался убить торговца наркотиками. Правда, осуществить это намерение ему не удалось, но покушение на убийство было очевидным.

Рённ ловил мальчишку с пяти часов вечера, для чего ему пришлось в различных частях благословенного города поднять вверх дном, как минимум, восемнадцать притонов, один грязней и омерзительней другого.

И все из-за того, что некий мерзавец, продававший школьникам на Мариаторгет гашиш, смешанный с опиумом, схлопотал шишку на затылке. Правда, шишка возникла от удара железной трубой, а мотивом преступления, по словам самого преступника, было полное безденежье. И тем не менее… Так рассуждал Рённ.

И еще: девять часов сверхурочной, а пока доберешься до дому, до квартиры в Вэллингбю, будет все десять.

Надо уметь даже в плохом находить хорошее. А хорошее в данном случае — оплата сверхурочных.

Рённ был из Лапландии, родился в Арьеплуге и женился на девушке саами. Район Веллингбю не вызывал у него особых симпатий, но ему нравилось название улицы, где он живет, — Виттангигатан.

Он проследил, как его более молодой коллега, который нес ночное дежурство, написал сопроводиловку и передал любителя волосяных украшений двум полицейским, которые, в свою очередь, отвели заключенного к лифту, чтобы доставить его в местную камеру предварительного заключения тремя этажами выше.

Сопроводиловка — это никого ни к чему не обязывающая бумага, где указано имя арестованного. На обратной стороне дежурный обычно делает всякие пометки, например: «Буйствует, несколько раз бросался головой на стену, сам себя поранил», или: «Не отвечает за свои поступки, ударился о дверной косяк, сам себя поранил», или, наконец, просто: «Буйствовал и поранил себя».

И так далее.

Отворилась дверь со двора, и двое из радиопатруля втащили пожилого человека с разлохмаченной седой бородой. Прямо на пороге один из полицейских что было сил ударил задержанного кулаком в низ живота. Человек согнулся пополам и глухо взвыл — так могла бы выть собака. Дежурные как ни в чем не бывало занялись его бумагами.

Рённ бросил усталый взгляд на ударившего, но ничего не сказал.

Потом он зевнул и посмотрел на часы.

Два часа семнадцать минут.

Зазвонил телефон, один из дежурных снял трубку.

— Да, уголовная полиция. Гюставссон слушает.

Рённ нахлобучил меховую шапку и пошел к дверям. Он уже взялся за ручку, когда человек, назвавшийся Гюставссоном, сказал:

— Что, что? Одну минутку. Тебя зовут Рённ?

— Да.

— Есть дело.

— Какое еще дело?

— В Саббатсберге что-то случилось. По-моему, кого-то застрелили. А от парня, который звонил, проку не добьешься.

Рённ вздохнул и вернулся к столу. Гюставссон снял ладонь с микрофона и сказал:

— У нас тут как раз есть один из отдела по особо важным. Орудие крупного калибра. Как, как? — И без перерыва: — Да, слышу, слышу. Ну и жуть! Ты где находишься, чтоб поточней?

Гюставссон был худощавый мужчина лет тридцати, с лицом замкнутым и равнодушным. Некоторое время он слушал, потом снова закрыл микрофон рукой и сказал:

— Он стоит у главного входа в центральный корпус Саббатсберга. Одному ему не управиться. Не подсобишь?

— Да, — ответил Рённ. — Подсоблю.

— Тебя подвезти? По-моему, этот радиопатруль как раз освободился.

Рённ неприветливо покосился на патруль и покачал головой. Это были двое рослых, здоровых ребят, вооруженных револьверами и дубинками в белых футлярах. Арестант бесформенным мешком валялся возле их ног. Сами же они с великой готовностью и преданностью взирали на Рённа, и глаза их, голубые и пустые, выражали надежду на продвижение по службе.

— Нет, я уж лучше на своем «козлике».

Эйнар Рённ вовсе не был орудием крупного калибра, а сейчас он не мог бы уподобить себя даже обыкновенной рогатке. Множество людей считало его безупречным работником, другие, напротив, типичной посредственностью. Как бы то ни было, он за многолетнюю верную службу сделался старшим следователем по особо важным делам. Или следопытом в стане убийц, выражаясь языком вечерней прессы. В том, что он человек спокойный, средних лет, с красноватым носом и некоторой склонностью к полноте из-за сидячей работы, сходились решительно все.

Спустя четыре минуты и двенадцать секунд Рённ прибыл по указанному адресу.

Больница Саббатсберг занимает довольно обширный возвышенный участок почти правильной треугольной формы, который с севера примыкает своим основанием к Вазапарку, а боковыми сторонами к Далагатан на востоке и Турсгатан на западе, тогда как вершина треугольника срезана подъездной дорогой, выводящей на новую магистраль через залив Барнхюс. Со стороны Турсгатан вплотную к участку подступает большое кирпичное здание газового завода, нарушая правильность его очертаний.

Имя свое больница получила в память Валентина Саббата, владевшего к началу семнадцатого века двумя погребками — «Росток» и «Лев» — в Старом городе. Саббат купил этот участок и занялся разведением карпов в местных прудах, которые нынче частью пересохли, а частью наполнены снова; здесь он тоже успел открыть заезжий дом и содержал его три года, пока в тысяча семьсот двадцатом году от рождества Христова не отошел к праотцам.

Спустя несколько десятилетий здесь открыли целебный источник, или кислые воды, как их тогда называли. Заезжий дом у источника, построенный более двухсот лет назад, успел послужить и больницей, и богадельней, но затем ему пришлось потесниться и уступить место девятиэтажному Дому пенсионеров.

Больница была сооружена верных сто лет назад на холмах вдоль Далагатан и в первоначальном своем виде состояла из отдельных домиков, соединенных длинными надземными галереями. Некоторые из прежних строений используются до сих пор, другие же недавно снесены и заменены новыми, а система переходов упрятана под землю.

В отдаленной части парка находится несколько старых коттеджей, в них размещен сейчас Дом для престарелых. Есть здесь маленькая часовня; в саду, обнесенном живой изгородью, есть лужайки, песчаные дорожки и стоит желтая беседка с белыми углами и башенкой на круглой крыше. Аллея ведет от часовни к дряхлой сторожке у выхода на улицу. За часовней парк поднимается все выше и неожиданно обрывается у Турсгатан, которая извивается, зажатая с одной стороны холмами, а с другой — издательством «Боньерс». Здесь самая спокойная часть больничной территории, здесь меньше всего движения и шума. Как и сто лет назад, центральный въезд в больницу остался со стороны Далагатан, здесь же расположен главный корпус.

V

Рённ и без того чувствовал себя призраком в синем свете прожекторов, вращающихся на крыше патрульной машины. Но дальше пошло еще страшней.

— Ну, что у вас случилось? — спросил он.

— Сам не знаю толком. Жуть какая-то.

Полицейский был совсем молоденький. У него было открытое, симпатичное лицо, но взгляд какой-то бегающий. Казалось, ему трудно стоять на месте. Он придерживал левой рукой дверцу машины, а правой неуверенно теребил дуло револьвера. Десятью секундами раньше он испустил звук, который вполне можно было бы принять за вздох облегчения.

«Трусит парень», — подумал Рённ и сказал успокоительно:

— Посмотрим, посмотрим. Где это?

— Туда так просто не подъедешь. Лучше я поеду первым.

Рённ кивнул и вернулся к своей машине. Включил зажигание и поехал за синим прожектором, описав широкую петлю вокруг главного корпуса и дальше — по территории больницы. За тридцать секунд полицейская машина успела трижды повернуть направо и дважды налево, затормозить и остановиться перед длинным низким строением с желтыми оштукатуренными стенами и черной двускатной крышей. Строение казалось совсем старым. Над рассохшейся деревянной дверью коричневого цвета одинокая робкая лампочка, прикрытая старомодным плафоном матового стекла, безуспешно пыталась разогнать ночной мрак. Полицейский вылез из машины и встал, как и прежде, положив одну руку на револьвер, а другую — на дверцу машины, словно это был щит, противостоящий ночи и всему, что ночь таит в себе.

— Здесь, — сказал он и покосился на дверь.

Рённ подавил зевок и кивнул.

— Позвать еще кого-нибудь?

— Посмотрим, надо ли, — добродушно ответил Рённ.

Он стоял уже на крыльце и отворял правую створку двери. Дверь жалобно скрипела несмазанными петлями. Еще две ступеньки, еще дверь, и Рённ очутился в скудно освещенном коридоре. Коридор был просторный, высокий и вытянулся во всю длину дома.

Вдоль одной стороны шли палаты и холлы, вдоль другой, судя по всему, — прочие помещения — бельевые, туалетные комнаты, кабинеты, лаборатории. И еще на стене висел старенький телефон, черный, из тех, по которым нельзя поговорить иначе как за десять эре. Рённ поглядел на белую эмалированную табличку овальной формы с лаконичной надписью «Клистирная», после чего принялся разглядывать четыре личности, оказавшиеся в поле его зрения.

Двое из четырех были полицейские в форме. Один — дюжий и приземистый, он стоял, широко расставив ноги, опустив руки, и глядел прямо перед собой. В левой руке он держал раскрытую записную книжку в черном переплете. Его коллега прислонился к стене, опустив голову и не отрывая взгляда от прикрепленной к стене эмалированной белой раковины со старомодным медным краном. Из всех молодых людей, с которыми Рённу довелось столкнуться за девять сверхурочных часов, этот казался самым молодым, а потому его форменная куртка с портупеей и оружие производили впечатление почти нелепое. Пожилая женщина, седая, в очках, сидела сгорбившись в плетеном кресле и безучастно разглядывала свои белые деревянные башмаки. На ней был белый халат, бледные икры испещрены узлами вен. Завершал квартет мужчина лет тридцати, с буйной черной шевелюрой. Мужчина возбужденно грыз костяшки пальцев. На нем тоже был белый халат и деревянные башмаки.

Воздух в коридоре был спертый, здесь пахло стиральным порошком, рвотой или лекарствами, а может быть, всем сразу. Рённ неожиданно для себя чихнул и потом уже, когда было поздно, зажал кончик носа большим и указательным пальцами.

Единственный, кто как-то реагировал на его появление, был полицейский с записной книжкой. Не говоря ни слова, он указал на высокую дверь, покрытую потрескавшейся краской цвета слоновой кости и с белой, отпечатанной на машинке карточкой в металлической рамке. Дверь была прикрыта неплотно. Рённ открыл ее, не прикоснувшись к замку. За первой дверью оказалась вторая. Вторая тоже была неплотно прикрыта, только открывалась она внутрь.

Вторую дверь Рённ распахнул ногой, заглянул в комнату и передернулся. Он даже перестал теребить свой красный нос. Потом он снова окинул все взглядом, только на сей раз более пристальным.

— Вот это да, — сказал он сам себе.

Потом отступил на шаг, вернул наружную дверь в исходное положение, надел очки и прочел на карточке имя.

— Господи, — сказал он.

Полицейский спрятал свою черную записную книжку, а вместо того достал жетон. Теперь он вертел его в руках, словно это был спасательный круг или амулет.

Скоро у полицейских отберут жетоны, подумал Рённ ни к селу ни к городу. И тем самым разрешится наконец затянувшийся спор о том, где следует его носить: то ли на груди, как опознавательный знак, то ли в кармане. Скоро эти бляхи просто-напросто отменят и вместо них введут обыкновенную личную карточку, а полицейские смогут и впредь сохранять анонимность под обезличивающим однообразием мундира.

Вслух же Рённ спросил:

— Тебя как зовут?

— Андерсон.

— Ты когда сюда прибыл?

— В два часа шестнадцать минут. Девять минут назад. Мы были поблизости. На Оденплан.

Рённ снял очки и покосился на мальчика в мундире. Мальчик стоял над раковиной иззелена-бледный. Его рвало. Старший перехватил взгляд Рённа и сказал без всякого выражения:

— Он еще практикант. Первый раз на задании.

— Вот и надо о нем позаботиться. А сюда пусть пришлют человек пять-шесть из пятого.

— Дежурный автобус из пятого округа уже был здесь, — браво отрапортовал Андерсон, и вид у него сделался такой, будто он намерен то ли отдать честь, то ли стать по стойке «смирно», то ли выкинуть еще какую-нибудь глупость.

— Минуточку, — сказал Рённ. — Вы видели здесь что-нибудь подозрительное?

Вопрос был, пожалуй, не совсем удачно сформулирован, и сбитый с толку полицейский уставился на дверь палаты.

— Н-да, — произнес он уклончиво.

— А вы знаете, кто он был? Ну, который там?

— Комиссар Нюман, что ли?

— Он самый.

— По виду не сразу угадаешь.

— Да, — сказал Рённ. — Трудно.

Андерсон ушел. Рённ вытер пот со лба и подумал, с чего ему начать.

Думал десять секунд. Потом подошел к настенному телефону и набрал домашний номер Мартина Бека.

Трубку сняли сразу, и Рённ сказал:

— Привет. Это Рённ. Я в Саббатсберге. Приезжай сюда.

— Хорошо, — сказал Мартин Бек.

— И немедленно.

— Хорошо.

Рённ повесил трубку и вернулся к остальным. Подождал. Протянул носовой платок практиканту, смущенно обтиравшему рот. Практикант сказал:

— Извините.

— Со всяким может случиться.

— Я не мог удержаться. Это всегда так выглядит?

— Нет, — ответил Рённ. — Нет, не сказал бы. Я двадцать один год в полиции и, честно говоря, ни разу не видел ничего подобного. — Затем, обернувшись к мужчине с черными кудрями, спросил:

— Здесь есть психиатр?

— Никс ферштеен, — ответил врач.

Рённ надел очки и внимательно изучил пластмассовый значок на его белом халате. Там было указано:

— «Доктор Юэк Юкецетюрце».

— Н-да, — сказал он самому себе.

Спрятал очки и стал ждать.

VI

Палата имела пять метров в длину, три с половиной в ширину и почти четыре в высоту. Окраска была всюду почти одинаковая: потолок — грязно-белый, а оштукатуренные стены — неопределенного желто-серого цвета. Серо-белые мраморные плитки пола. Светло-серый переплет окна, такие же двери. На окне висели толстые шторы из бледно-желтого дамаста[3], а под ними тонкие белые хлопчатобумажные гардины. Кровать белая, пододеяльник и наволочки тоже. Тумбочка серая, стул светло-коричневый. Старая краска на мебели облупилась, а на неровных стенах пошла трещинами. Побелка на потолке отстала, местами проступили коричневые разводы — от сырости. Все было старым, но очень опрятным. На тумбочке стояла мельхиоровая ваза, а в ней семь чайных роз. Очки с футляром на пуговке, прозрачная пластмассовая коробочка с двумя маленькими белыми таблетками, небольшой белый транзистор, недоеденное яблоко и стакан, до половины наполненный светло-желтой жидкостью. На нижней полочке лежала стопка газет, четыре письма, записная книжка с линованной бумагой, блестящая шариковая ручка со штифтами четырех цветов и несколько мелких монет, точнее говоря, восемь достоинством в десять эре, две по двадцать пять и шесть в одну крону. В тумбочке было два выдвижных ящика. В верхнем лежало три уже использованных носовых платка, мыло в синей пластмассовой мыльнице, зубная паста, щетка, маленькая бутылочка с лосьоном для бритья, пакетик с таблетками от кашля и кожаный несессер со щипчиками, ножницами и пилкой для ногтей. В нижнем обнаружили бумажник, электробритву, марочный блок, две трубки, кисет с табаком и использованную открытку с изображением стокгольмской ратуши. Через прямую спинку стула было перекинуто несколько носильных вещей, как-то: серый халат из бумажной ткани, брюки того же цвета и качества и длинная, до колен, белая рубашка. Носки и кальсоны лежали на сиденье, а перед кроватью стояла пара шлепанцев. На крючке у дверей висел халат бежевого цвета.

Только один цвет в этой комнате выпадал из общей цветовой гаммы — неправдоподобно, немыслимо красный цвет.

Убитый лежал на боку, между окном и кроватью. Горло у него было перерезано с такой силой, что голова запрокинулась почти под прямым углом, левая щека была прижата к полу. Язык вывалился в зияющий разрез, а расколотая вставная челюсть торчала из рассеченных губ.

Вероятно, когда он падал навзничь, из перерезанной шейной артерии ударила мощная струя крови. Отсюда и пурпурно-красная полоса наискось через кровать, отсюда и капли крови на вазе и на тумбочке.

Рана же в подреберье объясняла, почему рубашка пропитана кровью и откуда натекла лужа, окружавшая тело. Поверхностный осмотр свидетельствовал о том, что убийца одним ударом рассек печень, желчные протоки, желудок, селезенку и солнечное сплетение, а кроме того, брюшную артерию.

Практически вся кровь вытекла из тела за какие-нибудь несколько секунд. Кожа была иссиня-белой и казалась почти прозрачной там, где она вообще была видна, то есть на лбу, частично на голенях и на ступнях.

Рана в подреберье имела двадцать пять сантиметров в длину. Края ее широко разошлись; поврежденные органы вывалились в разрез.

Практически убитый был просто-напросто разрезан пополам. Даже для людей, которые по долгу службы должны посещать места ужасных и кровавых преступлений, зрелище было из ряда вон.

С тех пор как Мартин Бек переступил порог комнаты, на лице его не дрогнул ни один мускул. Случайный наблюдатель мог бы подумать, что для него все это обычное дело. Сперва сходить с дочерью в ресторан поесть, выпить, приехать домой, повозиться с моделью клипера, лечь в постель с книгой. А потом вдруг пуститься в путь, чтобы осмотреть искромсанное тело комиссара полиции. Хуже всего, что Мартин и сам так думал. Он никогда не терял контроля над собой и своего напускного хладнокровия.

Сейчас было без десяти три часа ночи, а Мартин Бек сидел на корточках возле кровати и спокойно, оценивающим взглядом изучал труп.

— Да, это Нюман, — сказал он.

— Похоже, что так.

Рённ разбирал вещи на тумбочке. Внезапно он зевнул и в полном сознании своей вины прикрыл рот ладонью.

Мартин Бек бросил на него быстрый взгляд и спросил:

— А хронометраж у тебя хоть какой-нибудь есть?

— Есть, — ответил Рённ.

Он достал блокнот, где у него было что-то записано убористым почерком, надел очки и стал монотонно читать.

— «Сестра открыла двери в два часа десять минут. Она не видела и не слышала ничего подозрительного, а просто шла с обычным обходом, поглядеть, как себя чувствуют больные. Нюман был уже мертв. Она набрала номер полиции в два часа одиннадцать минут. Радиопатруль получил сигнал тревоги в два часа двенадцать минут. Они находились на Оденплан и ехали оттуда не то три, не то четыре минуты. В два часа семнадцать минут они доложили уголовной полиции о случившемся. Я пришел в двадцать две минуты. Позвонил тебе в двадцать девять. Ты прибыл без шестнадцати три».

Рённ взглянул на свои часы.

— Сейчас без восьми три. Когда я пришел, Нюман был мертв от силы полчаса.

— Это сказал врач?

— Нет, это я говорю. Вроде как мое заключение. По температуре тела… Свертыванию крови…

Он умолк, словно решив, что с его стороны было дерзостью делать собственные заключения.

Мартин Бек задумчиво тер переносицу большим и указательным пальцами правой руки.

— Очень быстро все произошло, — наконец проговорил он.

Рённ не отозвался. Вероятно, думал о чем-то другом. Немного спустя он заметил:

— Так ты понимаешь, почему я тебя вызвал? Не потому, что…

Он замолчал. Он явно затруднялся высказать свою мысль.

— Не почему?

— Не потому, что Нюман был полицейским комиссаром, а… вот поэтому.

Он сделал неопределенный жест в сторону трупа и сказал:

— Его попросту зарезали, как скотину.

Немного помолчав, он добавил:

— Я думаю, тот, кто его убил, был абсолютно невменяем.

Мартин Бек кивнул.

— Да, — сказал он. — Похоже на то.

VII

Мартину Беку вдруг стало как-то не по себе. Это ощущение было смутным, взялось непонятно откуда и походило на внезапную усталость, когда двадцать раз перечитываешь одно и то же место, а сам того не замечаешь.

Ему пришлось сделать некоторое усилие, чтобы прийти в себя и собрать ускользающие мысли.

Но рядом с подступающей слабостью было и что-то другое, от чего он не мог отделаться.

Это было предчувствие опасности.

Предчувствие близкого несчастья. Чего-то такого, что нужно предотвратить любой ценой. Но он не знал, что предотвращать, и уж совсем не знал как.

У него и раньше возникало такое ощущение, хотя и в очень редких случаях. Коллеги подсмеивались над его интуицией.

Служба полицейского основана на здравом смысле, отработанных навыках, упорстве и систематичности. Справедливо, что много сложных и запутанных дел удалось распутать благодаря случайности, но столь же справедливо и другое: что случайность есть понятие растяжимое и не следует ее смешивать со слепым везением. При расследовании преступления задача состоит в том, чтобы сплести из случайностей как можно более густую сеть. А уж тут опыт и усердие играют бо́льшую роль, чем гениальные озарения. Хорошая память и обычный здравый смысл ценятся выше, чем блеск интеллекта.

Интуиции нет места в повседневной работе полицейского.

Интуицию даже нельзя считать одним из качеств полицейского, как астрологию или френологию нельзя считать наукой.

И, однако, она существует, как ни прискорбно Беку это признавать, и в его практике бывали случаи, когда интуиция выводила его на верную дорогу.

Хотя в данном, конкретном случае его настроение можно было с таким же успехом объяснить причинами более простыми, более очевидными и более доступными.

Например, Рённ.

Мартин Бек предъявлял высокие требования к тем людям, с которыми ему приходилось работать вместе. А виноват в этом был Леннарт Колльберг, вот уже много лет его ближайший помощник, сперва при стокгольмском муниципалитете, а затем в старой уголовной, в Вестберге. Колльберг был для Мартина Бека надежнейшим напарником, а, кроме того, он был человеком, который забивал лучшие мячи, задавал наводящие вопросы и подбрасывал нужные реплики.

Но сегодня Колльберга рядом не было. Скорей всего Колльберг просто спит в своей постели, и нет сколько-нибудь уважительных причин его будить. Во-первых, это будет не по правилам, а во-вторых, оскорбительно для Рённа.

Мартин Бек ждал от Рённа каких-то действий или, по крайней мере, слов, которые показали бы, что и тот чувствует опасность. Он ждал каких-то высказываний, которые можно будет опровергнуть или, наоборот, подтвердить.

Но Рённ так ничего и не сказал.

Вместо этого он занимался своим делом спокойно и буднично. Пока что вести расследование надлежало ему, и он делал все, что от него требовалось.

Пространство под окном было огорожено веревками и вешками, подъезжали машины, включались прожекторы. Свет их прощупывал весь участок, а овальные белые пятна от полицейских фонариков прыгали по земле, как вспугнутые мальки на отмели, когда кто-нибудь войдет в воду.

Рённ просмотрел все содержимое тумбочки, так и не найдя ничего, кроме предметов личного обихода и нескольких писем в том нелепо бодряческом духе, в каком здоровые люди обычно пишут больным, у которых подозревают серьезную болезнь. Штатский персонал из пятого участка обследовал прилегающие палаты и холлы, также не найдя ничего достойного внимания.

Так что, если Мартин Бек хотел выяснить какие-нибудь особые обстоятельства, ему следовало задавать вопросы и при этом формулировать их ясно и отчетливо, чтобы между ними не возникало недоразумений.

Дело в том, что Мартин Бек и Рённ плохо срабатывались, о чем оба давно уже знали и поэтому избегали работать на пару.

Мартин Бек был не слишком высокого мнения о Рённе, последний об этом догадывался, и это немало способствовало развитию в нем комплекса неполноценности. Со своей стороны, Мартин Бек в неумении наладить контакт видел доказательство собственной слабости, и это сковывало его по рукам и ногам.

Рённ достал старую верную сумку криминалиста, закрепил кой-какие отпечатки пальцев, наложил пластик на некоторые следы в палате и за окном, то есть позаботился, чтобы детали, которые могут понадобиться в ходе следствия, не пропали от естественных причин или по чьей-то небрежности. Прежде всего это касалось следов.

Мартин Бек был простужен, как уже не в первый раз с начала года. Он чихал, сморкался, долго и надрывно кашлял, но Рённ никак не реагировал. Ни звуком. Не сказал даже «будь здоров». Правда, такие нежности были не в его духе, да и само выражение не входило в его лексикон. А мысли свои — если он при этом что-нибудь думал, — мысли свои Рённ держал при себе.

Так что понимать друг друга без слов они не умели, поэтому в какую-то минуту Мартин Бек счел себя обязанным спросить:

— Старое у них это отделение, верно?

— Верно, — ответил Рённ. — Послезавтра его освободят, то ли перестраивать собираются, то ли займут под что-то другое. А пациентов переведут в новые палаты, в главный корпус.

Мысли Мартина Бека тотчас сменили направление, и немного спустя он сказал, обращаясь больше к самому себе:

— Интересно, чем это он его чикнул, мачете или самурайским мечом?

— Ни тем, ни другим, — ответил Рённ, вернувшийся в эту минуту со двора. — Мы обнаружили орудие убийства. Оно лежит в саду в четырех метрах от окна.

Они вышли посмотреть.

При ослепительном свете прожектора Мартин Бек увидел на земле орудие убийства с широким клинком.

— Штык, — сказал Мартин Бек.

— Вот именно. От карабина системы «маузер».

Карабин шестимиллиметрового калибра был типичным военным оружием. Раньше им широко пользовались, главным образом в артиллерии и кавалерии. Теперь этот образец устарел и вычеркнут из интендантских списков.

Все лезвие было покрыто запекшейся кровью.

— А можно закрепить отпечатки пальцев на такой рукоятке?

Рённ пожал плечами.

Каждое слово из него надо было вытягивать клещами, ну, если не клещами, то, во всяком случае, путем словесного нажима.

— Оставишь его лежать до утра?

— Да, — ответил Рённ. — Так, пожалуй, разумнее.

— Я бы поговорил с семьей Нюмана, и чем скорей, тем лучше. Как ты думаешь, удобно беспокоить его жену в такую рань?

— Думаю, что удобно, — ответил Рённ без особой уверенности.

— Так или иначе, без этого не обойдешься. Поедешь со мной?

Рённ пробормотал что-то неразборчивое.

— Ты о чем? — спросил Бек, сморкаясь.

— Фотографа сюда надо, — ответил Рённ. — Непременно.

Казалось, ему все это до смерти надоело.

VIII

Рённ пошел к машине, сел на водительское место и подождал Мартина Бека, который взял на себя неприятную миссию позвонить вдове.

— Ты что ей сказал? — спросил он, когда Мартин Бек сел рядом.

— Я только сказал, что ее муж умер. Судя по всему, у него была серьезная болезнь, и мой звонок не явился для нее полной неожиданностью. Хотя она не могла понять, при чем тут полиция.

— Ну и как она? Потрясена?

— Само собой. Она хотела схватить первое попавшееся такси и ехать в больницу. Я передал трубку врачу, надеюсь, ему удастся уговорить ее никуда покамест не ехать.

— Правильно сделал. Вот если она его увидит, она и впрямь будет потрясена. Хватит и того, что ей придется выслушать наш рассказ.

Рённ ехал по Далагатан в сторону Оденгатан, то есть в северном направлении. Перед стоматологическим институтом стоял черный «фольксваген». Рённ кивком указал на него и промолвил:

— Мало ему поставить машину где не положено, так еще и на тротуар залез. Его счастье, что мы не из автоинспекции.

— Вдобавок он был пьян, иначе бы этого не сделал, — сказал Мартин Бек.

— Или она, — возразил Рённ. — Даже наверняка это была женщина. А уж женщина за рулем…

— Типичный образчик шаблонного мышления. Услышала бы тебя моя дочь. Она бы тебе прочитала лекцию.

Машина свернула на Оденгатан, мимо церкви Густава Вазы и Оденплан. На стоянке было два такси со знаком «свободен», а перед светофором у Городской библиотеки желтая подметальная машина с оранжевой мигалкой на крыше дожидалась свободного проезда.

Мартин Бек и Рённ ехали молча. Возле Свеавеген они обогнали подметальную машину, которая с ревом уползала за угол; у Высшего коммерческого училища они повернули налево, на Кунгсгатан.

— Ах, черт подери! — вдруг с сердцем сказал Мартин.

— Да, — сказал Рённ.

И снова в машине воцарилось молчание. Когда они пересекли Биргерярлсгатан, Рённ сбавил скорость и начал искать нужный номер. Отворилась калитка напротив Гражданского училища, из нее высунулся молодой человек и поглядел в их сторону. Не давая калитке закрыться, он ждал, пока они ставили машину и переходили улицу.

Подойдя поближе, они увидели, что молодой человек гораздо моложе, чем казался издали.

Ростом он вымахал почти с Мартина Бека, но лет ему можно было дать от силы пятнадцать.

— Меня зовут Стефан, — сказал он. — Мама ждет вас.

Они поднялись вслед за ним на второй этаж, где одна дверь была приотворена. Через гардеробную и холл мальчик провел их в комнату.

— Пойду за мамой, — пробормотал он и вернулся в холл.

Озираясь по сторонам, Мартин Бек и Рённ стояли посреди комнаты. Комната выглядела очень нарядно. В дальнем ее конце было устроено подобие гостиной из мебели сороковых годов — дивана, в тон ему трех кресел светлого лакированного дерева с пестрой кретоновой обивкой и, наконец, овального стола того же дерева. На столе лежала белая кружевная салфетка и стояла хрустальная ваза с красными тюльпанами. Оба окна гостиной выходили на улицу, за белыми тюлевыми гардинами стояли в ряд ухоженные растения в горшках. Одна из коротких стен была закрыта книжными полками красного дерева. Они частью были заставлены книгами в кожаных переплетах, а частью — сувенирами и всякими украшениями. Маленькие полированные горки с хрусталем и серебром стояли тут и там, черное пианино довершало меблировку. На пианино выстроились семейные портреты в рамках. На стенах висело несколько натюрмортов и пейзажей в резных позолоченных рамах, с потолка свисала хрустальная люстра, а под ногами лежал пурпурно-красный восточный ковер.

Мартин Бек досконально изучил комнату, слушая приближающиеся шаги. Рённ тем временем подошел к книжной полке и с явным неодобрением разглядывал медный олений колокольчик, одна сторона которого была украшена пестрой картинкой, изображающей карликовую березку, оленя и лопаря, и надписью «Арьеплуг» витиеватыми красными буквами.

Фру Нюман вошла в комнату вместе с сыном. На ней было черное шерстяное платье, черные чулки и туфли. В руках она сжимала белый носовой платок. Глаза у нее были заплаканные.

Мартин Бек и Рённ назвали себя. Судя по всему, она никогда не слышала их имен.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она и опустилась в одно из пестрых кресел.

Когда мужчины тоже сели, она посмотрела на них с отчаянием.

— Что же все-таки случилось? — спросила она слишком высоким голосом.

Рённ достал носовой платок и начал вдумчиво, со знанием дела прочищать свой красный нос. Но Мартин Бек и не ждал от него большой помощи.

— Если у вас есть дома что-нибудь успокоительное, ну, какие-нибудь таблетки, мне думается, вам следовало бы принять одну или две, — начал он.

Мальчик, сидевший на стуле перед пианино, встал.

— У папы есть… Есть коробочка мепробамата в ванной, в аптечке. Принести?

Мартин Бек кивнул, мальчик пошел в ванную и вернулся с таблетками и со стаканом воды. Мартин Бек взглянул на этикетку, высыпал две таблетки в крышку коробочки, фру Нюман послушно приняла их и запила глотком воды.

— Благодарю, — сказала она. — А теперь будьте так любезны, объясните мне цель своего визита. Стиг мертв, и мы не в силах что-либо здесь изменить — ни вы, ни я.

Она прижала платок к губам и произнесла придушенным голосом:

— Почему мне не разрешили приехать к нему? В конце концов, это мой муж. Что они с ним сделали? Этот доктор… он такой странный…

Сын подошел к матери, сел на подлокотник ее кресла и обнял ее за плечи.

Мартин Бек повернулся так, чтобы сидеть лицом к лицу с женщиной, бросил взгляд на Рённа, помалкивавшего в уголке дивана, и сказал:

— Фру Нюман! Ваш муж умер не от болезни. Кто-то пробрался к нему в палату и убил его.

Женщина воззрилась на Мартина, и он увидел, что прошло несколько секунд, прежде чем до нее дошел смысл его слов. Она опустила руку со стиснутым в ней носовым платком, прижала ее к груди, побледнела.

— Убил? Его кто-то убил? Ничего не понимаю.

У мальчика побелели крылья носа, он еще крепче обхватил плечи матери.

— Кто? — спросила она.

— Мы не знаем. Сестра нашла его на полу, в палате, чуть после двух. Кто-то влез в окно и убил его штыком. Все это заняло буквально несколько секунд, я думаю, он не успел даже осознать, что происходит.

Так сказал Мартин Бек. Великий утешитель.

— Все указывает на то, что его застали врасплох, — вступил Рённ. — Если бы он успел как-то отреагировать, он бы попробовал защищаться, но мы не нашли никаких указаний на это.

Теперь женщина воззрилась на Рённа.

— Но за что? — спросила она.

— Мы не знаем, — ответил Рённ.

Больше он ничего не сказал.

— Фру Нюман, — снова заговорил Мартин Бек, — вы, вероятно, могли бы помочь нам это выяснить. Мы не хотим напрасно вас мучить, однако мы должны задать вам несколько вопросов. Прежде всего: вы сами никого не подозреваете?

Женщина беспомощно покачала головой.

— Вам не приходилось слышать, чтобы вашему мужу кто-нибудь угрожал? Или что у кого-нибудь есть причины желать его смерти? Словом, о каких-нибудь угрозах?

Женщина все так же качала головой.

— Нет, — сказала она. — Да и с какой стати кто-то стал бы ему угрожать?

— А может, его кто-то ненавидел…

— Почему его должны были ненавидеть?

— Подумайте хорошенько, — продолжал Мартин Бек. — Не было ли таких людей, которые могли считать, что ваш муж дурно с ними обошелся? Он ведь был полицейским, а

занимаясь этим ремеслом, наживаешь себе врагов. Он вам никогда не говорил, что кто-то преследует его или угрожает ему?

Вдова растерянно поглядела на сына, потом на Рённа, потом на Мартина Бека.

— Не могу припомнить. А уж такое-то я бы запомнила, скажи он об этом.

— Папа редко говорил дома о своей работе, — сказал Стефан. — Вам лучше спросить в полицейском участке.

— Спросим и там, — сказал Мартин Бек. — Он долго болел?

— Долго, но точно я не помню, — ответил мальчик и поглядел на мать.

— С июня прошлого года, — сказала она. — Он заболел как раз перед Ивановым днем, у него начались страшные боли в животе, и он после праздника пошел к врачу. Доктор решил, что это язва желудка, и уложил его в постель. С тех пор он считался больным, побывал у многих врачей, каждый говорил свое и прописывал свое лекарство. Тогда он лег в Саббатсберг, это было три недели назад, а там они все время брали анализы и делали уйму всяких исследований, но так и не выяснили, в чем дело.

Возможность говорить перевела ее мысли в другое русло и помогла оправиться от потрясения.

— Сам папа думал, что у него рак, — вмешался мальчик. — Но врачи утверждали, что никакой это не рак. Только ему все равно было очень плохо.

— А чем он занимался все это время? Он совсем, выходит, не работал с прошлого лета?

— Нет, — ответила фру Нюман. — Ему и в самом деле было очень плохо. У него бывали приступы боли, которые длились по несколько дней подряд. Тогда он просто не вставал с постели. Он принимал всякие лекарства, но без толку. Осенью он несколько раз наведывался в участок, чтобы посмотреть, как у них идут дела, — так он выражался, но работать он не мог.

— И вы, фру Нюман, не припоминаете, чтобы он сказал или сделал что-нибудь, что можно хоть как-то увязать со всем случившимся? — спросил Мартин.

Она покачала головой и начала всхлипывать без слез. Взгляд ее был устремлен мимо собеседника в пустоту.

— У тебя есть братья или сестры? — спросил Рённ.

— Есть сестра, но она замужем и живет в Мальме.

Рённ вопросительно поглядел на Мартина Бека, а тот задумчиво крутил между пальцами сигарету и разглядывал сына и мать.

— Ну, мы пошли, — сказал Мартин Бек мальчику. — Я думаю, ты способен и сам позаботиться о маме, но лучше бы всего было раздобыть врача, который уложил бы ее в постель. У вас есть врач, которому удобно позвонить в это время?

Мальчик встал и кивнул.

— Доктор Блумберг, — сказал он. — Мы всегда его вызываем, когда у нас кто-нибудь заболеет.

Он вышел в холл, и они услышали, как он набирает номер, а немного спустя ему кто-то ответил. Говорил мальчик недолго, потом он вернулся в гостиную и встал подле матери. Теперь он казался более взрослым, чем тогда, в подворотне.

— Доктор приедет, сказал мальчик. — Вам не обязательно дожидаться. Он скоро будет здесь.

Они встали. Рённ встал первым и, уходя, прикоснулся к локтю женщины. Она не шелохнулась и не ответила на их «до свиданья».

Мальчик проводил их до входных дверей.

— Возможно, нам еще придется побывать у вас, — сказал Мартин Бек. — Но до этого мы позвоним, чтобы справиться о самочувствии фру Нюман.

Когда они вышли на улицу, Мартин Бек спросил у Рённа:

— А ты хорошо знал Нюмана?

— Не особенно, — уклончиво ответил Рённ.

IX

Едва Мартин Бек и Рённ подъехали к месту преступления, сине-белая вспышка магния на мгновение озарила грязно-желтый фасад больничного корпуса. И машин здесь прибавилось; они стояли с включенными прожекторами.

— Это, должно быть, наш фотограф, — пробормотал Рённ.

Когда они вышли из машины, фотограф поспешил им навстречу. У него не было сумки, аппарат и лампу-вспышку он держал в руках, а карманы его куртки оттопыривались от пленки, лампочек и объективов. Мартин Бек узнал его по прежним встречам на местах преступлений.

— Это не наш, — ответил он Рённу. — Похоже, что пресса нас обскакала.

Фотограф, делавший снимки для одной вечерней газеты, поздоровался и сразу, покуда они шли к дверям, щелкнул обоих. У крыльца стоял репортер из той же газеты и пытался втянуть в разговор полицейского. Увидев Мартина Бека, он воскликнул:

— Доброе утро, господин комиссар. Вы разрешите вас сопровождать?

Мартин Бек покачал головой и поднялся на крыльцо, имея Рённа в кильватере.

— Ну хоть маленькое интервью, — не унимался репортер.

— Потом, — ответил Мартин Бек и, придержав дверь для Рённа, захлопнул ее перед носом репортера, скорчившего недовольную мину.

Наконец прибыл и полицейский фотограф, он остановился перед палатой, держа в руках свою сумку. Поодаль стоял тот самый врач со странным именем и полицейский в штатском из пятого участка. Рённ вместе с фотографом вошел в палату, чтобы дать ему необходимые указания. Мартин Бек подошел к двум другим.

— Как дела? — спросил он.

Старый, неизменный вопрос.

Полисмен в штатском — звали его Ханссон — поскреб в затылке и сказал:

— Мы разговаривали с большинством пациентов в этом коридоре, и ни один из них не видел и не слышал ничего подозрительного… Я хотел поговорить с доктором… но с этим много не наговоришь.

— А с теми, кто лежит в соседних палатах, вы беседовали? — спросил Мартин Бек.

— Да, — ответил Ханссон. — Мы сами обошли почти все помещения. Никто ничего не слышал, в старых домах знаете какие толстые стены!

— Остальных можно опросить за завтраком.

Врач молчал. Он явно не понимал по-шведски. После некоторого молчания он ткнул пальцем в сторону ординаторской.

— Have to go.[4]

Ханссон кивнул, и чернокудрый помчался прочь, стуча деревянными башмаками.

— Ты Нюмана знал? — спросил Мартин Бек.

— Да как тебе сказать. В его участке я никогда не работал, но встречаться мы, само собой, встречались. Сотни раз. Он старый служака, он уже комиссаром был, когда я только начинал. Двенадцать лет назад.

— А ты не знаешь кого-нибудь, кто с ним близко знаком?

— Тебе стоит, пожалуй, связаться с ребятами из округа Святой Клары. Он там работал, пока не заболел.

Мартин Бек кивнул и посмотрел на электрические стенные часы над дверью в туалетную комнату. Часы показывали без четверти пять.

— Я, пожалуй, туда съезжу, — сказал он. — Здесь я все равно почти ничего не могу сделать.

— Поезжай, — сказал Ханссон. — Я скажу Рённу, куда ты делся.

Выйдя на крыльцо, Мартин Бек глубоко вздохнул. Прохладный ночной воздух казался свежим и чистым. Репортер и фотограф куда-то исчезли, а полицейский стоял на прежнем месте.

Мартин Бек кивком попрощался и побрел к воротам. За последнее десятилетие внутренняя часть Стокгольма подверглась очень значительным преобразованиям. Сровняли с землей целые кварталы и на их месте возвели новые. Структура города изменилась, транспортная система расширилась, но новый строительный стиль свидетельствовал не столько о стремлении обеспечить людям сносные условия жизни, сколько о желании домовладельцев выколотить все, что можно, из дорогих земельных участков. В центре города не ограничились тем, что снесли девяносто процентов строений и перекроили существовавшую ранее сеть улиц, здесь изменили даже естественную топографию местности.

Жители Стокгольма с тревогой и огорчением наблюдали, как еще вполне пригодные и очень нужные жилые дома буквально стираются с лица земли, чтобы уступить место безликим и однообразным административным зданиям; бессильные что-либо изменить, они принимали ссылку в отдаленные пригороды, тогда как удобные и оживленные кварталы, где они раньше жили и работали, лежали в развалинах. Центр города превратился в гулкую и труднодоступную строительную площадку, из которой медленно, но неуклонно вырастал новый город, новое сити, где будут широкие и шумные транспортные магистрали и блестящие фасады из стекла и легких металлов — безжизненные бетонные плоскости, холодные, безликие.

Но эта оздоровительная вакханалия совсем не коснулась полицейских участков; в Старом городе многие устарели и обветшали, а поскольку численность персонала с каждым годом возрастала, там, помимо всего, просто негде было повернуться. В четвертом участке, куда направлялся Мартин Бек, недостаток помещений давно уже превратился в проблему номер один.

Когда он вылезал из такси у полицейского участка Святой Клары на Регерингсгатан, начинало светать. Скоро взойдет солнце, небо по-прежнему чисто, день обещает быть ясным, но прохладным.

Он поднялся по короткой каменной лестнице и открыл дверь. Справа от дверей находился коммутатор, где почему-то не было дежурного телефониста, и высокий барьер, за которым сидел пожилой полицейский с проседью. Облокотившись о барьер, он читал развернутую утреннюю газету. Когда вошел Мартин Бек, полицейский выпрямился и снял очки.

— А, комиссар Бек решил прогуляться по холодку. Я тут как раз просматривал утренние газеты — успели они сообщить о комиссаре Нюмане или нет? Скверная вышла история.

Он снова надел очки, послюнил палец и перевернул газетный лист.

— Похоже, они не успели откликнуться, — продолжал он.

— Да, — сказал Мартин Бек. — Похоже, не успели.

Утренние стокгольмские газеты последнее время загодя сдавались в печать, и в час, когда произошло убийство, они скорей всего уже были отпечатаны.

Мартин Бек обогнул барьер и вошел в соседнюю комнату. Там никого не было. На столе лежали утренние газеты, стояли пепельницы с окурками и несколько чашек из-под кофе. В одной из комнат он сквозь стеклянную перегородку увидел первого помощника комиссара, который допрашивал белокурую длинноволосую девушку. Увидев Мартина Бека, он встал, что-то сказал ей и вышел из-за перегородки. Дверь за собой он закрыл.

— Привет, — поздоровался он. — Ты меня ищешь?

Мартин Бек сел за стол с короткой стороны, придвинул к себе пепельницу и раскурил сигарету.

— Я никого конкретно не ищу, — ответил он. — Но если у тебя найдется немного времени…

— Тогда подожди, — попросил помощник. — Мне надо отправить эту особу в уголовную.

Он исчез, вернулся через несколько минут с радиопатрулем, взял со стола конверт и передал его патрулю. Женщина встала, повесила сумку через плечо и поспешила к дверям во двор. Не оборачиваясь, она бросила на ходу:

— Ну, давай, старина, поехали.

Патруль взглянул на дежурного помощника, но тот лишь пожал плечами с комическим удивлением. Тогда патруль надел свой шлемофон и вышел следом.

— Держится как у себя дома, — заметил Мартин Бек.

— Так она здесь не первый раз. И едва ли последний.

Он тоже сел к столу и принялся выколачивать свою трубку о край пепельницы.

— Ну и жуткая история произошла с Нюманом. Как оно все было на самом деле?

Мартин Бек коротко рассказал.

— Жуть, — сказал помощник, — Этот убийца, должно быть, совсем спятил. Но почему он выбрал именно Нюмана?

— Ты его знал? — спросил Мартин Бек.

— Не очень хорошо. Он не из той породы людей, которых можно хорошо знать.

— Он был здесь у вас со спецзаданием. Когда его перебросили в четвертый?

— Три года назад, даже кабинет отвели отдельный. В феврале шестьдесят восьмого.

— А что он был за человек? — спросил Мартин Бек.

Дежурный помощник набил трубку и раскурил ее.

— Даже и не знаю, как описать. Ты ведь с ним тоже был знаком. Честолюбивый, настойчивый, почти без чувства юмора. Взгляды самые что ни на есть консервативные. Ребята, которые помоложе, его побаивались, хотя по службе они не сталкивались. Он мог так обрезать… Впрочем, я тебе говорю, что не очень хорошо его знал.

— А были у него близкие друзья среди коллег?

— Во всяком случае, не у нас. Насколько я могу судить, наш комиссар не особенно с ним ладил. А как было в других местах, не знаю.

Помощник задумался и бросил на Мартина Бека какой-то непонятный взгляд. Как бы просительный, но в то же время понимающий.

— Н-да, — сказал он.

— Что н-да?

— У него небось до сих пор есть дружки на Кунгсхольмен.

Мартин Бек не ответил. Вместо этого он сам задал вопрос:

— А враги?

— Не знаю. Думаю, что враги у него были, но здесь — навряд ли, и не такие, чтобы…

— Ты случайно не знаешь, ему никто не угрожал? — спросил Мартин Бек.

— Нет, он со мной не слишком откровенничал. А вообще…

— Что вообще?

— А вообще, Нюман был не из тех людей, которым можно пригрозить.

В стеклянном загончике зазвонил телефон, помощник прошел туда и снял трубку. Мартин Бек стал у окна, засунув руки в карманы. В участке царила полная тишина. Ее нарушал только голос человека, говорившего по телефону, да сухое покашливание пожилого дежурного позади коммутатора. Надо полагать, этажом ниже, в камерах предварительного заключения, было далеко не так тихо.

Мартин Бек внезапно ощутил всю глубину своей усталости. После бессонной ночи щипало глаза, в горле першило от множества сигарет.

Телефонный разговор что-то затягивался. Мартин Бек зевнул и принялся листать газету, пробежал несколько столбцов, принялся за комикс, не думая, что читает. Наконец он сложил газету, постучал в стеклянную перегородку и, когда человек у телефона поднял голову, знаками показал ему, что хочет уйти. Помощник комиссара кивнул и продолжал болтать по телефону.

Мартин Бек раскурил еще одну сигарету и мимоходом подумал, что, если считать со вчерашнего утра, он выкурил за сутки, пожалуй, сигарет пятьдесят.

X

Если хочешь наверняка угодить в тюрьму, надо убить полицейского.

Эта истина действительна для большинства стран, а среди них не последнее место занимает Швеция. И впрямь, история преступлений в Швеции насчитывает немало нераскрытых убийств, но среди них нет ни одного дела по убийству полицейского.

Если отправляют к праотцам кого-нибудь из их компании, силы полиции поистине удваиваются. Все разговоры о недостатке людей и средств смолкают, будто по мановению волшебной палочки, на расследование бросают сотни сотрудников, тогда как обычное дело может рассчитывать на троих, от силы на четверых.

Тому, кто поднимет руку на полицейского, не уйти от правосудия. И отнюдь не потому, что широкие круги общественности всецело солидаризируются с властями, как это, например, имеет место в Англии или в социалистических странах, а потому, что вся личная гвардия главного шефа полиции твердо знает, чего от всей души желает шеф.

Мартин Бек стоял на Регерингсгатан и наслаждался утренним холодком.

Он был без оружия, зато в правом внутреннем кармане у него лежал размноженный на ротапринте циркуляр Управления государственной полиции. Циркуляр очутился на его столе день назад и представлял собой выдержки из новейшего социологического исследования.

Полиция недолюбливает социологов, особенно в последние годы, с тех пор, как социологи начали совать свой нос в ее дела, а их выводы пробудили бдительность вышестоящих инстанций. Возможно, эти инстанции смутно ощутили, что впредь им не удастся утверждать, будто все, кто занимается социологией, суть коммунисты и только о том и думают, как бы им успешнее осуществлять свою подрывную деятельность.

Социологи способны на все — так совсем недавно во всеуслышание заявил главный инспектор Мальм в очередном приступе раздражения. Мальм был начальником над полицейскими, в том числе и над Мартином Беком.

Может быть, Мальм по-своему и прав. Социологи и не такое докажут. Например, они докопались до того обстоятельства, что теперь при поступлении в полицейскую школу не требуют хороших отметок или что IQ[5] полицейских патрулей снизился по Стокгольму до 93.

— Все враки! — воскликнул тогда Мальм. — И не соответствует действительности! И кроме того, у нас IQ не ниже, чем в Нью-Йорке!

Он недавно посетил с познавательными целями Соединенные Штаты.

Исследование, помещавшееся в правом кармане у Мартина Бека, вскрывало новые любопытные факты. Оно утверждало, что профессия полицейского отнюдь не самая опасная по сравнению с другими, вполне мирными занятиями. Совсем напротив, другие сопряжены с гораздо бóльшим риском. Строительные рабочие и лесорубы рискуют жизнью гораздо чаще, не говоря уже о грузчиках, шоферах и домохозяйках.

Но разве не утверждалось везде и всегда, что работа полицейского гораздо опаснее, тяжелее и хуже оплачивается, чем остальные? Ответ был до обидного прост. Да, утверждалось, но лишь потому, что не существует другой профессиональной группы, которая была бы до такой степени сосредоточена на своих служебных обязанностях и до такой степени драматизировала бы их.

Вышесказанное подтверждалось цифрами. Число полицейских, получивших телесные повреждения, не шло, к примеру, ни в какое сравнение с числом людей, получавших ежегодно телесные повреждения от рук полиции. Ну и так далее.

Это относилось не только к Стокгольму. В Нью-Йорке ежегодно погибают в среднем семь полицейских, тогда как у водителей такси эта цифра возрастает до двух ежемесячно, у домохозяек — до одной еженедельно, у безработных — до одного ежедневно.

Для этих чертовых социологов нет ничего святого. Одной группе шведских специалистов удалось даже развеять миф об английских бобби и открыть миру ту истину, что английские полисмены не вооружены и лишь потому не провоцируют встречное насилие в такой же мере, как полицейские в других странах. Даже ответственные круги Дании приняли этот факт к сведению и разрешили полицейским прибегать к огнестрельному оружию лишь в исключительных случаях.

В Дании, но отнюдь не в Стокгольме.

Разглядывая труп Нюмана, Мартин Бек неожиданно вспомнил про это исследование.

Сейчас он снова о нем подумал. Он сознавал, что социологи пришли к справедливым выводам, более того, он угадывал таинственную связь между этими выводами и убийством, которое занимало его в данную минуту.

Выходит, быть полицейским безопасно, но зато опасны сами полицейские, а ведь он только что своими глазами видел зверски убитого полицейского.

Непроизвольно у него начали подергиваться уголки рта, и какое-то мгновение ему даже казалось, что вот сейчас он опустится на ступеньки, ведущие от Регерингсгатан к Кунгсгатан, и во все горло расхохочется над своими мыслями.

Следуя той же непонятной логике, он вдруг решил, что надо съездить домой и взять пистолет.

Вот уже больше года он к нему даже не притрагивался.

От Стуреплан спускалось свободное такси.

Мартин Бек поднял руку и остановил его.

Это было желтое «вольво» с черной полоской на крыльях — своего рода нововведение, так как по старым правилам все такси в Стокгольме должны быть сплошь черного цвета.

Мартин Бек сел рядом с шофером и сказал:

— Чепмангатан, восемь.

И в ту же секунду он узнал шофера.

Это был полицейский, один из тех, кто в свободное время ради дополнительного заработка крутит баранку. Впрочем, узнал он его благодаря чистой случайности. Несколько

дней назад он стоял перед Центральным вокзалом и наблюдал, как несколько до удивления неуклюжих полицейских сумели довести одного пьяного юнца, поначалу вполне миролюбивого, до полного неистовства, они довели его и осатанели сами. Сегодняшний шофер был одним из тех блюстителей порядка.

Ему было лет двадцать пять, и от природы он был очень разговорчив, но, поскольку на основной своей службе он ограничивался лишь короткими, злобными репликами, ему приходилось брать реванш за рулем.

Дорогу им преградила машина конторы благоустройства, комбинированная, подметально-поливочная. Полицейский-совместитель принялся тоскливо разглядывать рекламный плакат, возвещавший о фильме «Риллингтон Плейс, 10» с участием Ричарда Атенбороу, и сказал на непередаваемом диалекте:

— Это ведь «Площадь Риллингтон, десять», верно? И на такое ходит народ! Сплошь убийства, всякие напасти и какие-то рехнувшиеся типы. Жуть, да и только.

Мартин Бек кивнул. Шофер, явно не узнавший его, принял кивок за поощрение и продолжал непринужденно болтать.

— А все из-за иностранцев.

Мартин Бек промолчал.

— Я еще вот чего скажу: ошибается тот, для кого все иностранцы на одно лицо. Вот, который нам загородил дорогу на подметалке, он португалец.

— Да ну?

— Ей-богу, а я, между прочим, не встречал человека лучше, чем он. Он вкалывает с утра до вечера, а не отсиживается дома. И водить машину он умеет. Знаете почему?

Мартин Бек отрицательно покачал головой.

— Да потому, что он четыре года проездил на танке в Африке. Португалия вела какую-то освободительную войну в Анголе, так это место называется. Они там здорово боролись, португальцы-то, хотя мы, шведы, мало что об этом знаем. А парень, ну о котором я говорю, он за четыре года в Африке перестрелял сотни большевиков. Поглядишь на него, сразу увидишь, какую пользу приносит человеку армия, дисциплина, и всякое такое. Он точно выполняет все, что ему велят, и зарабатывает больше других, а если он заполучит к себе в машину пьяного финна, уж будь спокоен, он сдерет с него еще сто процентов чаевых себе в карман. И поделом. Они и так на социальном обеспечении.

Но тут, слава Богу, такси остановилось перед домом Мартина Бека. Он попросил шофера подождать, открыл дверь и поднялся к себе.

У Мартина Бека был «Вальтер» калибра 7,65, и находился он на своем месте в закрытом ящике письменного стола. Магазины тоже лежали где следует, в другом закрытом ящике и в другой комнате. Один он заложил в пистолет, остальные сунул в правый карман.

Зато ему пришлось не меньше пяти минут искать портупею, которая затерялась в гардеробе где-то среди старых галстуков и ношеных курток.

На улице перед своей желтой машиной стоял словоохотливый таксист и что-то довольно мурлыкал. Он вежливо распахнул дверцу, сел за руль и уже раскрыл было рот, чтобы продолжить приятную беседу, но Мартин Бек сказал:

— Пожалуйста, Кунгсхольмсгатан, тридцать семь.

— Так ведь это…

— Уголовная полиция, совершенно верно. Поезжайте через Скеппсбрун.

Шофер залился краской и за всю дорогу не промолвил больше ни слова.

«Ну и слава Богу», — подумал про себя Мартин Бек.

Несмотря ни на что, он любил свой город, а именно здесь и в эту пору город был, пожалуй, всего красивей. Утреннее солнце вставало над заливом, блестела водная гладь и ничем не напоминала о том ужасном загрязнении, которое — увы! — стало неопровержимым фактом. Мартин Бек еще помнил, как в молодости, да и много позже, он здесь купался.

Далеко справа у Стадегорден швартовался старый грузовой пароход с высокой прямой трубой и черным острием грот-мачты. Теперь такие не часто встретишь. Ранний паром до зоопарка бороздил воду, вздымая легкую волну. Мартин Бек заметил, что труба у парома вся черная, а название на борту замазано белой краской. Но все равно он прочел его: «Зоопарк № 5».

Перед входом в управление полиции шофер приглушенным голосом спросил:

— Квитанцию выписывать?

— Да, пожалуйста.

Мартин Бек прошел через все помещения, перелистал несколько папок, сделал несколько телефонных звонков, кое-что записал.

За час работы ему удалось составить краткое и довольно поверхностное жизнеописание покойника. Начиналось оно следующим образом:

«Стиг Оскар Эмиль Нюман.

Родился 6/XI 1911 в Сефлё.

Родители: Оскар Абрахам Нюман, инспектор лесосплава, и Карин Мария Нюман, урожденная Рутгерсон.

Образование: два класса начальной школы в Сефлё, два класса народной школы там же, пять классов реального училища в Омоле.

Кадровая служба в пехоте — с 1928, вице-капрал — в 1930, капрал — в 1931, фюрир — в 1933, школа унтер-офицеров».

После этого Стиг Оскар Эмиль Нюман поступил в полицию. Сперва служил деревенским полицейским в Вермланде, потом, во время кризиса тридцатых годов, обычным участковым в Стокгольме. Военные заслуги пошли ему на пользу и содействовали быстрому продвижению по службе.

В начале второй мировой войны он вернулся к прерванной военной карьере и там тоже быстро продвигался, выполняя различные, не очень понятные спецзадания. К концу войны был переведен в Карлсборг, но в 1946 году был отчислен в запас и годом позже снова пополнил собой ряды стокгольмской полиции, на сей раз уже как старший участковый.

Когда Мартин Бек еще ходил на курсы помощников, то есть в 1949 году, Нюман уже был заместителем комиссара, а несколько лет спустя сам получил участок.

В качестве комиссара Нюман в течение ряда лет возглавлял поочередно несколько участков. Время от времени он оседал в Старом полицейском управлении на Агнегатан, где опять-таки выполнял различные спецзадания.

Бóльшую часть своей жизни Нюман проносил форму, но, несмотря на это, принадлежал к числу лиц, не угодных высшему начальству.

Так что по службе он не продвинулся и остался главой отделения общественного порядка при муниципалитете.

Какие же случайности?

Мартин Бек знал ответ на этот вопрос.

В конце пятидесятых годов личный состав стокгольмской полиции претерпел существенные перемены. Пришло другое руководство, начались новые веяния, армейские места утратили былую популярность, а реакционные взгляды отныне не ставились в заслугу. Перемены на самом верху повлекли за собой и перемены в участках. Продвижение по службе

перестало быть актом чисто автоматическим, причем некоторые явления, как, например, прусский дух среди полицейских чинов, смела волна демократизации.

Нюман был в числе многих, кого новые веяния задели больней всего.

«Первая половина шестидесятых годов вписала светлую страницу в историю стокгольмской полиции», — подумал Мартин Бек. Казалось, все идет к лучшему, разум вот-вот одержит победу над косностью и круговой порукой, база для пополнения рядов полиции расширилась, и даже взаимоотношения с общественностью стали лучше. Но национализация 1965 года положила конец прогрессивным веяниям. Надежды угасли, добрые намерения были погребены.

Однако для Нюмана поворот шестьдесят пятого года запоздал. Вот уже семь лет ему не доверяли ни одного округа.

С шестьдесят пятого он по большей части занимался вопросами гражданской обороны и тому подобными делами.

Но никто не смог бы отнять у него славу лучшего эксперта по вопросам общественного порядка, и его как специалиста неоднократно привлекали в конце шестидесятых годов, когда участились многолюдные демонстрации протеста.

Мартин Бек поскреб в затылке и дочитал эти скудные сведения до конца.

Женился в 1945-м, двое законных детей: дочь Анелотта — 1949 года рождения, сын Стефан — 1956-го.

Досрочный выход на пенсию по болезни в 1970-м.

Мартин Бек достал шариковую ручку и записал:

«Скончался 3/IV 1971 в Стокгольме».

Затем он перечитал написанное еще раз и взглянул на часы. Без десяти семь.

«Интересно, как там дела у Рённа?» — подумал он.

XI

Город просыпался, зевая и потягиваясь.

Гюнвальд Ларссон делал то же самое. Он открыл глаза, зевнул и потянулся. Потом он положил большую волосатую руку на кнопку будильника, отбросил одеяло и спустил длинные волосатые ноги на пол.

Надев халат и тапочки, он подошел к окну посмотреть, какая погода. Прекращение осадков, переменная облачность, температура три градуса выше нуля. Пригород, в котором он жил, назывался Булмора и состоял из нескольких высотных домов, размещенных прямо в лесу.

Потом Гюнвальд Ларссон поглядел в зеркало, где увидел высокого белокурого мужчину; рост, как и прежде, сто девяносто два, зато вес уже сто пять. С каждым годом он хоть немножко да прибавлял, и не одна только мускулатура бугрилась теперь под белым шелком рубашки. Но он все еще был в хорошей форме и чувствовал в себе больше сил, чем когда бы то ни было, а это кое-чего да стоило. Гюнвальд Ларссон несколько секунд глядел себе самому в глаза, голубые и будто фарфоровые, под нахмуренным лбом. Откинул рукой светлую прядь, раздвинул губы и принялся изучать свои крепкие зубы.

Потом он достал из ящика утреннюю газету и пошел на кухню — приготовить завтрак. Он приготовил чай из пакетика “Twining's Irish breakfast”, поджарил хлеб, сварил два яйца. Достал масло, сыр и шотландский мармелад трех разных сортов.

За едой он перелистывал газету.

Швеция потерпела неудачу на мировом чемпионате по хоккею, и вот судейская коллегия, тренеры и сами игроки, обнаружив полное забвение спортивного духа, публично осыпают друг друга всевозможными обвинениями и проклятиями. На телевидении тоже

скандал, ибо монополизированное руководство из кожи лезет, чтобы взять под контроль информацию, поступающую по различным каналам.

Цензура, подумал Гюнвальд Ларссон. Хотя и в лайковых перчатках. Типично для опекаемого капиталистического общества.

Главной новостью дня было сообщение о том, что на Скансене окрестили трех медвежат. Следом помещалась нудная информация об изысканиях военных специалистов, установивших, что сорокалетние солдаты по своим физическим данным превосходят восемнадцатилетних новобранцев, и, наконец, на полосе, отведенной под культуру, а непосвященные читатели до этой полосы никогда не добирались, была опубликована заметка о Родезии.

Все это Ларссон успел прочесть, пока пил чай, ел два яйца и шесть ломтей хлеба.

В Родезии Гюнвальд Ларссон никогда не бывал, но в Южной Африке — Сьерра-Леоне, Анголе, Мозамбике — много раз. В ту пору он был моряком и уже тогда твердо знал, чего хочет.

Он завершил трапезу, убрал со стола, а газету швырнул в корзину для бумаг. Поскольку день был субботний, он взял чистое полотенце перед тем, как принять душ. Затем с большим тщанием отобрал вещи, которые собирался надеть сегодня, и аккуратно разложил их на кровати. Раздевшись, прошел в душ.

Его холостяцкая квартира свидетельствовала о хорошем вкусе и о любви к высокому качеству. Мебель, ковры, гардины, словом, все — от белых итальянских домашних туфель до цветного телевизора марки «Нордменде» — было высшего сорта.

Гюнвальд Ларссон являлся первым помощником комиссара по уголовным делам и никак не мог рассчитывать подняться хоть ступенькой выше. Вообще-то говоря, удивительно, что ему до сих пор не дали пинка под зад. Коллеги считали его странным и все, как один, относились к нему недоброжелательно. Сам он пренебрегал не только товарищами по работе, но и собственной родней, и тем высшим слоем общества, откуда вышел. Братья и сестры относились к нему с глубоким предубеждением. Отчасти из-за его более чем оригинальных взглядов, но прежде всего потому, что он служил в полиции.

Принимая душ, Гюнвальд Ларссон думал о том, суждено ли ему сегодня умереть.

Его отнюдь не терзало смутное предчувствие. Просто эта мысль приходила к нему каждое утро с тех пор, как он восьмилетним мальчишкой, почистив зубы, безрадостно тащился в школу Бромса на Стурегатан.

Леннарт Колльберг лежал у себя в постели и видел сон. Сон был не из приятных, снился уже не впервые, и всякий раз он просыпался весь в поту и говорил Гюн:

— Обними меня, я видел страшный сон.

И Гюн, вот уже пять лет его жена, обнимала мужа, и тогда он сразу забывал про страшный сон.

Во сне его дочь Будиль стояла у раскрытого окна на шестом этаже. Он пытался броситься к ней, но ноги не слушались, и девочка начинала падать из окна, медленно, как при замедленной съемке, и кричала, тянула руки к отцу, а он изо всех сил рвался к ней, но ноги не повиновались, девочка все падала, падала и, не переставая, кричала.

Он проснулся. Крик, услышанный во сне, обернулся дребезжащим звонком будильника, и, открыв глаза, он увидел, что Будиль сидит верхом на его ногах.

Сидит и читает «Кошкину прогулку». Ей было три с половиной года, и читать она, конечно, еще не умела, но и Гюн, и он столько раз ей читали, что и сами уже выучили книжку наизусть.

Вот и сейчас Будиль шептала:

Синеносый старичок

Шел в дерюжке сквозь лесок.

Колльберг закрыл будильник, и девочка, смолкнув на полуслове, закричала: «Доброе утро!» — высоким, ясным голоском.

Колльберг повернул голову и взглянул на Гюн. Та все еще спала, натянув одеяло до самого носа, и ее темные густые волосы чуть увлажнились у висков. Он прижал палец к губам и шепнул:

— Тише, не разбуди маму. И слезай с моих ног, мне неудобно. Иди сюда, ложись рядом.

Он слегка подвинулся, чтобы Будиль могла залезть под одеяло между ним и Гюн. Она сунула ему книгу и уткнулась головой ему в подмышку.

— Читай, — приказала она.

Он отложил книгу и ответил:

— Сейчас не буду. Ты газету принесла?

Она с размаху уселась ему на живот и ухватила газету, лежавшую на полу, перед кроватью. Он закряхтел, поднял Будиль и уложил ее на прежнее место. Затем он развернул газету и начал читать. Когда он добрался до иностранной хроники на двенадцатой полосе, Будиль сказала:

— Папа…

— Угу-м.

— Папа, а Иоаким обкакался.

— Угу-м-м.

— Он стащил пеленку и наделал прямо на стенку, да так много.

Колльберг отложил газету, снова закряхтел, вылез из постели и прошел в детскую. Иоаким — ему был год без малого — стоял в решетчатой кроватке. Завидев отца, он выпустил из рук перекладину кровати и с шумом плюхнулся на подушку. Насчет стенки Будиль, к сожалению, не преувеличивала: так все и было.

Колльберг взял мальчика под мышку, потащил его в ванную и облил из гибкого шланга. Затем он завернул малыша в купальную простыню и уложил его рядом со спящей Гюн. Постельное белье и пижамку он прополоскал, замыл спинку кровати и обои, достал чистый полиэтиленовый подгузник и пеленку, и все это время Будиль вертелась под ногами. Она была очень довольна, что теперь отец сердится не на нее, и демонстративно охала по поводу ужасного поведения братца. Покуда Колльберг наводил порядок, время перевалило за половину восьмого, так что ложиться снова уже не имело смысла.

Когда он вошел в спальню, у него сразу улучшилось настроение. Гюн проснулась и играла с Иоакимом. Она согнула ноги в коленях, а малыша взяла под мышки, и он, как с горки, съезжал с ее колен на живот. Гюн была красивая темпераментная женщина. К тому же умная и с хорошим характером. Колльберг всегда мечтал жениться на такой, как Гюн, и не желал удовольствоваться меньшим, хотя женщин на своем веку повидал немало. Когда он наконец встретил Гюн, ему стукнул уже сорок один год, и надежда почти покинула его. Гюн была четырнадцатью годами моложе и, право, стоила того, чтобы ее дожидаться. Их отношения с первого дня развивались естественно и просто, без каких-либо осложнений.

Гюн улыбнулась мужу и подняла сына, а тот даже загукал от удовольствия.

— Привет, — сказала Гюн. — Ты его вымыл?

Колльберг дал ей полный отчет.

— Бедняжка! Приляг хоть ненадолго, — предложила она, взглянув на часы. — У тебя еще есть время.

Вообще-то говоря, времени у него не было, но он легко поддавался на уговоры. Он лег рядом с ней, просунул руку под ее шею, потом опять встал, отнес Иоакима в детскую, поставил его на почти высохший матрац, надел ползунки и махровую распашонку, кинул в кровать несколько игрушек и вернулся к Гюн. Будиль сидела на коврике в гостиной и играла в скотный двор.

Через некоторое время она вошла к ним, поглядела и сказала довольным голоском:

— В лошадки, в лошадки! Папа будет лошадка.

После чего она попыталась сесть на него верхом, но он выставил ее и запер за ней дверь. Теперь дети им не мешали, и, проведя некоторое время наедине с женой, он задремал в ее объятиях.

Когда Колльберг подходил к своей машине, часы на Шермарбринкской станции подземной дороги показывали восемь часов двадцать три минуты. Садясь в машину, он помахал Гюн и Будиль, стоявшим у кухонного окна.

Чтобы попасть в Вестбергаллее, ему незачем было ехать в город, он мог добраться туда через Орсту и Энскеде и тем самым избежать «пробок».

Сидя за рулем, Леннарт Колльберг громко и очень фальшиво насвистывал ирландскую народную песню.

Сияло солнце, в воздухе чувствовалась весна, и в садах, мимо которых он проезжал, расцветали крокусы и гусиный лук. Леннарт Колльберг находился в отличном расположении духа: если не произойдет ничего непредвиденного, он на работе не задержится и вскоре после обеда сможет вернуться домой. Гюн съездит к Арвиду Нордквисту, купит чего-нибудь вкусненького, и это вкусненькое они съедят, когда уложат детей. Даже после пяти лет совместной жизни оба считали, что по-настоящему хорошо провести вечер можно только дома, только вдвоем, приготовить что-нибудь вкусное и потом долго сидеть, есть, пить, разговаривать.

Колльберг очень любил хорошо поесть и выпить, не диво, что с годами он поднакопил лишний жирок, или слегка раздобрел, по его собственному выражению.

Но тот, кто вообразил бы, будто Колльберг из-за «округлости форм» утратил былую подвижность, рисковал жестоко ошибиться. Колльберг мог проявить неожиданное проворство и до сих пор владел техникой и навыками, которые приобрел в бытность парашютистом.

Колльберг перестал насвистывать и начал размышлять над проблемой, которая занимала его последние годы. Ему все меньше нравилась его профессия, он охотно бросил бы ее вообще. Проблема и раньше была не из легких, а стала еще сложней потому, что год назад его назначили инспектором уголовной полиции и, соответственно, положили более высокое жалованье. Не так-то просто инспектору уголовной полиции сорока шести лет от роду найти хорошо оплачиваемую работу не по специальности. Гюн, правда, говорила, что ей плевать на деньги, что дети скоро подрастут и тогда она снова пойдет работать. Кроме того, она уже теперь не теряла времени даром и за четыре года сидения дома выучила еще два языка, а значит, и платить ей будут больше, чем прежде. До рождения дочери она была старшим секретарем и может в любую минуту получить хорошо оплачиваемое место, только Колльберг не желал, чтобы ей пришлось вернуться на работу раньше, чем ей этого в самом деле захочется.

Кроме того, он с трудом представлял себе, как это он будет выглядеть в роли пенсионера.

Несмотря на природную лень, он тем не менее испытывал потребность в активной и разнообразной деятельности.

Ставя машину в гараж Южного управления, Колльберг вдруг вспомнил, что Мартин Бек по субботам выходной.

«Отсюда следует, что, во-первых, придется проторчать здесь целый день, а во-вторых, поблизости не будет ни одного толкового человека, с которым можно отвести душу», — подумал Колльберг, и настроение у него сразу испортилось.

Чтобы как-то себя подбодрить, он в ожидании лифта снова начал насвистывать.

XII

Колльберг не успел даже снять пальто, как зазвонил телефон.

— Да, да, Колльберг слушает… Что?

Он стоял за своим столом, заваленным бумагами, и смотрел в окно невидящим взглядом. Переход от прелестей семейной жизни к мерзостям службы не совершался у него так просто и естественно, как у других, у Мартина Бека например.

— В чем дело? Так, так. Нет, значит? Хорошо, скажите, я буду.

Снова вниз к машине, и на сей раз уже нечего даже надеяться избежать «пробок».

На Кунгсхольмсгатан он прибыл без четверти девять. Машину поставил во дворе. В ту минуту, когда он вылезал из машины, Гюнвальд Ларссон сел в свою и уехал.

Они молча кивнули друг другу. В коридоре он встретил Рённа. Тот сказал:

— А, и ты здесь.

— В чем дело?

— Кто-то прирезал Стига Нюмана.

— Прирезал?

— Да, штыком, — озабоченно сказал Рённ. — В Саббатсберге.

— Я Ларссона встретил. Он что, туда поехал?

Рённ кивнул.

— А Мартин где?

— Сидит в кабинете Меландера.

Колльберг окинул Рённа критическим взглядом.

— У тебя такой вид, будто ты уже совсем дошел.

— Так оно и есть, — сказал Рённ.

— Чего же ты не едешь домой и не ляжешь спать?

Рённ ответил тоскливым взглядом и побрел дальше по коридору. В руках он держал какие-то бумаги и явно шел по делу.

Колльберг громыхнул кулаком в дверь и открыл ее. Мартин Бек даже не поднял головы от своих бумаг. На появление Колльберга он реагировал только одним словом:

— Привет.

— О чем это толкует Рённ?

— А вот о чем. Погляди-ка.

Мартин Бек придвинул к нему два отпечатанных на машинке листа. Колльберг присел боком на край стола и углубился в чтение.

— Ну? — спросил Мартин Бек. — Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что Рённ составляет слишком уж мрачные донесения.

Но отвечал он, понизив голос и вполне серьезно, а пять секунд спустя продолжал:

— Жутковатая картина.

— Да, — отозвался Мартин Бек. — И у меня такое же ощущение.

— А как это выглядело?

— Хуже, чем ты можешь себе представить.

Колльберг покачал головой. Воображения у него хватало.

— Того, кто это сделал, надо брать, и как можно скорей.

— Вот именно, — сказал Мартин Бек.

— С чего начнем?

— Со многого. Мы зафиксировали кое-какие следы. Следы башмаков, а может, и отпечатки пальцев. Но, к сожалению, никто ничего не видел и не слышал.

— Скверно, — начал Колльберг. — Может уйти много времени. А убийца из опасных.

Мартин Бек кивнул.

В комнату, деликатно кашлянув, вошел Рённ.

— Пока сведения неутешительные. И с отпечатками пальцев тоже плохо.

— Отпечатки пальцев — это пустяки. — сказал Колльберг.

Рённ удивленно взглянул на него.

— У меня есть очень хороший слепок, — продолжал он. — След лыжного ботинка или очень грубого башмака.

— Тоже пустяки, — сказал Колльберг. — Только не поймите меня превратно. Все это может пригодиться потом, как улика. А сейчас важно только одно: схватить того, кто убил Нюмана. Доказать, что убил именно он, мы всегда успеем.

— Не вижу логики, — сказал Рённ.

— Верно, но нам пока не до логики. А кое-какие важные детали у нас есть.

— Ну да, орудие убийства, — задумчиво произнес Мартин Бек. — Старый штык.

— И еще у нас есть причина убийства…

— Причина? — переспросил Рённ.

— Разумеется, — отвечал Колльберг. — Месть. Единственно возможная причина.

— Но если это месть… — начал Рённ и не довел свою мысль до конца.

— …то нетрудно вообразить, что тот, кто убил Нюмана, намерен отомстить еще многим, — продолжил за него Колльберг. — А поэтому…

— …его надо схватить как можно скорей, — завершил Мартин Бек.

— Точно, — сказал Колльберг. — А вы как, собственно говоря, рассуждали?

Рённ с несчастным видом посмотрел на Мартина Бека, а тот отвернулся к окну.

Колльберг поглядел на обоих с вызовом.

— Минуточку, — сказал он. — Задавались ли вы вопросом, кто такой был Нюман?

— Кто такой был Нюман?

У Рённа сделался растерянный вид, Мартин Бек молчал.

— Именно. Кто такой был Нюман или, точнее говоря, кем он был?

— Полицейским, — откликнулся наконец Мартин Бек.

— Ответ неполный, — сказал Колльберг. — Вы оба его знали. Итак, кем он был?

— Ну, комиссаром полиции, — пробормотал Рённ.

Потом он устало моргнул и сказал неопределенным тоном:

— Мне еще позвонить надо кой-куда.

— Ну-с, — сказал Колльберг, когда за Рённом закрылась дверь. — Так кем же был Нюман?

Мартин Бек поглядел ему в глаза и с видимой неохотой произнес:

— Он был плохим полицейским.

— Неверно. — сказал Колльберг. — А теперь послушай меня. Нюман был самым плохим полицейским, какого только можно себе представить. Он был подлец и негодяй, последний из негодяев.

— Это твое личное мнение. — сказал Мартин Бек.

— Да, мое личное, но ты должен признать, что я прав.

— Я не очень близко его знал.

— Ну, ну, не увиливай. Ты знал его достаточно, чтобы согласиться со мной. Я понимаю, что из-за ложно толкуемой лояльности Эйнар со мной не согласится. Но уж ты, будь добр, не увиливай.

— Ладно, — произнес Мартин Бек. — То, что я слышал о нем, звучало не слишком лестно. Но сам я никогда с ним вместе не работал.

— Неточная формулировка, — сказал Колльберг. — С Нюманом и нельзя было работать вместе. От него можно было только получать приказы и делать, что приказано. Те, кому положение разрешало, могли, разумеется, приказывать и ему. А спустя некоторое время убедиться, что приказ выполнен неправильно или вообще не выполнен.

— Ты выступаешь как эксперт по делу Стига Нюмана, — сказал Мартин Бек кислым тоном.

— Да, потому что я знаю о нем много такого, чего не знают другие. Но об этом мы поговорим позднее. А сейчас надо твердо установить, что он был подлец. И негодный работник. Даже в наши дни он позорил свою корпорацию. Поверишь, мне стыдно, что я служил полицейским в одном городе с ним. И в одно время.

— Ну, если так рассуждать, стыдиться надо многим.

— Вот именно. Но только у очень немногих на это хватает ума.

— А любой лондонский полицейский должен бы стыдиться из-за Чэлленора.

— Опять не то говоришь, — сказал Колльберг. — Чэлленор и его подручные, прежде чем предстали перед судом, успели натворить много бед. А это свидетельствует о том, что существующая система намерена и впредь попустительствовать полиции.

Мартин Бек рассеянно потирал лоб.

— Зато имя Нюмана ничем не запятнано. А почему?

Колльберг сам ответил на свой вопрос:

— Потому что все знают: жаловаться на полицейского бессмысленно. Простые смертные беззащитны перед полицией. А раз нельзя добиться правды, даже когда имеешь дело с рядовым полицейским, что уж говорить о полицейском комиссаре?

— Ты преувеличиваешь.

— Очень немного, Мартин, очень немного, и ты это знаешь не хуже, чем я. Беда в том, что наша проклятая спайка стала для нас своего рода второй натурой. Мы все помешаны на чести мундира, выражаясь более изысканно.

— Без спайки в нашем деле нельзя, — заявил Мартин Бек. — Так было всегда.

— А скоро у нас, кроме нее, ничего и не останется, — сказал Колльберг и, вздохнув, продолжал:

— О'кэй! Полицейские горой стоят друг за дружку. Это факт, но возникает вопрос: против кого они стоят?

— До того дня, когда кто-нибудь сумеет ответить на этот вопрос…

Мартин Бек не договорил, и Колльберг сам завершил его мысль:

— …до того дня не доживешь ни ты, ни я.

— А при чем тут Нюман?

— При всем.

— Так уж и при всем?

— Нюман мертв и не нуждается больше в снисхождении. Тот, кто убил его, судя по всему, душевнобольной человек, опасный для самого себя и для окружающих.

— И ты убежден, что этого человека можно отыскать в прошлом Нюмана?

— Убежден. Он должен там фигурировать. Ты давеча сделал не такое уж глупое сравнение.

— Какое сравнение?

— Насчет Чэлленора.

— Но ведь я не знаю всей правды про Чэлленора, — холодно отвечал Мартин Бек. — Может быть, ты ее знаешь?

— Нет. Ее не знает никто. Зато я знаю, что многие люди были избиты, и даже больше того — приговорены к длительным срокам заключения лишь потому, что полицейские в суде лжесвидетельствовали против них. И ни выше-, ни нижестоящие инстанции никак на это не реагировали.

— Вышестоящие — во имя чести мундира, — сказал Мартин Бек. — А нижестоящие — из страха потерять работу.

— Причина еще страшней. Многие из нижестоящих просто-напросто полагали, что так и должно быть. Другого они никогда не видели.

Мартин Бек встал и подошел к окну.

— А теперь расскажи о Нюмане то, что знаешь ты и чего не знаем мы.

— Нюман тоже занимал такой пост, который давали ему возможность командовать множеством молодых коллег в общем-то по своему усмотрению.

— Это было давно.

— Не так уж давно, в полиции до сих пор служат люди, которые прошли у Нюмана полную выучку. Ты понимаешь, что это значит? За эти годы ему удалось разложить десятки молодых ребят, которые с первых дней усвоили ложное представление о работе полицейского. При этом многие вполне искренне преклонялись перед Нюманом, надеясь рано или поздно стать его копией. Стать таким же непреклонным и неограниченным самодержцем. Понимаешь?

— Да, — устало сказал Мартин Бек. — Я понимаю, о чем ты. И хватит долбить одно и то же.

Он повернулся и в упор взглянул на Колльберга.

— Хотя из этого не следует, что я с тобой согласен. Ты лично знал Нюмана?

— Да.

— Служил под ним?

— Да.

Мартин Бек нахмурил брови.

— Когда это было? — спросил он недоверчиво.

— Негодяй из Сефлё, — пробормотал Колльберг себе под нос.

— Что, что?

— Негодяй из Сефлё. Так его называли.

— Где?

— В армии. В войну. Многому из того, что я знаю и умею, меня научил Стиг Нюман.

— Например?

— Ну, например, как выхолостить живую свинью, чтобы свинья при этом не визжала. Как отрубить ноги той же свинье, чтобы свинья при этом не визжала, как выколоть глаза, как, наконец, вспороть ей брюхо и содрать с нее шкуру и чтобы она по-прежнему не визжала.

Он передернулся:

— А знаешь, как этого добиться?

Мартин Бек качнул головой.

— Очень просто. Надо вырвать у нее язык.

Колльберг поглядел в окно на холодное серое небо над крышами по другую сторону улицы.

— Я еще много кое-чему у него выучился. Как перерезать горло овце фортепьянной струной, прежде чем овца успеет заблеять. Как, будучи запертым в платяном шкафу со взрослой рысью, одолеть ее. Как надо реветь, когда бросаешься вперед и пронзаешь штыком корову. И как тебя накажут, если заревешь не по правилам. Как с полным ранцем кирпичей вскарабкаться на тренировочную вышку. Пятьдесят раз вверх, пятьдесят вниз. А рысей не убивали за один присест, их использовали несколько раз. Знаешь как?

— Нет.

— Прикалывали к стене ножом. За шкуру.

— Ты ведь был десантником, верно?

— Да. А Нюман был моим инструктором по ближнему бою. Помимо всего прочего. От него я узнал, что испытывает человек, обмотанный кишками только что забитой скотины, он учил меня съедать собственную блевотину, когда меня, бывало, вырвет в противогаз, и глотать собственное дерьмо, чтобы не оставлять следов.

— А какое у него было звание?

— Сержант. Многое из того, чему он учил, вообще нельзя усвоить теоретически. Как, например, переламывать руку или ногу, или сворачивать шею, или выдавливать пальцами глаза. Учиться надо было на практике. На овцах и свиньях — самое милое дело. Мы испытывали на живых существах различные виды оружия, больше всего на свиньях, и можешь мне поверить, в те времена даже и речи не было о том, чтобы предварительно их усыпить.

— И это считалось нормальной строевой подготовкой?

— Чего не знаю, того не знаю. И не понимаю твой вопрос. Разве здесь применимо слово «нормальная»?

— Пожалуй, нет.

— Даже если допустить, что все это из каких-то идиотских соображений считалось необходимым, все равно не было никакой причины делать подобное с гордостью и удовольствием.

— Верно. Значит, все это делал Нюман?

— Именно. И развращал молодых ребят. Учил их гордиться своим бессердечием и получать удовольствие при виде чьих-то страданий. У многих есть вкус к таким вещам.

— Короче говоря, он был садист?

— До мозга костей. Хотя сам называл это твердостью духа. Быть твердым — вот единственно нужное для настоящего мужчины. Твердым психически и физически. Так он считал — недаром он всегда поощрял издевательства старших над младшими. Это входило в программу обучения.

— Но для этого не обязательно быть садистом.

— Он проявлял себя по-всякому. Он был помешан на дисциплине. Но дисциплина — это, знаешь ли, одно, а наказание за проступки — совсем другое. Нюман почти каждый день кого-нибудь наказывал за самые пустяковые провинности. За оторванную пуговицу, например. И провинившийся имел право выбирать.

— Между чем и чем?

— Рапортом по начальству и физической расправой. Но рапорт означал три дня карцера плюс пятно в послужном списке, и большинство предпочитало физическое наказание.

— Какое же?

— Я и сам схлопотал его один раз. За то, что в субботу вечером явился позже срока в расположение части. Я перелез через забор. Разумеется, угодил в лапы к Нюману. И выбрал второе. В моем случае это свелось к следующему: меня заставили стоять по стойке «смирно» с куском мыла во рту, а Нюман тем временем переломал мне два ребра своими кулаками. После чего он угостил меня кофейком с печеньем и сказал, что из меня вполне может получиться твердый парень и настоящий солдат.

— А потом?

— Как только война кончилась, я позаботился о том, чтобы поскорей демобилизоваться, чинно и благородно. Потом я приехал сюда и стал полицейским. И первый, кого я здесь встретил, был Нюман. Он уже был старшим участковым при отделе общественного порядка.

— И ты полагаешь, что на этом посту он вел себя так же?

— Может, не точно так же. Точно здесь и не получилось бы. Но уж от рукоприкладства он не отказался и тут. Бил подчиненных, бил арестантов. Я много чего наслышался за минувшие годы.

— Но на него должны были поступать жалобы. И неоднократно, — задумчиво сказал Мартин Бек.

— Точно. Но из-за этой самой чести мундира мы наверняка не сможем отыскать в его досье ни единой жалобы. Все они попадали прямиком в корзинку для бумаг. Большинство даже не регистрировалось при поступлении. Здесь, например, ты ничего не найдешь.

У Мартина Бека блеснула внезапная мысль.

— А уполномоченный риксдага по контролю за судопроизводством нас не выручит? — спросил он. — Те, с кем обошлись не по закону, наверняка жаловались уполномоченному депутату, хотя бы некоторые.

— И без толку, — сказал Колльберг. — Такой человек, как Нюман, не забывал окружить себя коллегами, которые в случае необходимости всегда засвидетельствуют под присягой, что ничего дурного он не делал. Молодыми полицейскими, которые знали, что их сживут со света, если они откажутся принести присягу. Либо такими, которые уже закоснели в своем жестоком ремесле и думают только об одном: как бы не запятнать мундир. А уж со стороны комиссару и вообще ничего не грозило.

— Ты прав, — сказал Мартин Бек, — но в канцелярии депутата риксдага не выбрасывают жалобы, даже если по ним и не примут никаких мер. Их подшивают и хранят в архиве.

— Это мысль, — протянул Колльберг. — И не такая уж глупая. На тебя явно снизошло озарение.

Он еще немного подумал и сказал:

— Вот если бы у нас существовало движение за гражданские права, которое регистрировало бы все случаи превышения власти. Но в нашей стране его, к сожалению, нет. А уполномоченный, пожалуй, пригодится.

— И орудие убийства, — добавил Мартин Бек. — Такой штык мог сохраниться у человека только с военной службы. Не всякий в состоянии заиметь подобную штуку. Я обращу внимание Рённа на эту деталь.

— Обрати. А потом возьми с собой Рённа, и поезжайте в канцелярию уполномоченного.

— А ты что будешь делать?

— Я хочу съездить взглянуть на Нюмана. Там уже наверняка торчит Ларссон, ну и черт с ним. Я еду ради себя. Хочу посмотреть, как это на меня подействует. Может, меня даже вывернет, но теперь никто не заставит меня глотать собственную блевотину.

Мартин Бек уже не казался таким усталым, как прежде. Он выпрямился и спросил:

— Леннарт, ты меня слушаешь?

— Да.

— Почему его так называли? Негодяем из Сефлё?

— Проще простого. Он был родом из Сефлё и при всяком удобном случае твердил об этом. Из Сефлё выходят твердые люди, говаривал он. Настоящие мужчины. Ну а в том, что он был негодяем и подлецом, сомнений нет. Один из самых подлых людей, каких я встречал на своем веку.

Мартин Бек долго глядел на него.

— Пожалуй, ты прав, — сказал он.

— Посмотрим, посмотрим. Желаю удачи. Надеюсь, тебе повезет.

И снова Мартина Бека охватило необъяснимое предчувствие беды.

— День будет нелегкий.

— Да, — ответил Колльберг. — Предпосылки для этого уже есть. Надеюсь, ты теперь меньше боишься запятнать честь мундира?

— Надеюсь.

— Не забывай, что Нюману уже не нужна круговая порука. Да! Сколько мне помнится, у него все эти годы был до гроба преданный оруженосец. Субъект по имени Хульт. Он сейчас должен быть первым помощником комиссара, если только не ушел со службы. Надо бы с ним связаться.

Мартин Бек кивнул.

Кто-то заскребся в дверь. Вошел Рённ и остановился у дверей, нерешительно, чуть не падая от усталости. Глаза у него после бессонной ночи были красные, воспаленные.

— Ну, чем теперь займемся? — спросил Рённ.

— У нас куча дел. Ты готов?

— Само собой, — ответил Рённ, подавляя зевок.

XIII

Мартину Беку не стоило особого труда раздобыть биографические сведения о человеке, который, по словам Колльберга, был верным оруженосцем покойного. Звали его Харальд Хульт, и всю свою сознательную жизнь он прослужил в полиции. Поэтому его путь нетрудно было проследить по полицейским архивам.

Девятнадцати лет Хульт начал свою службу в Фалуне простым постовым, теперь он был первым помощником комиссара. Насколько Мартин Бек мог заключить из бумаг, Хульт и Нюман впервые встретились на совместной работе в тридцать шестом-тридцать седьмом, когда оба патрулировали один округ. В конце сороковых годов судьба вновь свела их в другом округе в центре города. Несколько более молодой Нюман был уже старшим участковым, а Хульт все еще оставался рядовым.

В пятидесятые годы Хульт начал мало-помалу продвигаться, и служба неоднократно сводила его с Нюманом. Нюман, видимо, имел право лично подбирать себе помощников для выполнения спецзаданий, а Хульт явно ходил у него в любимчиках. Если считать Нюмана таким, каким его изобразил Колльберг — а оснований не верить Колльбергу нет, — то человек, считавшийся «до гроба преданным оруженосцем» Нюмана, представлял собой весьма любопытный психологический феномен.

Во всяком случае, он заинтересовал Мартина Бека, и тот решил последовать совету Колльберга и встретиться с Хультом. Прежде чем взять такси и поехать по указанному адресу в Реймерсхольме, он позвонил и убедился, что нужный ему человек находится дома.

Хульт жил в северной оконечности острова, в одном из огромных домов, выходивших на канал Лонгсхольм. Дом стоял высоко, улица с другой стороны внезапно кончалась за последним домом и круто падала к воде.

Район этот, в основном выглядевший точно так же, как и в тридцатых годах, когда его только заложили, сильно выигрывал от того, что здесь был запрещен сквозной проезд. Реймерсхольм был крохотный островок, вел туда один-единственный мост, домов здесь было немного, и все они довольно далеко отстояли друг от друга. Почти треть площади острова занимал старый спирто-водочный завод и другие не менее старые фабрики и склады. Между жилыми домами было много зеленых насаждений и даже парков, берег Лонгсхольмской бухты оставили как он есть, и естественная поросль — осины и плакучие ивы — подступала к самой воде.

Первый помощник комиссара Харальд Хульт жил одиноко в двухкомнатной квартире на втором этаже. Здесь все было чисто, упорядоченно и так удачно расставлено, что квартира выглядела пустой. «Будто нежилая», — подумал про себя Мартин Бек.

На вид Хульту можно было дать лет шестьдесят. Он был крупный, высокий, с массивным подбородком и пустым взглядом серых глаз.

Они сели за низкий лакированный столик у окна, на столике ничего не было, на подоконнике тоже. Да и вообще во всей обстановке квартиры чувствовался явный недостаток предметов сколько-нибудь личных. Бумаг вроде бы совсем не было, даже ни единой газетенки, а три книжки, которые Мартин Бек все-таки отыскал глазами, оказались тремя томами телефонного справочника, аккуратно выставленными на стандартной полочке в передней.

Мартин Бек расстегнул куртку и чуть ослабил галстук. Потом достал пачку «Флориды», коробок спичек и поискал глазами пепельницу.

Хульт перехватил его взгляд и сказал:

— Я не курю, и пепельницы у меня, по-моему, никогда не было.

Из кухонного шкафа он принес белое блюдечко. Перед тем как сесть, спросил:

— Не хочешь чего-нибудь? Я только что пил кофе, но можно сварить еще.

Мартин Бек отрицательно помотал головой. Он заметил, что Хульт помешкал перед тем, как обратиться к нему. Должно быть, не знал, удобно ли говорить «ты» главе государственной комиссии. Это прежде всего доказывало, что Хульт — служака старой школы, когда чинопочитание было одной из основных заповедей. Хотя сегодня у Хульта был выходной день, он надел форменные брюки, голубую рубашку и галстук.

— Ты разве не выходной?

— Я почти всегда ношу форму, — ответил Хульт бесцветным голосом. — В ней я себя лучше чувствую.

— А здесь хорошо, — и Мартин Бек глянул в окно.

— Да, — согласился Хульт. — Наверное, ты прав. Хотя здесь тоскливо.

Он положил на стол большие мясистые руки, как положил бы две дубинки, и засмотрелся на них.

— Я вдовец. Жена умерла три года назад. Рак. С тех пор здесь очень тоскливо и одиноко.

Хульт не курил и не пил. Навряд ли он читал книги. Газеты, пожалуй, тоже нет. Мартин Бек живо представил себе, как Хульт сидит перед телевизором, а за окном сгущается тьма.

— Ты о чем хотел говорить?

— Стиг Нюман умер.

Реакции почти никакой. Он только бросил взгляд на посетителя и сказал:

— Вот оно что.

— Ты уже знаешь об этом?

— Нет. Но этого следовало ожидать. Стиг болел. От него и так одни кости остались.

Он снова взглянул на свои огромные кулаки, словно задумавшись над вопросом, сколько может пройти времени, прежде чем собственное тело подобным же образом подведет его. Потом он спросил:

— А ты знал Стига?

— Не очень близко, — ответил Мартин Бек. — Ну вот как тебя примерно.

— Да, не очень. Мы ведь всего два-три раза встречались с вами. — И тут же поправился: — С тобой. — После чего без паузы продолжал: — Я всю жизнь прослужил в отделе общественного порядка. И почти не встречался с людьми из уголовной.

— Но ведь Нюмана ты знал хорошо или тоже не очень?

— Мы много лет работали вместе.

— И что ты можешь сказать о нем?

— Он был очень хороший человек.

— А я слышал обратное.

— От кого?

— От многих.

— Ну так они ошибаются. Стиг Нюман был очень хороший человек. Больше мне нечего сказать.

— Так уж и нечего, — сказал Мартин Бек. — Я думал, ты мог бы дополнить картину.

— Нет, не мог бы. А в чем дело-то?

— Ну, ты знаешь, конечно, что очень многие его критиковали? Что были люди, которые его недолюбливали?

— Нет. Ничего такого мне не известно.

— Вот как? Я, например, знаю, что Нюман пользовался в своей работе несколько странными методами.

— Он был хороший, — без всякого выражения повторил Хульт. — Очень дельный. Настоящий мужчина и лучший начальник, какого можно себе пожелать.

— Но он любил держать людей в ежовых рукавицах.

— Кто это сказал? Ясное дело, какой-нибудь тип, который теперь, когда Стиг умер, пытается очернить его память. Если о нем будут говорить плохое, знай, что это враки.

— Но человек он был суровый, так ведь?

— Не больше, чем требовала служба. Остальное — клевета.

— А тебе известно, что на Нюмана поступало много жалоб?

— Понятия не имею.

— Давай уговоримся так: я знаю, что тебе это известно, ты ведь работал непосредственно под его началом.

— То, что тебе говорили, неправда! Попытка очернить хорошего человека и прекрасного работника.

— Есть люди, которые утверждают, что Нюман вовсе не был прекрасным работником.

— Значит, они просто не знают, о чем говорят.

— Но ведь ты знаешь.

— Знаю. Стиг Нюман был лучший начальник из всех, которые у меня были.

— Есть люди, которые утверждают, что и ты не особенно хороший полицейский.

— Вполне возможно. Хоть у меня за всю службу нет ни одного замечания, с этим я спорить не стану. А вот забрасывать грязью Нюмана — совсем другое дело. Если кто-нибудь вздумает хаять его в моем присутствии, тогда я…

— Что тогда?

— Тогда я сумею заткнуть рот этому человеку.

— Каким способом?

— Это уж моя печаль. Я не первый день работаю в полиции. И знаю свое дело. Он меня выучил.

— Стиг Нюман выучил?

Хульт снова поглядел на свои руки.

— Да. Можно сказать, что он. Он многому меня научил.

— К примеру, как приносят ложную клятву? Как переписывают рапорты, чтобы каждое слово в них было правдой, даже если все вместе взятое — наглая ложь? Как истязают задержанных? Где можно спокойно поставить машину, если надо дополнительно всыпать какому-нибудь бедолаге по дороге из участка в уголовную?

— Никогда ничего подобного не слышал.

— Никогда?

— Нет.

— Даже не слышал?

— Нет. Во всяком случае, про Нюмана.

— И сам тоже никогда не молотил дубинкой бастующих рабочих? По приказу Нюмана? В те времена, когда полиция общественного порядка носила сабли? Никогда?

— Нет. Никогда.

— И не сбивал с ног протестующих студентов? И не дубасил безоружных школьников на демонстрации? По личному распоряжению Нюмана?

Хульт не шелохнулся. Он спокойно взглянул на Мартина Бека и сказал:

— Нет, в таких делах я никогда не участвовал.

— Ты сколько лет служишь в полиции?

— Сорок.

— А Нюмана сколько знал?

— С середины тридцатых.

Мартин Бек пожал плечами и сказал бесстрастным голосом:

— Странно как-то, что ты вообще не имеешь об этом понятия. Ведь Стиг Нюман считался экспертом по вопросам общественного порядка.

— Не просто считался. Он был лучшим из всех экспертов.

— И, между прочим, составлял письменные инструкции о том, как полиции следует поступать в случае демонстраций, забастовок и беспорядков. Там-то он и рекомендовал атаковать с обнаженными саблями. А позднее, когда сабли вышли из обихода, он заменил их дубинками. Он же советовал полицейским врезаться на мотоциклах в толпу, чтобы рассеять ее.

— Я лично никогда такого не делал.

— Знаю. Этот метод был запрещен. Слишком велик оказался риск, что мотоцикл опрокинется и полицейский сам при этом пострадает.

— Ничего не знаю.

— Да, ты уже говорил. Кроме того, у Нюмана были свои взгляды на то, как следует применять слезоточивый газ и брандспойты. Взгляды, которые он отстаивал публично как эксперт.

— Я знаю, что Стиг Нюман никогда не применял силу больше, чем того требовала обстановка.

— Он лично не применял?

— И подчиненным не разрешал.

— Другими словами, он всегда был прав, так? Я хочу сказать, всегда придерживался правил?

— Да.

— И ни у кого не было повода жаловаться на Нюмана?

— Нет.

— Однако случалось, что люди жаловались на Нюмана за ошибочные действия, — это Мартин Бек сказал утвердительным голосом.

— Значит, их кто-то науськивал.

Мартин Бек встал и прошелся по комнате.

— Да, забыл сказать еще одно, — вдруг произнес он. — Но могу сделать это сейчас.

— Я тоже хочу кое-что сказать, — отозвался Хульт.

— Что же?

Хульт некоторое время сидел неподвижно, потом взгляд его оторвался от окна.

— Мне почти нечем заняться в свободные дни, — сказал он. — Я уже говорил, что с тех пор, как умерла Мая, здесь очень тоскливо. Я сижу у окна и считаю машины, которые проезжают мимо. Но много ли их насчитаешь на такой улице? Вот я сижу и думаю.

Он умолк; Мартин Бек наблюдал за ним.

— Мне особо и думать не о чем, кроме как о своей жизни, — продолжал Хульт. — Сорок лет проносить мундир полицейского в одном городе. Сколько раз меня обливали грязью! Сколько раз люди смеялись мне вслед, или строили рожи, или обзывали меня скотиной, свиньей, убийцей! Сколько самоубийц мне приходилось вынимать из петли! Сколько сверхурочных часов оттрубить задаром! Всю свою жизнь я лез из кожи, чтобы хоть как-то поддержать порядок, чтобы честные, приличные люди могли жить в мире и покое, чтобы не насиловали женщин, чтобы не каждую витрину разбивали камнем и чтобы не каждую тряпку утащили воры! Я осматривал трупы, которые сгнили настолько, что вечером, когда я возвращался домой и садился к столу, у меня из рукавов ползли жирные белые черви. Я менял пеленки младенцам, когда их мамаши предавались запою. Я разыскивал сбежавших кошек и собак и лез в самую гущу поножовщины. И с каждым годом становилось все хуже и хуже. Больше насилия, больше крови, и все больше людей, которые на нас жаловались. Во все времена говорилось, что полицейский должен защищать интересы общества — иногда против тунеядцев, иногда против нацистов, иногда против коммунистов. А теперь и

защищать-то уже почти нечего. Но мы выдержали все потому, что была сильна товарищеская спайка. Будь среди нас побольше людей, подобных Стигу Нюману, мы бы не докатились до такого положения. Так что ежели кому захочется послушать бабьи сплетни, тот пусть идет в другое место, а не ко мне.

Он на несколько сантиметров приподнял ладони над столом и снова уронил их с тяжелым глухим стуком. Потом сказал:

— Да, наконец-то мы завели настоящий разговор. И я рад, что все выложил. Ты ведь небось и сам когда-то был патрулем?

Мартин Бек кивнул.

— Когда?

— Больше двадцати лет назад. После войны.

— Да, — сказал Хульт. — Райские были времена.

Панегирик явно был завершен, и Мартин Бек, откашлявшись, произнес:

— А теперь и я хочу тебе кое-что сказать. Нюман умер не своей смертью. Его убили. И мы полагаем, что убийца сделал это из мести. Есть также основания предполагать, что он хотел отомстить не одному Нюману.

Хульт встал и вышел в переднюю. Там он снял с вешалки китель и надел его. Затянув портупею, поправил кобуру на бедре.

— И я хотел задать тебе один важный вопрос. За тем я и пришел. Кто мог так ненавидеть Нюмана, чтобы убить его?

— Никто. А теперь пошли.

— Куда?

— На работу. — И Хульт распахнул перед гостем дверь.

XIV

Эйнар Рённ сидел, поставив локти на стол, подперев голову ладонями, и читал. Он до того устал, что порою буквы, слова и целые строчки расплывались перед его глазами, выгибались дугой, прыгали то вверх, то вниз — ни дать ни взять его старый «ремингтон», когда надо что-нибудь аккуратно и без помарок напечатать. Рённ зевнул, поморгал, протер очки и начал сначала. Текст, лежащий перед ним, был написан от руки на клочке оберточной бумаги и производил, несмотря на ошибки и неуверенный почерк, впечатление труда продуманного и тщательного.

«Господин упалномоченный депутат!

Второго февраля сего года я был выпивши как получил жалованье и купил четверть очищенной. Я помню сидел и пил возле перевоза к Зоопарку и тут подъехал полицейский автомобиль и три парня вылезли оттуда я им в отцы гожусь хотя признаться не желал бы иметь таких скотов своими сыновьями если б они у меня и были и они отобрали у меня мою бутылку, а там еще немного оставалось и потащили меня к серому автобусу а там стоял четвертый полисмен с полоской на рукаве и схватил меня за волосы а когда другие затолкали меня в автобус он несколько раз приложил меня лицом об пол и столько крови потекло что я больше почти ничего не видел. Потом я сидел в камере с решеткой и пришел здоровенный парень смотрел на меня сквозь решетку и смеялся над моим горем и велел другому полицейскому отпереть вошел снял китель а на рукаве у него была широкая полоска и засучил рукава и вошел в камеру а мне велел стать по стойке смирно будто я обозвал полицейских нацаками может и обозвал я не знаю что он думал то ли я хотел сказать собаки то ли нацисты только хмель из меня почти весь вылетел и он ударил меня под дых и в одно место не хочу писать в какое я зашатался тогда он меня ногой туда же и еще в одно место и ушел а на прощанье сказал что теперь я буду знать что бывает с теми кто ругает полицейских. Потом меня выпустили и я спросил как звать того полицейского с нашивкой

который меня избивал и пинал ногами и ругал а они сказали не твое это дело иди лучше отсюда пока цел а то смотри передумаем. Но другой по имени Вильфорд он родом из Гетеборга сказал что который меня бил и кричал его зовут комиссар Нюман и я пообещал держать язык за зубами. Я много дней об этом думаю конечное дело я простой рабочий и ничего худого не делал только пел громко под влиянием спиртных напитков но есть же управа на типов если они избивают беднягу который всю свою жизнь честно трудился им не место в полиции и все тут. Честное слово тут все чистая правда. С почтением Юн Бертильсон чернорабочий. Мне товарищ мы его зовем профессором велел все это написать и добиться правды вот таким образом».

Служебная пометка.

«Упомянутый в жалобе сотрудник — полицейский комиссар Стиг Нюман. Он подобного случая не помнит. Перв. пом. Харальд Хульт подтверждает факт задержания данного Бертильсона, известного скандалиста и запойного пьяницы. Ни при задержании Бертильсона, ни во время его пребывания в камере никто не прибегал к насилию. Комиссара Нюмана в тот день вообще не было. Три деж. полиц. подтверждают, что к Бертильсону никто не применял мер физического воздействия. Но последний умственно повредился на почве алкоголизма, неоднократно задерживался и имеет привычку осыпать полицейских, которые вынуждены его задерживать, необоснованными обвинениями».

Красная печать завершала дело: «Сдать в архив».

Рённ мрачно вздохнул и переписал имя жалобщика к себе в записную книжку. Женщина-архивариус, которую заставили работать в субботу, демонстративно хлопала папками.

Покамест она откопала только семь жалоб, которые в той или иной степени касались Нюмана.

Выходит, раз одна просмотрена, осталось шесть. Рённ брал их по порядку.

Следующая была аккуратно отпечатана на машинке, на толстой линованной бумаге и безупречно грамотная. Говорилось в ней вот что:

«14-го, в субботу, во второй половине дня я стоял со своей пятилетней дочерью у дверей дома № 15 на Понтоньергатан.

Мы ждали мою жену, которая пошла навестить больную подругу в этом доме. Чтобы скоротать время, мы играли с дочерью тут же на тротуаре в пятнашки. Сколько я могу припомнить, других людей на улице не было. Как я сказал, дело происходило в субботу, к концу дня, магазины уже закрылись, поэтому я не располагаю свидетелями, которые могли бы подтвердить вышеизложенное.

Я обхватил дочку, подбросил ее в воздух и только успел поймать и поставить на землю, как заметил, что около нас остановилась полицейская машина. Из нее вышли два полицейских и подошли ко мне. Один тотчас схватил меня за руку и заорал: „Ты что это делаешь с девочкой, чертов подонок?" (Справедливости ради следует оговорить, что на мне были спортивные брюки защитного цвета, куртка-штормовка и кепка, правда, все чистое и целое, но, может быть, в глазах полицейских это выглядело недостаточно солидно).

Его слова так меня потрясли, что я даже не сразу нашелся что ответить. Другой полицейский взял мою дочь за руку и велел ей бежать к маме. Я объяснил, что я отец девочки. Тогда один из полицейских заломил мне руку за спину — это причинило мне невыносимую боль — и затолкал меня на заднее сиденье. По дороге в участок один из них бил меня кулаком в грудь, бока и все время обзывал меня „чертов пакостник", „мерзавец" и т.п.

По прибытии меня тут же водворили в камеру. Через некоторое время двери распахнулись, и вошел комиссар полиции Стиг Нюман (тогда я, разумеется, не знал, кто он такой, справки я навел позднее). „Это ты портишь девочек, сволочь? Ну, я тебя живо отучу

пакостничать!" — сказал он и так ударил меня в живот, что я от боли согнулся пополам. Отдышавшись, я сказал, что я отец девочки, и тогда он ударил меня коленом в пах. Он продолжал избивать меня до тех пор, пока кто-то не вошел в камеру и не сообщил ему, что меня ждут жена и дочь. Едва комиссар узнал, что я говорил чистую правду, он велел мне уходить, даже не извинившись, даже не попытавшись хоть как-то объяснить свое поведение.

Настоящим хочу довести случившееся до Вашего сведения и потребовать, чтобы комиссар Нюман и оба полисмена ответили за издевательство над абсолютно ни в чем не повинным человеком.

Стуре Магнуссон, инженер».

Служебные пометки.

«Полицейский комиссар Нюман не может припомнить жалобщика. Полисмены Стрем и Розенквист утверждают, что задержали жалобщика исключительно из-за его грубого и странного отношения к ребенку. Сила к нему применялась ровно в той мере, в какой это было необходимо, чтобы посадить его в полицейскую машину и вывести из нее. Ни один из пяти полицейских, случайно находившихся в участке, не видел, чтобы задержанного подвергали истязаниям. Точно также ни один из них не видел, чтобы комиссар Нюман спускался в камеры, и поэтому следует предположить, что подобный факт не имел места.

Сдать в архив».

Рённ отложил папку, пометил что-то в своей записной книжке и перешел к очередной жалобе.

«Уполномоченному риксдага Стокгольма. В прошлую пятницу, 18 октября, я был в гостях у приятеля, проживающего по Эстермальмсгатан. В 22 часа мы с другим приятелем заказали по телефону такси, чтобы ехать ко мне. Мы стояли в дверях и ждали заказанную машину, когда на другой стороне улицы появились двое полицейских. Они перешли через дорогу и, приблизясь к нам, спросили, живем ли мы в этом доме. Мы отвечали отрицательно. „Так нечего вам здесь околачиваться", — сказали они. Мы объяснили, что ждем такси, и продолжали стоять. Тогда полицейские грубо нас схватили, вытолкали из дверей и потребовали, чтобы мы убирались. Но мы хотели дождаться такси, о чем и сказали полицейским. Сперва полицейские пытались согнать нас с места простым подталкиванием, а когда мы отказались, один из них достал свою дубинку и начал избивать моего товарища. Я хотел за него заступиться, тогда и мне досталось. Теперь второй полицейский тоже достал дубинку, и они вдвоем начали молотить нас. Все время я надеялся, что вот-вот подъедет такси и увезет нас, но такси все не было, и тогда мой приятель крикнул: „Бежим, не то они убьют нас!" Мы побежали по Карлавеген и там сели в автобус и поехали ко мне. Мы были жестоко избиты, у меня распухла и посинела правая рука. Мы решили принести жалобу в тот участок, где, по нашим предположениям, могли служить оба полицейских, взяли такси и поехали туда. Полицейских мы не нашли, но нам удалось поговорить с комиссаром по имени Нюман. Нам разрешили ждать там же, в участке, до прихода полицейских. Пришли они в час ночи. Тогда мы вчетвером, то есть оба полицейских и двое нас, прошли к комиссару Нюману и снова рассказали ему все, что произошло. Нюман спросил полицейских, правда ли это. Они стали все отрицать. Само собой, комиссар поверил им, а не нам. Он сказал, чтобы мы впредь остерегались клеветать на добросовестных работников полиции, иначе нам придется пенять на себя. И выставил нас за дверь.

Нам хотелось бы услышать, правильно ли поступил комиссар Нюман. В моем рассказе нет ни слова лжи. Мой товарищ может подтвердить это. Мы не были пьяны. В понедельник я показал руку нашему заводскому врачу, и тот выдал мне прилагаемое к жалобе свидетельство. Нам так и не удалось выяснить, как зовут обоих полицейских, но в лицо мы их всегда узнаем.

С уважением

Улоф Юхансон».

Рённ не все понял в медицинском свидетельстве, но смог, однако, заключить, что кисть и запястье распухли в результате кровоизлияния, что жидкость пришлось отсасывать, так как сама собой опухоль не спадала, и что больной, печатник по профессии, до этой операции не смог приступить к работе.

Затем Рённ прочел служебные примечания.

«Комиссар Стиг О. Нюман припоминает описанный случай. У него нет причин усомниться в правдивости показаний Бергмана и Шьёгрена, поскольку оба они честные и добросовестные работники. Полисмены Бергман и Шьёгрен категорически отрицают, что пускали в ход дубинки против жалобщика и его спутника, который держался нагло и вызывающе. Оба они производили впечатление людей нетрезвых, и Шьёгрен уловил сильный запах спиртного, исходивший по меньшей мере от одного из них. В архив».

Женщина перестала стучать папками, подошла к Рённу и сказала:

— За прошлый год я больше ничего не могу найти. И если меня не заставят искать за предыдущие годы…

— Нет, хватит и так, давайте сюда только те, которые вы уже нашли, — не совсем понятно ответил Рённ.

— А долго вы еще провозитесь?

— Сейчас кончу, вот только эти перелистаю, — ответил Рённ, и шаги женщины стихли за его спиной.

Рённ снял очки, протер их и снова начал читать:

«Настоящая жалоба написана вдовой, служащей, матерью одного ребенка. Ребенку четыре года, днем, покуда я на работе, он находится в детском саду. С тех пор как в автомобильной катастрофе год назад погиб мой муж, у меня сдали нервы и очень тяжелое состояние.

В понедельник я, как обычно, пошла на работу, а сына отвела в сад. После обеденного перерыва у нас на работе произошло событие, которого я здесь не хочу касаться, но которое очень меня взволновало. Врач нашей фирмы, знающий о моем тяжелом состоянии, сделал мне укол и отправил меня домой в такси. Добравшись до дому, я решила, что укол не подействовал, и приняла еще две таблетки. Потом я пошла за ребенком в садик. Когда я прошла два квартала, возле меня остановился полицейский автомобиль, оттуда вышли два полицейских и швырнули меня на заднее сиденье. У меня в голове шумело от лекарств, возможно, я даже шаталась, потому что из издевательских словечек полисменов я поняла, что они считают меня пьяной. Я пыталась им объяснить, в чем дело и про ребенка, но они только насмехались надо мной.

В участке меня передали дежурному, который тоже ничего не захотел слушать и велел посадить меня в камеру, пускай, мол, „проспится". В камере оказался звонок, я несколько раз звонила, но никто не приходил. Я звала, умоляла позаботиться о моем ребенке, но безрезультатно. Садик закрывают в 18 часов, и, если родители до этого времени не пришли, персонал, естественно, беспокоится. А посадили меня в 17.30.

Я пыталась упросить кого-нибудь позвонить в садик и взять ребенка. Я ужасно тревожилась.

Выпустили меня только в 22.00, когда я чуть с ума не сошла от горя и волнений. Я до сих пор еще не смогла оправиться и сижу на больничном».

Женщина, написавшая эту жалобу, указала свой адрес, место работы, адрес детского сада, лечащего врача и того участка, куда ее доставили.

Ответ на обратной стороне гласил:

«В письме упоминаются полицейские Ганс Леннарт Свенсон и Йоран Брустрэм. Они единогласно заявили, что женщина, на их взгляд, находилась в тяжелой стадии опьянения. Полицейский комиссар Стиг Нюман со своей стороны заявил, что она уже не могла сколько-нибудь связно выразить свои мысли. В архив».

Рённ отложил письмо и вздохнул. Он припомнил, что в интервью начальника государственной полиции говорилось, будто из 742 жалоб, адресованных за последние три года уполномоченному риксдага и касающихся превышения власти чинами полиции, только одна была передана прокурору для возбуждения дела.

«Интересно, о чем это свидетельствует?» — подумал Рённ. То, что начальник полиции во всеуслышание делает такие признания, просто лишний раз характеризует его умственные способности.

Следующая жалоба была короткой, написана карандашом на разлинованном листке, вырванном из блокнота.

«Почтеннейший господин уполномоченный! В пятницу я напился дива тут нет я и раньше напивался, а если полиция меня забирала проводил ночь в участке. Я человек миролюбивый и не скандалю из-за таких пустяков. В пятницу я стало быть тоже перебрал и думал что меня как обычно сунут в камеру но не тут-то было полицейский которого я прежде никогда не видел вошел и начал меня избивать. Я очень удивился, я ничего плохого не делал а полицейский бранился и чертыхался и бил меня. Я пишу эту жалобу, чтобы он в другой раз так не делал. Он рослый такой здоровый и с золотым кантом на куртке.

Юэль Юхансон».

Служебные пометки.

«Жалобщик известен как запойный пьяница далеко за пределами упомянутого округа. Полицейский похож по описанию на комиссара Нюмана. Нюман же утверждает, что никогда в жизни его не видел, хотя знает по имени. Ком. Нюман категорически отрицает факт избиения в камере. В архив».

Рённ занес данные в записную книжку, от души надеясь, что сумеет впоследствии расшифровать свои каракули. Перед тем как взяться за две оставшиеся жалобы, он снял очки и протер слезящиеся от усталости глаза. Потом моргнул несколько раз и начал читать:

«Мой муж родился в Венгрии и не очень хорошо владеет шведским языком. Поэтому за него пишу я, его жена. Вот уже много лет мой муж страдает эпилепсией и получает пенсию по болезни. Болезнь эта выражается в припадках: он падает и бьется; обычно он загодя чувствует, что скоро припадок, и отсиживается дома, но иногда он ничего загодя не чувствует, и тогда припадок может застать его врасплох. Врач дает ему лекарство, и я за много лет совместной жизни выучилась за ним ухаживать. И еще я должна сказать, что одного мой муж никогда не делал и не делает — он не пьет и скорее позволит убить себя, чем прикоснется к спиртному.

А теперь мы с мужем хотим рассказать о случае, который имел место в воскресенье, когда он вышел из метро. Муж был на футболе, потом он спустился в метро и вдруг почувствовал, что у него вот-вот начнется припадок. Он вышел и поспешил домой, но упал на ходу. Больше он ничего не помнит, а помнит только, как очнулся на койке в тюремной камере. Ему стало получше, но он должен был принять свое лекарство и торопился домой, ко мне. Много часов он провел в камере, прежде чем его выпустили, потому что полицейские вообразили, будто он пьян, а он, как я уже говорила, в рот не берет спиртного. Когда мужа наконец выпустили, его провели к самому комиссару, и муж объяснил ему, что он больной, а не пьяный, но комиссар ничего не желал слушать, называл мужа алкашом, велел впредь остерегаться и кричал, что ему надоели пьяные иностранцы, то есть мой муж. Но ведь он же не виноват, что так плохо говорит по-шведски. Муж уверял комиссара, что никогда не пьет, а

комиссар то ли не понял, то ли еще что, только он сбил моего мужа с ног и вышвырнул его из комнаты. После этого мужа отпустили домой, а я весь вечер ужасно беспокоилась, обзвонила все больницы, но мне и в голову не могло прийти, что полиция задержит больного человека и посадит его в камеру, а напоследок еще изобьет, как какого-нибудь преступника.

И тогда моя дочь — у нас есть дочь, только она уже замужем — сказала, что можно подать жалобу Вам. Муж вернулся домой за полночь, а футбол кончился в семь часов.

С глубоким уважением
Эстер Наги».

Служебные пометки.

«Упомянутый в жалобе комиссар Стиг Оскар Нюман припоминает этого человека, с которым обошлись очень хорошо и выпустили при первой же возможности. Полицейские Ларс Ивар Иварсон и Стен Хольмгрен, задержавшие г-на Наги, свидетельствуют, что задержанный производил впечатление либо пьяного, либо наркомана. В архив».

Последняя жалоба оказалась самой интересной, тем более что ее писал полицейский.

«В канцелярию уполномоченного риксдага по контролю за судопроизводством.
Вестра-Тредгордсгатан, 4.
Ящик 16327, Стокгольм 16.

Настоящим покорнейше прошу господина уполномоченного депутата взять на новое рассмотрение мои докладные от 1/9—61 и 31/12—62, касающиеся служебных упущений, совершенных комиссаром полиции Стигом Оскаром Нюманом и его первым помощником Пальмоном Харальдом Хультом.

С почтением,
Оке Рейнольд Эриксон, констебль полиции».

— Так, так, — сказал Рённ самому себе. И приступил к изучению служебных пометок, которые на сей раз оказались длиннее, чем сама жалоба.

«Учитывая ту тщательность, с какой были в свое время рассмотрены перечисленные выше донесения, а также памятуя о длительном сроке, отделяющем нас от того времени, когда имели место упомянутые в них действия и инциденты, и, наконец, принимая во внимание чрезмерное количество донесений, поданных заявителем за последние годы, я не вижу причин для повторного рассмотрения, не вижу прежде всего потому, что заявителем, насколько мне известно, не приводятся новые факты и доказательства, которые могли бы подтвердить прежние жалобы, и, следовательно, с полным основанием не принимаю никаких мер по его ходатайству».

Рённ энергично замотал головой, не веря, что правильно понял. Может, и не правильно. Во всяком случае, подпись неразборчива, а кроме того, Рённ был наслышан о полицейском по имени Эриксон.

Буквы еще сильней запрыгали перед глазами и разбежались в разные стороны, и, когда женщина положила возле его правого локтя очередную стопку бумаг, он сделал отрицательный жест.

— Ну как, будем уходить в глубь времен? — ехидно спросила она. — Про Хульта вам тоже нужны материалы? А про себя самого не желаете?

— Спасибо, не надо, — беззлобно ответил Рённ. — Я только спишу имена последних жалобщиков, и мы сможет уйти.

Он поморгал и снова уткнул нос в записную книжку.

— Могу предложить донесения Улльхольма, — продолжала женщина так же ехидно. — Хотите?

Улльхольм был первый помощник комиссара в Сульне, стяжавший широкую известность своим вздорным характером и страстью рассылать жалобы во все мыслимые инстанции.

Рённ склонился над столом и грустно покачал головой.

XV

По дороге в Саббатсберг Леннарт Колльберг вдруг вспомнил, что ему надо уплатить вступительный взнос за право участвовать в шахматном турнире по переписке. Последний день уплаты — понедельник, поэтому Колльберг остановил машину перед Ваза-парком и зашел в почтовое отделение напротив пивной «Оловянная кружка».

Заполнив бланк, он честь по чести стал в очередь к одному из окошечек.

Перед ним стоял человек в кожаной куртке и меховой шапке. Всякий раз, когда Колльбергу доводилось стоять в очереди, он непременно занимал ее за человеком, чье путаное дело требовало много времени. Так и сейчас у человека впереди оказалась целая стопка квитанций, бланков, извещений.

Колльберг пожал могучими плечами, вздохнул и приготовился ждать. Вдруг из кипы отправлений у впереди стоящего выскользнул клочок бумаги и упал на пол. Почтовая марка. Колльберг нагнулся, поднял ее, тронул человека за плечо и сказал:

— Вот, вы уронили.

Человек повернул голову, взглянул на Колльберга карими глазами, сперва удивленно, потом словно бы узнав его и, наконец, с откровенной ненавистью.

— Вы уронили марку, — повторил Колльберг.

— Черт подери, — протяжно ответил незнакомец, — марку несчастную потеряешь, и то полиция сразу сует свое поганое рыло.

Колльберг все так же протягивал марку.

— Можете оставить ее себе, — и человек отвернулся.

Немного спустя он закончил свои дела и ушел, не удостоив Колльберга ни единым взглядом.

Загадочный случай. Может, человек так странно пошутил, но на шутника он нимало не походил. Поскольку Колльберг был плохой физиономист и частенько не мог припомнить, откуда он знает того или иного человека, неудивительно, что другой узнал его, тогда как сам Колльберг не имел ни малейшего представления, с кем он разговаривал.

Колльберг уплатил взнос.

Потом он недоверчиво оглядел марку. Марка была красивая, с птицей, из недавно выпущенной серии. Если он ничего не путает, отправления, снабженные марками этой серии, доставляются медленнее обычных. Хитрость совершенно в духе почтовых работников.

«Да, — подумал Колльберг, — почта у нас работает исправно; теперь, когда она избавилась от недоброй памяти шифрованных индексов, жаловаться нельзя».

Все так же погруженный в размышления о загадках бытия, Колльберг поехал в больницу.

Корпус, где произошло убийство, был по-прежнему оцеплен, и в палате Нюмана тоже не произошло особых изменений. Гюнвальд Ларссон был уже, разумеется, там.

Колльберг и Гюнвальд Ларссон не питали взаимной симпатии. Впрочем, людей, которые питали симпатию к Гюнвальду Ларссону, можно было пересчитать по пальцам, вернее, по одному пальцу одной руки и даже прямо назвать: Эйнар Рённ.

Мысль о том, что им когда-нибудь придется работать вместе, была особенно неприятна для Колльберга и Ларссона, но они считали, что теперь эта неприятность им не угрожает. И сегодня они скорее по чистой случайности оказались в одном месте.

Случайность эта называлась Оскар Стиг Нюман и выглядела она так, что Колльберг не удержался и воскликнул:

— Тьфу ты, Господи!

Гюнвальд Ларссон сделал гримасу невольного одобрения. Потом он спросил:

— Ты его знал?

Колльберг кивнул.

— Я тоже. Он был одним из крупнейших дубов, которые когда-либо украшали наши ряды. Но близко сталкиваться с ним мне, благодарение Богу, не приходилось.

Гюнвальд Ларссон очень немного прослужил в отделе общественного порядка, вернее сказать, числился там недолгое время, но отнюдь не горел на работе. Перед тем как поступить в полицию, он был морским офицером, сперва на военном, потом на торговом флоте. В отличие от Колльберга и Мартина Бека он никогда не шел долгим путем.

— Что говорит следствие?

— Я думаю, оно не прибавит фактов, кроме тех, которые уже и без того ясны, — ответил Ларссон. — Какой-то психопат влез через окно и прирезал его. Без церемоний.

Колльберг кивнул.

— Вот штык меня интересует, — пробормотал Гюнвальд Ларссон, скорее для себя, чем для Колльберга. — Человек, который работал этим штыком, знает свое ремесло. И вообще неплохо владеет оружием. А кто у нас неплохо владеет таким оружием?

— Вот, вот, — поддержал Колльберг. — Военные владеют. Ну еще, пожалуй, мясники.

— И полицейские, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Во всей полиции он меньше других склонен был защищать честь мундира, за что и не пользовался среди коллег особой любовью.

— Стало быть, тебя пригласили вести дело? — спросил Колльберг.

— Вот именно. Ты будешь с этим работать?

Колльберг кивнул и спросил:

— А ты?

— Куда денешься.

Они без особого восторга поглядели друг на друга.

— Может, нам и не придется часто бывать вместе, — сказал Колльберг.

— Будем надеяться, — ответил Ларссон.

XVI

Было около десяти утра, и Мартин Бек, идя по набережной, вдоль Сэдер-Мэларстранд, обливался потом. Солнце не то чтобы припекало, да и с Ридарфьорден дул колючий ветер, но Мартин Бек слишком быстро шел, а пальто на нем было зимнее.

Хульт предлагал доставить его на Кунгсхольмсгатан, но Мартин Бек поблагодарил и отказался. Он боялся уснуть в машине и надеялся, что прогулка пешком немного взбодрит его. Расстегнув пальто, он замедлил шаг.

Выйдя к шлюзу, он из телефонной будки позвонил в полицейское управление и узнал, что Рённ еще не возвращался. Покуда Рённ не доведет свои поиски до конца, Мартину Беку было, собственно говоря, нечего делать в полиции, а вернется Рённ самое раннее через час. Если теперь прямиком отправиться домой, можно будет минут через десять лечь в постель. Мартин Бек устал бесконечно, и мысль о постели была очень заманчивой. Если завести будильник, можно будет часок вздремнуть.

Мартин Бек решительно зашагал через Слюссплан в сторону Ернторгсгатан. Достигнув площади Ернторг, он вдруг пошел медленнее. Он представил себе, что с ним будет через час,

когда звонок будильника поднимет его, как трудно будет вставать, одеваться, ехать на Кунгсхольмсгатан. Правда, с другой стороны, приятно хоть на час раздеться, умыться, а то и принять душ.

Он остановился посреди площади, не зная, как быть. Разумеется, причина в усталости, но все равно противно.

Он переменил направление и двинулся к мосту Скеппсбру. Зачем ему вдруг понадобился мост, Мартин Бек не знал, но, завидев свободное такси, он принял окончательное решение. Он просто съездит искупается.

Шофер годился в сверстники Мафусаилу, был беззуб и туговат на ухо. Садясь, Мартин Бек мысленно выразил надежду, что старик по крайней мере сохранил зрение. Должно быть, он из кучеров, а за руль сел в очень преклонном возрасте. По дороге шофер делал ошибку за ошибкой, один раз даже заехал на полосу встречного движения. При этом он мрачно бормотал что-то себе под нос, и время от времени его старческое тело сотрясали приступы удушливого кашля. Когда машина наконец остановилась перед Центральными банями, Мартин Бек дал на чай гораздо больше, чем следует, вероятно, в награду за то, что шофер против ожиданий доставил его живым и невредимым. Поглядев на дрожащие руки старика, он вылез, не попросив выписать квитанцию.

У кассы Мартин Бек на мгновенье замешкался. Обычно он ходил в нижнее отделение, где есть плавательный бассейн. Но теперь ему не хотелось плавать, и он поднялся на второй этаж, в турецкие бани.

Для верности он попросил банщика, выдававшего полотенца, разбудить его не позднее одиннадцати. Он прошел в парилку и сидел там, покуда пот не выступил из всех пор. Потом он ополоснулся под душем и нырнул в ледяную воду бассейна. Вытершись насухо, он завернулся в махровую простыню, лег на кушетку в своей кабине и закрыл глаза.

Лежа с закрытыми глазами, он пытался думать о чем-нибудь приятном и успокоительном, а вместо того думал про Харальда Хульта, как тот сидит в своей пустынной, безликой квартире один-одинешенек, без всякого дела, одетый в форму даже в свободный день. Человек, вся жизнь которого сводится к одному: быть полицейским. Отбери у него это — жить будет нечем.

Мартин Бек задал себе вопрос, что станет с Хультом, когда тот выйдет на пенсию. Может, так и будет до самой смерти сидеть у окна, положив руки на стол.

Интересно, а есть ли у Хульта вообще партикулярное платье? Пожалуй, нет.

Веки щипало, и Мартин Бек открыл глаза и уставился в потолок. Он слишком устал, чтобы заснуть. Он прикрыл глаза рукой и пытался расслабиться. Но мышцы оставались напряженными.

Из комнаты массажиста доносились отрывистые шлепающие звуки, плеск воды, вылитой на мраморную скамью. В одной из соседних кабин кто-то мощно всхрапывал.

Вдруг перед внутренним взором Мартина Бека встало рассеченное тело Нюмана. Вспомнились рассказы Колльберга. Как Нюман учил его убивать.

Мартин Бек в жизни своей не убил еще ни одного человека. Он попытался представить себе, что можно при этом испытывать. Не когда стреляешь — застрелить человека, наверное, не так уж трудно, должно быть, потому что сила, с которой палец нажимает на спусковой крючок, не идет ни в какое сравнение с убойной силой пули. Убийство при помощи огнестрельного оружия не требует большой физической силы, расстояние до жертвы ослабляет ощущение действия. Вот убить кого-нибудь активно, собственными руками, задушить, заколоть ножом или штыком — это другое дело. Он снова вспомнил тело на мраморном полу больничной палаты — зияющий разрез на шее, кровь, вывалившиеся внутренности — и подумал, что так он не смог бы убить никого.

За много лет службы в полиции Мартин Бек не раз спрашивал себя, не трус ли он, и чем старше он становился, тем ясней становился и ответ на этот вопрос. Да, он трус, только теперь это не волнует его так, как волновало в молодости.

Он не мог бы с уверенностью сказать, что боится смерти. По долгу службы он обязан заниматься смертями других людей, и эта обязанность притупила страх. Так что о своей собственной смерти он думал очень редко.

К тому времени, когда банщик постучал в кабину и сказал, что уже одиннадцать, Мартин Бек не успел поспать ни одной минуты.

XVII

При взгляде на Рённа Мартин Бек испытывал глубочайшие угрызения совести. Совершенно ясно, что они оба проспали за последние тридцать часов одинаковый срок, другими словами, не спали вовсе, но, если сравнивать, Мартин Бек прожил эти тридцать часов гораздо спокойнее, а порой даже не без приятности.

Веки у Рённа стали такие же красные, как и его нос; щеки и лоб, напротив, покрылись нездоровой бледностью, а под глазами набрякли лиловые мешки. Он безудержно зевал и почти ощупью достал из ящика в столе электрическую бритву.

«Усталые герои», — подумал Мартин Бек.

Правда, ему сровнялось сорок восемь, то есть больше, чем Рённу, но ведь и тому уже стукнуло сорок три, стало быть, время, когда можно безнаказанно провести ночь без сна, осталось далеко позади для них обоих.

Рённ, как и прежде, не обнаруживал желания заговорить первым, и Мартин Бек выдавил из себя вопрос:

— Ну, чего ты там раскопал?

Рённ с безнадежным видом указал на свою записную книжку, словно это была дохлая кошка или что-нибудь похуже, и сказал невнятно:

— Вот. Примерно двадцать имен. Я перечел все жалобы за последний год работы Нюмана комиссаром. Потом я списал имена и адреса тех, кто на него раньше жаловался. Если бы я поднял все дела, на это ушел бы целый день.

Мартин Бек кивнул.

— Да, — продолжал Рённ, — и завтрашний день ушел бы, и послезавтрашний… а может и послепосле…

— Едва ли стоит рыть так глубоко. Ведь и то, что ты откопал, тоже не вчера написано.

— Твоя правда, — сказал Рённ.

Он достал бритву и удалился неуверенными шагами, волоча за собой шнур.

Мартин Бек сел за письменный стол Рённа и, нахмурив брови, принялся разбирать запутанные каракули, которые и обычно требовали от него больших усилий, и не было никаких оснований ожидать, что сегодня будет легче.

Одно за другим он занес имена, адреса и краткие характеристики жалобщиков в свой линованный блокнот.

«Юн Бертильсон, чернорабочий, Истгатан, 20, избиение».

И так далее.

Когда Рённ вернулся из туалетной комнаты, список был уже готов. Он содержал двадцать два имени.

Гигиенические мероприятия не отразились на облике Рённа, теперь он, если это возможно, выглядел еще ужасней, чем раньше, и оставалось только надеяться, что он по крайней мере чувствует себя менее грязным. Требовать, чтобы он вдобавок ощутил прилив бодрости, было бы неразумно.

Не мешало бы, пожалуй, прибегнуть к какому-нибудь средству для поднятия духа. Побалагурить, рассказать анекдот.

— Да, Эйнар, я знаю, что нам обоим надо идти домой и лечь. Но если помучиться еще часок, мы, может быть, хоть до чего-нибудь додумаемся. Ведь стоит попробовать?

— Наверное, стоит, — нерешительно сказал Рённ.

— Если ты, к примеру, возьмешь на себя первые десять имен, а я все остальные, мы быстро узнаем подробности о большинстве из них и либо вычеркнем их, либо сможем использовать. Идет?

— Ладно, раз ты так считаешь.

В голосе Рённа не было самой элементарной убежденности, не говоря уже о таких стандартных добродетелях, как решимость и воля к борьбе.

Вместо того Рённ заморгал глазами и зябко передернулся. Потом, однако, подсел к столу и взял в руки телефонную трубку.

Мартин Бек признал про себя, что вся затея представляется довольно бессмысленной.

За время активной служебной деятельности Нюман, без сомнения, успел поиздеваться над сотнями людей, но лишь незначительная часть обиженных рискнула подать письменную жалобу, а изыскания Рённа в свою очередь вскрыли лишь незначительную часть всех жалобщиков.

Впрочем, многолетний опыт научил его, что в их работе большинство действий представляются бессмысленными, и что как раз те, которые приносят наилучшие результаты, в начале своем выглядят совершенно бесперспективными.

Мартин Бек прошел в соседний кабинет и тоже сел на телефон, но уже после третьего разговора окончательно сник и замер с трубкой в руках. Никого из поименованных в списке ему найти не удалось, и мысли его приняли другое направление.

После недолгого раздумья он достал собственный блокнот, полистал его и набрал домашний номер Нюмана. Трубку на том конце снял мальчик.

— Нюман слушает.

Голос у него был на редкость старообразный.

— Это комиссар Бек. Мы у вас были ночью.

— Да?

— Как себя чувствует мама?

— Спасибо, хорошо. Ей лучше. Приходил доктор Блумберг, после него она несколько часов спала. Теперь она вполне в форме, ну и вдобавок…

— Что же?

— …вдобавок это не явилось для нас неожиданностью, — продолжал мальчик неуверенно. — То есть, что папа умер. Он был очень плох. И давно.

— Как ты думаешь, мама не сможет подойти к телефону?

— Думаю, сможет. Она на кухне. Подождите, я ее позову.

— Да, будь так добр, — сказал Мартин Бек, прислушиваясь к затихающим шагам.

Интересно, каким отцом и мужем мог быть человек, подобный Нюману. Семья производит вполне благополучное впечатление. Нет никаких оснований полагать, что Нюман не мог быть добрым и любящим отцом семейства.

Как бы то ни было, сын его едва сдерживал слезы во время разговора.

— Анна Нюман у телефона.

— С вами говорит комиссар Бек. У меня к вам один вопрос.

— Слушаю.

— Многим ли было известно, что ваш муж лежит в больнице?

— Совсем не многим, — поразмыслив, сказала она.

— Но болел-то он долго?

— Да, очень долго. Но Стиг не желал, чтобы люди знали об этом. Хотя…

— Что хотя?

— Хотя некоторые знали.

— Кто именно? Вы можете назвать?

— Ну, прежде всего мы, родные…

— Точнее.

— Я и дети. Еще у Стига были… были два младших брата, один живет в Гётеборге, другой в Будене.

Мартин Бек кивнул своим мыслям. Письмо, найденное в палате, было наверняка написано одним из братьев.

— Продолжайте.

— Лично у меня нет ни сестер, ни братьев. Родители умерли. Словом, у меня нет ныне здравствующих родственников. Только дядя с отцовской стороны, но он живет в Америке, и его я никогда не видела.

— Ну а друзья?

— Друзей у нас есть немного. Было немного. Ну, Гуннар Блумберг, который приходил ночью, с ним мы встречались, а кроме того, он лечил Стига. Само собой, Блумберг знал.

— Ну это понятно.

— И еще капитан Пальм с женой. Это старый однополчанин Стига. Вот и с ними мы встречались.

— А еще?

— Никого. Практически никого. Настоящих друзей у нас было немного. Только те, кого я назвала.

Она умолкла. Мартин Бек ждал.

— Стиг частенько говаривал…

Она не кончила фразу.

— Что же он говаривал?

— Что у полицейского и не может быть много друзей.

С этим спорить не приходилось. У Мартина Бека и у самого друзей не было. Если не считать дочери и Колльберга. Да еще одной женщины по имени Оса Турелль. Но Оса тоже служила в полиции. Еще, может быть, Пер Монссон, полицейский в Мальмё.

— Ну а эти люди знали, что ваш муж лежит в Саббатсберге?

— Да как вам сказать… Единственный, кто знал все точно, был доктор Блумберг. Из наших друзей.

— А кто ходил к нему?

— Я и Стефан. Мы каждый день к нему ходили.

— Больше никто?

— Никто.

— Доктор Блумберг тоже не ходил?

— Нет. Стиг не хотел, чтобы у него бывал кто-нибудь, кроме нас двоих. Он даже Стефана принимал неохотно.

— Почему?

— Не хотел, чтобы его кто-то видел. Понимаете…

Мартин Бек не прерывал.

— Ну, — наконец продолжила она, — Стиг всегда был на редкость сильным мужчиной, в отличной форме. А тут он очень сдал и избегал показываться людям.

— М-м-м, — протянул Мартин Бек.

— Правда, Стефан этого даже не замечал. Он боготворил отца. Они были очень близки.

— А дочь?

— Дочери Стиг никогда не уделял такого внимания. У вас самого есть дети?

— Да.

— И девочки, и мальчики?

— Да.

— Ну, тогда вы и сами все понимаете. Как это бывает между отцом и сыном.

Но Мартин Бек не понимал. И думал над этим так долго, что женщина забеспокоилась.

— Комиссар Бек, вы еще слушаете?

— Конечно, конечно, слушаю. Ну а соседи?

— Какие соседи?

— Соседи знали, что ваш муж в больнице?

— Разумеется, нет.

— А как вы объяснили им его отсутствие?

— Я им вообще ничего не объясняла. Мы не поддерживали с соседями никаких отношений.

— Может, тогда ваш сын? Рассказал приятелям?

— Стефан? Нет, исключено. Он ведь знал, чего хочет отец, а Стефану никогда бы даже в голову не пришло поступать ему наперекор. Он позволял себе только одно — каждый вечер ходить к отцу, но в глубине души Стиг и этого не одобрял.

Мартин Бек сделал несколько записей на открытом листке блокнота и сказал, как бы подводя итоги:

— Итак, только вы лично, Стефан, доктор Блумберг и оба брата комиссара Нюмана могли знать точно, в каком отделении и в какой палате лежал ваш супруг?

— Да.

— Ну что ж, все ясно. Только еще одно.

— А именно?

— С кем из своих коллег он общался?

— Не понимаю вас.

Мартин Бек отложил ручку и задумчиво потер переносицу большим и указательным пальцами. Неужели он так нечетко сформулировал вопрос?

— Я хотел бы вот о чем вас спросить: с какими полицейскими встречались вы и ваш муж?

— Ни с какими.

— Что-о-о?

— Чему вы удивляетесь?

— Неужели ваш муж не поддерживал отношений с коллегами? Не встречался с ними в свободное от работы время?

— Нет. За те двадцать шесть лет, что мы прожили вместе со Стигом, ни один полицейский не переступил порог нашего дома.

— Серьезно?

— Вполне. Вы и тот человек, что приходил с вами, были единственными. Но к этому времени Стига уже не было в живых.

— Но ведь должен же был кто-то приносить извещения, вообще приносить что-нибудь или заходить за вашим мужем.

— Да, вы правы. Вестовые.

— Кто, кто?

— Мой муж их так называл. Тех, кто сюда приходил. Это случалось. Но порог они действительно не переступали. Стиг был очень щепетилен в таких вопросах.

— Да ну?

— Очень. И всегда. Если приходил полицейский позвать его, или что-нибудь передать, или выполнить другое поручение, Стиг его в дом не пускал. Если дверь открывала я или кто-нибудь из детей, мы просили подождать за дверью, а сами снова запирали ее, пока не явится Стиг.

— Это ваш муж завел такой порядок?

— Да, он самым недвусмысленным образом потребовал, чтобы так было. Раз и навсегда.

— Но ведь существуют люди, с которыми он проработал бок о бок много лет. На них тоже распространялось это правило?

— Да.

— И вы никого из них не знаете?

— Нет. Разве что по имени.

— Он по крайней мере говорил с вами о своих сослуживцах?

— Крайне редко.

— О своих подчиненных?

— Я же сказала: крайне редко. Видите ли, один из основных принципов Стига заключался в том, что служебные дела никоим образом не должны соприкасаться с частной жизнью.

— Но вы говорили, что знаете некоторых хотя бы по имени. Кого же?

— Кое-кого из руководства. Ну, начальника государственной полиции, полицмейстера, главного инспектора…

— Из отдела общественного порядка?

— Да, — отвечала она. — А разве есть и другие инспектора?

В комнату вошел Рённ с какими-то документами. Мартин Бек изумленно воззрился на него. Потом он собрался с мыслями и продолжил разговор.

— Неужели ваш муж не упоминал никого из тех, с кем вместе работал?

— Одного по крайней мере. Я знаю, что у него был подчиненный, которого он очень ценил. Звали этого человека Хульт. Стиг время от времени поминал его. С Хультом он работал еще задолго до того, как мы поженились.

— Значит, Хульта вы знаете?

— Нет. Сколько мне помнится, я никогда его не видела.

— Не видели?

— Нет. Только по телефону с ним разговаривала.

— И все?

— Все.

— Подождите минутку, госпожа Нюман.

— Пожалуйста.

Мартин Бек опустил на стол руку с зажатой в ней трубкой и задумался, постукивая кончиками пальцев по корням волос, обрамляющих лоб. Рённ безучастно зевал.

Мартин снова поднес трубку к уху.

— Фру Нюман, вы слушаете?

— Да.

— Известно ли вам, как зовут первого помощника комиссара, то есть Хульта?

— Да, по чистой случайности. Пальмон Харальд Хульт. А вот его звание я узнала только от вас.

— По случайности, вы сказали?

— Да, именно так. Оно записано тут, его имя. В телефонной книге. Пальмон Харальд Хульт.

— Кто же его записал?

— Я сама и записала.

Мартин Бек промолчал.

— Господин Хульт звонил нам вчера вечером, он справлялся о Стиге. И был потрясен, узнав, что Стиг тяжело болен.

— Вы дали ему адрес больницы?

— Да. Он хотел послать Стигу цветы. А я, как уже было сказано, знала Хульта. Он был единственным, кому я рискнула бы дать адрес, кроме…

— Кого?

— Ну, начальника полиции, или полицмейстера, или главного инспектора, сами понимаете…

— Понимаю. Значит, вы дали Хульту адрес?

— Да.

Она помолчала, потом спросила с изумлением:

— На что вы намекаете?

— Ни на что, — успокоил ее Мартин Бек. — Все это ровным счетом ничего не значит.

— Но вы себя так ведете, будто…

— Просто мы обязаны все проверить, фру Нюман. Вы очень нам помогли. Благодарю вас.

— Пожалуйста, — откликнулась она так же растерянно.

— Благодарю, — повторил Мартин Бек и положил трубку.

Рённ стоял, прислонясь к дверному косяку.

— По-моему, — начал он, — я наидентифицировался сколько мог. Двое умерли. А про этого чертова Эриксона никто ничего не знает.

— Так, так, — с отсутствующим видом протянул Мартин Бек и уставился на раскрытый лист блокнота. Там стояло: Пальмон Харальд Хульт.

XVIII

Раз Хульт поехал на работу, значит, он сидит за своим столом. Хульт — человек в годах и теперь больше занимается писаниной, официально по крайней мере.

Но человек, снявший трубку в Мариинском участке, ничего, казалось, о нем не знал.

— Хульт? Нет, его здесь нет. Он выходной по субботам и воскресеньям.

— Он даже не показывался у вас сегодня?

— Нет.

— Это точно?

— Да. Я, во всяком случае, его не видел.

— Будьте так любезны, расспросите остальных.

— Каких это остальных?

— Ну, я надеюсь, у вас не так худо с персоналом, чтобы на целый участок никого, кроме вас, не было, — объяснил Мартин Бек с некоторой долей раздражения. — Не один же вы тут сидите.

— Конечно, не один, — сказал человек у аппарата на полтона ниже. — Подождите, сейчас я узнаю.

Мартин Бек слышал, как звякнула об стол телефонная трубка и как затихли шаги.

Потом до него донесся отдаленный голос:

— Эй! Из вас никто не видел Хульта? Этот воображала Бек из комиссии по убийствам спрашивает…

Конец фразы затерялся в шуме и голосах.

Мартин Бек ждал, он бросил усталый взгляд на Рённа, а тот устремил еще более усталый взгляд на свои часы.

Почему полицейский считает его воображалой? Может, потому, что Мартин Бек обратился к нему на «вы»? Мартин Бек лишь с трудом заставлял себя говорить «ты» соплякам, у которых еще молоко на губах не обсохло, и выслушивать такое же «ты» в ответ.

Хотя в остальном его никак нельзя было назвать поборником формализма.

Интересно, как вел бы себя в подобном случае человек вроде Стига Нюмана?

В трубке щелкнуло:

— Так вот насчет Хульта…

— И что же?

— Он действительно сюда заходил. Часа полтора назад. Но, кажется, сразу же ушел.

— Куда?

— Вот уж этого действительно никто не знает.

Мартин Бек оставил эту шпильку без последствий. Он сказал:

— Спасибо.

Для верности он набрал домашний телефон Хульта, но там, как и следовало ожидать, никто не отозвался, и после пятого гудка Мартин Бек положил трубку.

— Ты кого ищешь? — спросил Рённ.

— Хульта.

— Ах так.

«Похоже, что Рённ не отличается особой наблюдательностью», — подумал Мартин Бек с досадой.

— Эйнар!

— Да?

— Хульт вчера вечером звонил жене Нюмана, и она дала ему адрес больницы.

— Угу.

— Интересно, с чего бы это?

— Ну, должно быть, он хотел послать в больницу цветы или еще что-нибудь, — сказал Рённ апатично. — Они дружны были с Нюманом.

— А вообще, мало кто знал, что Нюман лежит в Саббатсберге.

— Потому-то Хульту и пришлось звонить, спрашивать адрес.

— Странное совпадение.

Это был не вопрос, и Рённ, естественно, ничего не ответил. Он сказал свое:

— Да, я тебе говорил, что не мог добраться до Эриксона?

— Какого еще Эриксона?

— До Оке Эриксона. До того полицейского, который вечно жаловался на все и вся.

Мартин Бек кивнул. Он припоминал это имя, хотя сейчас оно было не так уж и важно. Имя никого не интересовало, а кроме того, сейчас куда важнее был Хульт.

Он сам лично разговаривал с Хультом не более двух часов назад. Чем занимался Хульт все это время? Сперва весть об убийстве Нюмана вообще не произвела на него особого впечатления. Потом Хульт ушел — на работу, как он выразился.

Ну, в этом еще не было ничего необычного. Хульт был толстокожий полисмен старой выпечки, не ахти какой сообразительности и уж никак не импульсивный. То, что он вызвался работать в неурочное время, когда убили его коллегу, как раз в порядке вещей. При определенном стечении обстоятельств Мартин Бек сам поступил бы точно так же.

Необычным во всей истории был только телефонный звонок. Почему он ни единым словом не обмолвился о том, что разговаривал с женой Нюмана не далее как прошлым вечером? Если у него не было другого повода, кроме желания послать цветы, то почему он позвонил именно вечером?

Зато, если у него, кроме цветов, были другие причины интересоваться тем, где находился Нюман…

Мартин Бек усилием воли прервал эту цепь размышлений.

А звонил ли Хульт вечером?

И если звонил, то во сколько?

Надо еще кое-что уточнить.

Мартин Бек тяжело вздохнул, снова поднял трубку и в третий раз набрал номер Анны Нюман.

На сей раз к телефону подошла она сама.

— Да, — откликнулась она без всякого энтузиазма. — Слушаю вас, комиссар Бек.

— Извините, но я должен уточнить некоторые детали.

— Да?

— Вы сказали, что первый помощник комиссара Хульт звонил вам вчера вечером?

— Сказала.

— В котором часу?

— Очень поздно, а точно не могу сказать.

— Ну хоть приблизительно…

— М-м-м…

— Вы после этого сразу легли?

— Нет, не сразу… еще немного посидела.

Мартин Бек нетерпеливо забарабанил пальцами по столу. Он слышал, как она о чем-то расспрашивает сына, но о чем, разобрать не мог.

— Вы слушаете?

— Да, да…

— Я поговорила со Стефаном. Мы с ним смотрели телевизор. Сперва телефильм с Хамфри Богартом, но фильм был такой жуткий, что мы переключили на вторую программу.

Там был эстрадный концерт. С участием Бенни Хилла, концерт только начался, когда зазвонил телефон.

— Превосходно. А сколько же вы слушали этот концерт до звонка?

— Ну, несколько минут. Пять от силы.

— Большое спасибо, фру Нюман. И последнее…

— Что же?

— Вы не можете точно припомнить, о чем говорил Хульт?

— Слово в слово не припомню. Он просто попросил Стига к телефону, а я ответила, что…

— Простите, я вас перебью. Он прямо так и спросил: «Можно Стига?»

— Ну, разумеется, нет. Он держался вполне корректно.

— А именно?

— Сперва извинился, потом спросил, нельзя ли позвать к телефону комиссара Нюмана.

— А почему он извинился?

— Ну, разумеется, потому, что он позвонил так поздно.

— А вы что ответили?

— Я спросила, кто говорит. Или, если быть точной: «С кем имею честь?»

— Ну а что ответил господин Хульт?

— «Я сослуживец комиссара Нюмана». Примерно так. А потом он назвал себя.

— А вы что ответили?

— Как я вам говорила, я сразу узнала это имя, кроме того, я знала, что он звонил и раньше и что был одним из немногих, кого Стиг действительно ценил.

— Вы говорите, звонил и раньше. Часто звонил?

— Несколько раз за год. Но пока муж был здоров и находился дома, трубку почти всегда снимал он сам, поэтому Хульт, может быть, звонил и чаще, мне это не известно.

— А вы что ответили?

— Я же говорила.

— Простите, я действительно должен казаться вам назойливым, но все это может иметь очень большое значение.

— Ну, я ответила, что Стиг болен. Он как будто удивился и огорчился и спросил, серьезно ли болен Стиг…

— А вы?

— Я ответила, что, к сожалению, очень серьезно и что он в больнице. Тогда он спросил, можно ли ему проведать моего мужа, а я ответила, что Стигу скорей всего это будет неприятно.

— Ну и его удовлетворил ваш ответ?

— Разумеется. Хульт и сам хорошо знал Стига. По работе.

— Но он сказал, что хочет послать цветы?

«Подсказками занимаемся, — подумал про себя Мартин Бек. — Стыд какой».

— Да, да. И черкнуть несколько строк. Тут я ему и сказала, что Стиг лежит в Саббатсберге, и дала номер палаты, Я припомнила, что Стиг несколько раз называл Хульта человеком надежным и безупречным.

— Ну а потом?

— Он еще раз попросил извинить его. Поблагодарил и пожелал мне покойной ночи.

Мартин Бек со своей стороны тоже поблагодарил фру Нюман и чуть было тоже не пожелал ей сгоряча покойной ночи.

Потом он обернулся к Рённу и спросил:

— Ты смотрел вчера телевизор?

Рённ ответил возмущенным взглядом.

— Ах верно, ты ведь работал. Но все равно можно из газеты узнать, когда по второй программе началась передача с Бенни Хиллом.

— Это я могу, — ответил Рённ и вышел в соседнюю комнату. Вернулся он с газетой в руках, долго изучал ее, потом сказал:

— Двадцать один час двадцать пять минут.

— Следовательно, Хульт звонил в половине десятого. Поздновато, если считать, что у него не было какой-то задней мысли.

— А разве была?

— Во всяком случае, он не проговорился. Зато он весьма подробно расспросил, где лежит Нюман.

— Ну да, он ведь хотел послать цветы.

Мартин Бек долго смотрел на Рённа. Надо все-таки втолковать человеку.

— Эйнар, ты способен меня выслушать?

— Вроде способен.

Мартин Бек собрал воедино все, что ему было известно о поведении Хульта за последние сутки, начиная с телефонного звонка и кончая разговором в Реймерсхольме и тем обстоятельством, что в данную минуту установить местопребывание Хульта не представляется возможным.

— Уж не думаешь ли ты, что это Хульт распотрошил Нюмана?

Непривычно прямой в устах Рённа вопрос.

— Ну, так в лоб я не утверждаю…

— Маловероятно. И вообще странно, — сказал Рённ.

— Поведение Хульта тоже кажется странным, мягко выражаясь.

Рённ не ответил.

— Как бы то ни было, желательно добраться до Хульта и расспросить его поподробнее о его разговоре с фру Нюман, — решительно сказал Мартин Бек.

На Рённа это не произвело никакого впечатления, он зевнул во весь рот и посоветовал:

— Тогда поищи его по селектору. Едва ли он далеко ушел.

Мартин Бек метнул в него изумленный взгляд и сказал:

— Вполне конструктивное предложение.

— Чего тут конструктивного. — ответил Рейн с таким видом, словно его несправедливо в чем-то обвиняли.

Мартин Бек снова поднял трубку и передал, что первого помощника комиссара Харальда Хульта просят, как только он объявится, незамедлительно позвонить в управление на Кунгсхольмсгатан.

Окончив разговор, он остался сидеть на прежнем месте, уронив голову в ладони.

Что-то здесь было не так. И смутное предчувствие грозящей опасности не уходило. От кого? От Хульта? Или он упустил из виду что-нибудь другое?

— Знаешь, какая мысль пришла мне в голову? — вдруг спросил Рённ.

— Какая же?

— Что, если я, к примеру, позвоню твоей жене и начну расспрашивать про тебя…

Он не договорил до конца и пробормотал:

— Ах да, ничего не выйдет. Ты же в разводе.

— А иначе что бы ты мог сказать?

— Да ничего, — отнекивался Рённ с несчастным видом. — Я просто не подумал. Я не намерен вмешиваться в твою личную жизнь.

— Нет, что ты все-таки мог бы ей сказать?

Рённ замялся, подыскивая более удачную формулировку.

— Значит, так, если бы ты был женат и я позвонил бы твоей жене, попросил бы вызвать тебя к телефону и она спросила бы, кто говорит, я бы…

— Ты бы?..

— Я бы, разумеется, не заявил: «С вами говорит Эйнар Валентино Рённ».

— Господи, это еще кто такой?

— Я. Мое полное имя. В честь какого-то киногероя. На мамашу в ту пору что-то нашло.

Мартин Бек внимательно слушал.

— Значит, ты считаешь?

— Считаю, что, если бы Хульт сказал ей: «Меня зовут Пальмон Харальд Хульт», это выглядело бы нелепо и странно.

— Ты-то откуда знаешь, как его зовут?

— А ты сам записал имя на блокноте Меландера, и вдобавок…

— Что вдобавок?

— У меня тоже есть его имя. В жалобе Оке Эриксона.

Взгляд Мартина Бека мало-помалу светлел.

— Здорово, Эйнар. Просто здорово, — сказал он.

Рённ зевнул.

— Слушай, кто у них сегодня дежурит?

— Гюнвальд. Но он ушел. И вообще от него проку не жди.

— Значит, есть еще кто-нибудь.

— Конечно, есть Стрёмгрен.

— А Меландер где?

— Дома, наверно. Он теперь по субботам выходной.

— Пожалуй, стоило бы поподробнее заняться нашим другом Эриксоном, — сказал Мартин Бек, — Беда только, что я не помню никаких деталей.

— И я не помню, — сказал Рённ. — Зато Меландер помнит. Он все помнит.

— Скажи Стрёмгрену, чтоб он собрал все бумаги, в которых упомянут Оке Эриксон. И позвони Меландеру, попроси его прийти сюда. Поскорей.

— Это непросто. Он сейчас замещает комиссара. И не любит, когда его беспокоят в нерабочее время.

— Ну, передай ему привет от меня.

— Это я могу, — сказал Рённ и. шаркая подошвами, вышел из комнаты.

Две минуты спустя он явился снова.

— Стрёмгрен едет, — сказал он.

— А Меландер?

— Приехать-то он приедет, но…

— Что «но»?

— Похоже, он не в восторге.

Восторгов, разумеется, требовать не приходилось. Мартин Бек ждал. Прежде всего, что так или иначе объявится Хульт.

И еще возможности поговорить с Фредриком Меландером. Фредрик Меландер был величайшим сокровищем отдела по особо важным преступлениям. Он обладал феноменальной памятью. В обычной жизни — зануда, но как детектив незаменим. По сравнению с ним ничего не стоила вся современная техника, ибо Меландер мог за несколько секунд извлечь из своей памяти все достойное внимания из того, что он когда-либо слышал, видел или читал о данном человеке или деле, и изложить свои воспоминания четко и вразумительно.

С такой задачей не справилась бы ни одна вычислительная машина.

Но писать он не умел. Мартин Бек просмотрел некоторые заметки в блокноте Меландера. Все они были сделаны очень своеобразным, неровным и совершенно неразборчивым почерком.

XIX

Рённ привалился к дверному косяку и захихикал. Мартин Бек вопросительно взглянул на него.

— Ты чего?

— Просто мне пришло в голову, что ты вот ищешь некоего полицейского, я ищу другого, а это, может статься, один и тот же человек.

— Один и тот же?

— Да нет, не один и тот же, конечно. Оке Эриксон и есть Оке Эриксон, а Пальмон Харальд Хульт и есть Пальмон Харальд Хульт.

Мартин Бек подумал, что Рённа пора отправить домой отдыхать. Еще вопрос, можно ли считать присутствие Рённа вполне легальным, ибо, согласно закону, который вступил в силу с первого января, ни один полицейский не имеет права отрабатывать за год свыше ста пятидесяти сверхурочных часов, причем за квартал их число не должно превышать пятидесяти. С чисто теоретической точки зрения это можно толковать так: полицейский имеет право работать, но не имеет права получать деньги. Исключение допускалось только для особо важных дел.

А сегодняшнее дело — оно особо важное? Да, пожалуй.

Не арестовать ли ему Рённа? Хотя текущему кварталу сровнялось всего четверо суток, Рённ уже перекрыл законную норму сверхурочных. Поистине новое отношение к работе.

В остальном работа идет как обычно.

Стрёмгрен раскопал кучу старых бумаг и время от времени вносил в комнату очередную стопку.

Мартин Бек изучал бумаги с растущим неудовольствием, поскольку у него возникало все больше вопросов, которые следует задать Анне Нюман.

Но он не торопился снимать трубку. Снова беспокоить женщину? Это уж слишком. Может, поручить Рённу? Но тогда ему все равно придется самому начать разговор и просить извинения сразу за обоих — за себя и за Рённа.

Эта безотрадная перспектива помогла ему обрести необходимую твердость духа, он поднял трубку и четвертый раз с начала суток позвонил в обитель скорби.

— Нюман слушает.

Голос вдовы с каждым разом звучал все бодрее. Очередное подтверждение многократно засвидетельствованной способности человека приспосабливаться ко всему на свете. Мартин Бек встрепенулся и сказал:

— Это опять Бек.

— Ведь мы разговаривали с вами десять минут назад.

— Знаю. Извините меня. Вам очень тяжело говорить об этом… этом инциденте?

Неужели он не мог подобрать более удачное выражение?

— Начинаю привыкать, — сказала Анна Нюман весьма холодным тоном. — Что вам на сей раз угодно, господин комиссар?

— Хочу вернуться к тому телефонному разговору.

— С первым помощником комиссара Хультом?

— Вот именно. Итак, вам уже случалось разговаривать с ним раньше?

— Да.

— Вы его узнали по голосу?

— Разумеется, нет.

— Почему же «разумеется»?

— Потому что раньше я не спрашивала, кто говорит.

Вот это да. Крыть нечем. Надо было все-таки заставить Рённа поговорить с ней.

— Вам это не приходило в голову, господин комиссар? — спросила женщина.

— По правде говоря, нет.

Большинство на его месте покраснело бы или замялось. Но Мартин Бек был не из таких. Он продолжал с полной невозмутимостью:

— Тогда это мог быть кто угодно.

— Вам не кажется странным, чтобы кто угодно позвонил и назвался Пальмоном Харальдом Хультом?

— Я хотел сказать, что это мог быть другой человек, не Хульт.

— Кто же тогда?

«Вопрос по существу», — подумал Мартин Бек и сказал:

— А вы могли определить по голосу, молодой это человек или старый?

— Нет.

— А описать его голос?

— Ну, он был очень отчетливый. И звучал резко.

Точная характеристика Хультова голоса. Отчетливый и резкий. Но ведь множество полицейских разговаривает таким голосом, и прежде всего те, у кого за плечами военная служба. Да и не только полицейские.

— А не проще ли вам расспросить самого Хульта? — поинтересовалась женщина.

Мартин Бек воздержался от ответа. Он решил копнуть глубже.

— Быть полицейским прежде всего означает иметь кучу врагов.

— Да, вы уже это сказали при втором разговоре. Кстати, господин комиссар, вы сознаете, что это уже наш пятый разговор менее чем за двенадцать часов?

— Очень сожалею. Вы сказали тогда, будто не знаете, что у вашего мужа были враги.

— Сказала.

— Но вы хоть знали, что у вашего мужа были неприятности по службе?

Ему послышался в трубке короткий смешок.

— А теперь я не понимаю, о чем вы.

Да, она действительно смеялась.

— Я о том, — сказал Мартин Бек без всяких околичностей, — что очень многие считали вашего мужа плохим полицейским, который не справлялся со своими обязанностями.

Фраза сработала. Разговор снова принял серьезное направление.

— Вы шутите, господин комиссар?

— Отнюдь, — примирительно сказал Мартин Бек. — Я не шучу. На вашего мужа поступало много жалоб.

— За что?

— За жестокость.

Она торопливо перевела дух и сказала:

— Это абсолютная нелепица. Вы, должно быть, спутали его с кем-нибудь.

— Не думаю.

— Но Стиг был самым мягкосердечным из всех людей, каких я когда-либо встречала. К примеру, мы всегда держали собаку. Вернее, четырех собак, по очереди. Стиг очень их любил, относился к ним с бесконечным терпением, даже когда они еще не умели проситься на улицу. Он мог неделями возиться с ними и никогда не раздражался.

— Так, так.

— И ни разу в жизни он не позволил себе ударить ребенка. Даже когда они были маленькие.

Мартин Бек частенько себе это позволял, особенно когда они были маленькие.

— Значит, никаких неприятностей по службе у него быть не могло?

— Нет. Я уже сказала вам, что он почти никогда не говорил с нами о своей работе. Но я просто-напросто не верю в эти россказни. Вы, наверное, ошиблись.

— Но ведь были у него какие-то взгляды? Хотя бы на самые общие вопросы?

— Да, он считал, что общество с точки зрения морали близко к гибели, ибо у нас неудачный режим.

За такой взгляд человека едва ли можно было осуждать. Одна беда: Стиг Нюман принадлежал к тому меньшинству, которое располагало должной властью, чтобы сделать положение еще хуже при удобном случае.

— Вы еще о чем-нибудь хотели спросить? — поинтересовалась Анна Нюман. — А то у меня довольно много хлопот.

— Нет, во всяком случае, не сейчас. Я очень сожалею, что мне пришлось вас побеспокоить.

— Ах, не о чем говорить.

В голосе ее не было убежденности.

— Но нам все-таки придется попросить вас идентифицировать голос.

— Голос Хульта?

— Да. Как вы думаете, удастся вам его узнать?

— Вполне возможно. До свиданья.

— До свиданья.

Мартин Бек отодвинул аппарат. Стрёмгрен приволок еще какую-то бумагу. Рённ стоял у окна и глядел на улицу, очки у него съехали на кончик носа.

— Значит, так, — сказал Рённ спокойно. — Ценная мысль.

— В каком роде войск служил Хульт? — спросил Мартин Бек.

— В кавалерии, — ответил Рённ.

Рай земной для новобранцев.

— А Эриксон?

— Он был артиллерист.

Пятнадцать секунд в комнате царила полная тишина.

— Ты думаешь про штык?

— Да.

— Я тоже.

— А что ты думаешь?

— Что такой штык может купить себе любой за пять монет на армейском складе излишков.

Мартин Бек промолчал.

Он никогда не был высокого мнения о Рённе, но ему также никогда не приходило в голову, что Рённ отвечает ему взаимностью.

В дверь робко постучали.

Меландер.

Надо думать, единственный человек на свете, который способен стучать в собственную дверь.

XX

Расчет времени внушал Колльбергу беспокойство. У него было такое ощущение, будто с минуты на минуту может произойти что-то ужасное, хотя до сих пор привычное течение дел ничем не было нарушено. Труп увезли. Пол замыли. Окровавленное белье спрятали. Кровать загнали в один угол, тумбочку в другой. Все личные вещи покойного разложили по пластиковым пакетам, все пакеты собрали в один мешок. Мешок стоял в коридоре, дожидаясь, пока его заберут кому положено. Изучение места преступления было завершено, даже меловой силуэт на полу не напоминал больше о покойном Стиге Нюмане. Метод с силуэтом считался устаревшим и применялся теперь лишь в виде исключения. И сожалели об этом только фоторепортеры.

От прежней обстановки в комнате остался только стул для посетителей и еще один, на котором сидел и размышлял сам Колльберг.

Что сейчас делает человек, который совершил убийство? Опыт подсказывал Колльбергу, что на этот вопрос может быть множество ответов.

Он и сам однажды убил человека. Как он вел себя после этого? Он долго думал, долго и основательно, несколько лет подряд, после чего сдал свой служебный пистолет вместе с правом на ношение и прочими причиндалами и заявил, что не желает больше носить оружие.

Тому уже много лет. Колльберг лишь смутно помнил, что последний раз ходил с револьвером в Мутале летом шестьдесят четвертого, когда велось стяжавшее печальную известность следствие по убийству Розеанны. Случалось, правда, что наедине с собой он вспоминал этот проклятый случай. К примеру, когда он глядел на себя в зеркало. В зеркале отражался человек, который совершил убийство.

За много лет службы ему куда чаще, чем желательно, приходилось лицом к лицу сталкиваться с убийцами. И он сознавал, что реакция человека, только что совершившего акт насилия, может быть бесконечно разнообразной. Одних мучит рвота, другие торопятся сытно пообедать, третьи лишают жизни самих себя. Некоторых охватывает паника, и они бегут куда глаза глядят. Есть, наконец, и такие, которые идут домой и ложатся спать.

Строить догадки по этому вопросу было не только трудно, но и ошибочно с профессиональной точки зрения, ибо такая догадка могла направить следствие по ложному пути.

И, однако, в обстоятельствах, сопутствовавших убийству Нюмана, было нечто, заставлявшее Колльберга задаваться вопросом: чем владелец штыка занялся непосредственно после убийства и чем он занят сейчас?

Каковы же эти обстоятельства? Ну, прежде всего следует отметить крайнее исступление, с которым действовал убийца и которое свидетельствует о том, что в нем, вероятно, по сей час бушуют исступленные чувства. Значит, можно ждать и дальнейшего развития событий.

Но так ли все просто? Колльберг припомнил собственные ощущения, когда Нюман делал из него десантника. Сперва у него начинались спазмы и нервная дрожь, он не мог есть, но совсем немного спустя после этого он выбирался из горы дымящихся внутренностей, сбрасывал маскхалат, принимал душ и прямиком топал в буфет. А там пил кофе и ел печенье. Стало быть, и к этому можно привыкнуть.

И еще одно обстоятельство не давало Колльбергу покоя, а именно — непонятное поведение Мартина Бека. Колльберг был человек чуткий даже в отношении начальства. Мартина Бека он знал досконально и потому с легкостью улавливал всевозможные оттенки его настроения. Сегодня Мартин Бек был какой-то встревоженный, может, просто из страха, но он редко испытывал страх и никогда — без особой причины.

Итак, Колльберг ломал голову над вопросом: чем занялся убийца после убийства?

Гюнвальд Ларссон, не упускавший случая строить предположения и взвешивать возможности, сразу сказал:

— Он, наверно, пошел домой и застрелился.

Мысль Ларссона, бесспорно, заслуживала внимания. Может, и в самом деле все проще простого. Гюнвальд Ларссон частенько угадывает, но ошибается он не менее часто.

Колльберг готов был признать, что это был бы поступок, достойный мужчины, только и всего. Но качества Гюнвальда Ларссона как полицейского никогда не внушали ему особого доверия.

И не кто иной, как этот не внушавший ему доверия тип, вдруг прервал нить его размышлений, явившись перед ним в сопровождении тучного лысого мужчины лет около шестидесяти. Мужчина пыхтел как паровоз, впрочем, так пыхтели почти все, кому приходилось поспевать за Ларссоном.

— Это Леннарт Колльберг, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Колльберг приподнялся, вопросительно глядя на незнакомца. Тогда Ларссон лаконично завершил церемонию представления.

— А это лекарь Нюмана.

Они пожали друг другу руки.

— Колльберг.

— Блумберг.

И тут Гюнвальд Ларссон обрушил на Блумберга град лишенных смысла вопросов.

— Как вас по имени?

— Карл Аксель.

— Сколько лет вы были врачом Нюмана?

— Больше двадцати.

— Чем он болел?

— Трудно понять неспециалисту…

— Попытайтесь.

— Специалисту тоже нелегко.

— Вот как?

— Короче, я только что просмотрел последние рентгеновские снимки. Семьдесят штук.

— И что вы можете сказать?

— Прогноз в общем благоприятный. Хорошие новости.

— Как, как?

У Гюнвальда Ларссона сделался такой ошарашенный вид, что Блумберг поторопился добавить:

— Разумеется, если бы он был жив. Очень хорошие новости.

— Точнее?

— Он мог бы выздороветь.

Блумберг подумал и решил ослабить впечатление:

— Во всяком случае, встать на ноги.

— Что же у него было?

— Теперь, как я уже сказал, нам это известно. У Стига была средних размеров киста на теле поджелудочной.

— На чем, на чем?

— Ну, есть такая железа в животе. И еще у него была небольшая опухоль в печени.

— Что это все означает?

— Что он мог бы до некоторой степени оправиться от своей болезни, как я уже говорил. Кисту следовало удалить хирургическим путем. Вырезать, иначе говоря. Это не было новообразованием.

— А что считается новообразованием?

— Канцер. Рак. От него умирают.

Гюнвальд Ларссон даже как будто повеселел.

— Уж это мы понимаем, можете не сомневаться.

— Вот печень, как вам может быть известно, неоперабельна. Но опухоль была совсем маленькая, и Стиг мог прожить с ней еще несколько лет.

В подтверждение своих слов доктор Блумберг кивнул и сказал:

— Стиг был физически очень крепким человеком. Общее состояние у него превосходное.

— То есть?

— Я хотел сказать: было превосходным. Хорошее давление и здоровое сердце. Превосходное состояние.

Гюнвальд Ларссон, казалось, был удовлетворен.

Эскулап сделал попытку уйти.

— Минуточку, доктор, — задержал его Колльберг.

— Да?

— Вы много лет пользовали комиссара Нюмана и хорошо его знали.

— Справедливо.

— Что за человек был Нюман?

— Да, да, если отвлечься от общего состояния, — подхватил Гюнвальд Ларссон.

— Ну, я не психиатр, — сказал Блумберг и покачал головой. — Я, знаете ли, терапевт.

Но Колльберг не хотел удовольствоваться этим ответом и упрямо повторял:

— Но должно ведь было у вас сложиться какое-нибудь мнение о нем?

— Стиг Нюман. как и все мы, грешные, был человеком сложным, — туманно произнес врач.

— Больше вы ничего не можете о нем сказать?

— Ничего.

— Благодарим.

— До свиданья, — сказал Гюнвальд Ларссон.

На этом беседа закончилась.

Когда специалист-гастроэнтеролог удалился, Гюнвальд Ларссон принялся хрустеть пальцами, методично вытягивая один за другим, — пренеприятнейшая привычка.

Колльберг наблюдал эту процедуру с кротким отвращением. Наконец он сказал:

— Ларссон!

— Ну чего?

— Зачем ты так делаешь?

— Хочу и делаю, — ответил Ларссон.

Колльберга по-прежнему одолевали разные вопросы, и после некоторого молчания он сказал:

— Ты можешь представить себе, о чем он думал, ну, тот, который лишил жизни Нюмана? После убийства?

— Откуда ты знаешь, что это был он?

— Очень немногие из женщин умеют обращаться с таким оружием и еще меньше носят ботинки сорок пятого размера. Итак, можешь ты представить или нет?

Гюнвальд Ларссон поглядел на него спокойными ясно-голубыми глазами и сказал:

— Нет, не могу. Я что, ясновидец, что ли?

Он поднял голову, откинул со лба белокурые волосы, прислушался и сказал:

— Это что еще за шум?

Где-то поблизости звучали возбужденные голоса, раздавались выкрики.

Колльберг и Гюнвальд Ларссон тотчас выскочили из комнаты и бросились на крыльцо. Они увидели черно-белый полицейский мини-автобус. Возле автобуса они увидели пять молодых полицейских, которые под предводительством пожилого чина в форме гнали от крыльца кучку лиц в гражданской одежде.

Полицейские образовали цепь, а предводитель грозно вздымал резиновую дубинку над своей седой, коротко остриженной макушкой.

Среди гражданских они увидели несколько фоторепортеров, медсестер в белых халатах, шофера такси в форменной куртке и еще несколько человек различного пола и возраста. Плюс обычное число зевак. Некоторые из гражданских вслух выражали свое возмущение, а один из тех, кто помоложе, что-то поднял с земли.

— Давай, давай, ребята, — скомандовал старшой, — довольно с ними цацкаться!

В воздухе мелькнули пять белых дубинок.

— Отставить! — крикнул Гюнвальд Ларссон металлическим голосом.

Все замерло.

Гюнвальд Ларссон шагнул вперед и осведомился:

— В чем дело?

— Очищаю территорию перед заграждением.

Золотой кант на рукаве свидетельствовал о том, что Ларссон имеет дело с первым помощником комиссара.

— А на кой черт здесь понадобилось заграждение? — рявкнул Ларссон.

— Да, Хульт, — сказал и Колльберг, — вообще-то Ларссон прав. А ребят ты где набрал?

— Вспомогательные силы из пятого участка, — отвечал человек с золотым кантом, машинально став по стойке «смирно». — Они здесь уже были, ну я и принял на себя командование.

— Развяжись немедленно с этими идиотами, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Поставь лучше охрану на лестнице, и она помешает посторонним лицам проникнуть внутрь здания. Хотя я очень сомневаюсь, что в этом есть надобность. А остальные пусть лезут в машину и катятся в свой участок. Там они нужней.

Из глубины автобуса донеслось потрескивание коротковолновою приемника, и металлический голос произнес:

— Первого помощника комиссара Харальда Хульта просят соединиться с диспетчерской для установления последующей связи с комиссаром Беком.

Хульт по-прежнему держал дубинку в руке и, насупясь, глядел на обоих детективов.

— Ну так как? — спросил Колльберг. — Намерен ты выходить на связь или нет? Тебя, похоже, разыскивают.

— Все в свое время. — отвечал Хульт. — А кстати сказать, я сегодня здесь по доброй воле.

— Не убежден, что здесь требуются добровольцы, — произнес Колльберг.

И был не прав.

— Ерунда все это, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Во всяком случае, здесь я выяснил все, что нужно.

Он тоже был не прав.

Едва он сделал первые размашистые шаги в сторону своей машины, где-то щелкнул выстрел, и чей-то пронзительный, испуганный голос закричал: «Спасите!»

Гюнвальд Ларссон остановился в растерянности и взглянул на свой хронометр. Было двенадцать часов десять минут.

Колльберг мгновенно насторожился.

Уж не этого ли он ждал все время?

XXI

— Так вот, по поводу Эриксона, — сказал Меландер и отодвинул от себя стопку бумаг. — Это очень долгая история. Но вам она наверняка известна, хотя бы частично.

— Давай уговоримся, что нам ничего не известно, и рассказывай с самого начала, — предложил Мартин Бек.

Меландер откинулся на спинку стула и начал набивать трубку.

— Ладно, — сказал он. — Сначала так сначала. Оке Эриксон родился в тысяча девятьсот тридцать пятом году. Он был единственным ребенком в семье токаря. В пятьдесят четвертом он кончил реальное училище, через год был призван на военную службу, а отбыв ее, поступил в полицию. Был зачислен на подготовительные курсы и одновременно вступил в Финский союз футболистов.

Он раскурил трубку и выпустил над столом облачко дыма. Рённ, сидевший напротив, закашлялся демонстративно и укоризненно. Меландер не обратил на кашель Рённа ни малейшего внимания и продолжал дымить. Он говорил:

— Таково краткое извлечение из ранней и сравнительно неинтересной для нас части его жизни. В пятьдесят шестом он стал участковым в округе Святой Екатерины. О пятьдесят седьмом сказать нечего. Полицейский из него, сколько можно судить, получился посредственный, не очень хороший и не очень плохой. Жалоб на него не поступало, но я также не могу припомнить, чтобы он как-нибудь отличился.

— Он все время служил в одном и том же округе? — спросил Мартин Бек, который стоял у дверей, возложив руку на шкаф с документами.

— Нет. — ответил Меландер. — Он сменил за первые четыре года три или четыре округа.

Меланлер умолк и наморщил лоб. Потом вынул трубку изо рта и ткнул чубуком в сторону Мартина Бек.

— Беру свои слова назад, — снова начал он. — Я сказал, что он никак не отличался. Я ошибся. Он отлично стрелял, побеждал на всех соревнованиях.

— Верно. — подал голос Рённ. — Это даже я помню. Пистолетом он здорово владел.

— Из винтовки он стрелял не хуже, — дополнил Меландер. — Когда он добровольно пошел на курсы командного состава, каникулы он всегда проводил в лагере футбольного общества.

— Ты сказал, что он в первые годы сменил три или четыре округа, — сказал Мартин Бек. — А не случалось ли ему работать под началом у Нюмана?

— Да, некоторое время. С осени пятьдесят седьмого и весь пятьдесят восьмой. Потом Нюману дали другой округ.

— Не знаешь, какие у них были отношения? Нюман ведь не церемонился с теми, кого недолюбливал.

— Нет никаких указаний на то, что Нюман относился к Эриксону хуже, чем к другим новичкам. И жалобы Эриксона меньше всего касаются событий этого периода. Но, зная методы Нюмана, с помощью которых тот, по его собственному выражению, «делал мужчин из сопливых щенков», нетрудно себе представить, что и Эриксону доставалось по первое число.

Меландер в основном обращался к Мартину Беку, но теперь он взглянул на Рённа, прикорнувшего в кресле для посетителей с таким видом, будто вот-вот уснет. Мартин Бек проследил за направлением его взгляда и сказал:

— А не выпить ли нам по чашечке кофе? Ты как, Эйнар?

Рённ выпрямился и пробормотал:

— Да, пожалуй. Я сейчас принесу.

Он вышел из комнаты, а Мартин Бек проводил его глазами и подумал: такой же замученный вид у него самого или получше?

Когда Рённ вернулся с кофе и снова съежился в своем кресле, Мартин Бек сказал:

— Продолжай, Фредрик.

Меландер положил трубку и задумчиво отхлебнул кофе.

— Тьфу, — сказал он, — ну и пойло.

Он отодвинул пластмассовую чашку и снова протянул руку к своей любезной трубке.

— Итак, в начале пятьдесят девятого Оке Эриксон женился. Жена была на пять лет моложе его. Звали ее Мария. По национальности она была финка, но жила в Швеции уже много лет и работала в фотоателье. По-шведски она говорила не очень чисто, что немаловажно для понимания последующих событий. В декабре того же года у них родился ребенок, тогда она ушла из ателье. А когда ребенку исполнилось полтора года, другими словами, летом шестьдесят первого, Мария Эриксон скончалась при обстоятельствах, которые вам, без сомнения, памятны.

Рённ утвердительно и сумрачно кивнул. А может, он просто клевал носом во время всего рассказа.

— Памятны, непамятны, давай дальше, — сказал Мартин Бек.

— Так вот, — продолжал Меландер. — Может быть, именно здесь в нашей истории впервые появляется Стиг Нюман. А с ним заодно и Харальд Хульт, который к тому времени был на должности первого помощника в нюманском округе. Именно у них в участке и скончалась Мария Эриксон. В камере для алкоголиков в ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое июня тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

— А Нюман и Хульт были в ту ночь на работе? — спросил Мартин Бек.

— Нюман был, когда ее задержали, но потом он ушел домой, точное время ухода не установлено. А Хульт в ту ночь патрулировал, однако не подлежит сомнению, что, когда ее нашли мертвой, он при этом присутствовал.

Меландер высвободил скрепку и начал выковыривать табак из трубки над пепельницей.

— Было начато следствие, и ход событий можно восстановить. По всей вероятности, произошло следующее: двадцать шестого июня Мария Эриксон вместе с дочерью поехала к подруге в Ваксхольм. Фотограф, у которого она прежде работала, попросил ее помочь управиться с двухнедельным заказом, и подруга согласилась на это время взять к себе девочку. Во второй половине дня Мария Эриксон вернулась из Ваксхольма. Оке Эриксон кончал работу в семь часов, и она торопилась попасть домой раньше. Учтите, что Эриксон служил в ту пору уже не у Нюмана.

Мартин Бек почувствовал, как от долгого стояния возле шкафа у него затекли ноги. Поскольку два наличных стула уже были заняты, он подошел к окну, присел на подоконник и кивнул Меландеру, чтобы тот продолжал.

— Мария Эриксон страдала диабетом и должна была регулярно делать себе инъекции инсулина. О ее болезни знали очень немногие, так, например, ваксхольмская подруга ничего об этом не знала. Мария Эриксон никогда не пропускала инъекции. Кстати, она и не могла позволить себе такую небрежность, но тут она Бог весть почему забыла дома шприц.

Оба — и Мартин Бек, и Рённ — теперь боялись пропустить хоть одно слово из рассказа Меландера, будто понимая, что именно по этому пути и надлежит вести следствие.

— Сразу после семи вечера двое полицейских из Нюманова участка обнаружили Марию Эриксон. Она сидела на скамейке, и вид у нее был ужасный. Они пытались заговорить с ней и пришли к выводу, что она либо наглоталась наркотиков, либо мертвецки пьяна. Тогда они дотащили ее до такси и отвезли в полицию. Сами они на допросе говорили потом, что не знали, как с ней поступить, поскольку она была совершенно невменяема. Шофер такси позднее рассказывал, что Мария произнесла несколько слов на непонятном языке — на финском, стало быть; может, в машине они ее били, хотя оба решительным образом это отрицают.

Меландер сделал длинную паузу и всецело занялся своей трубкой.

— Ну, если верить первым показаниям обоих, Нюман поглядел на Марию и велел, пока суд да дело, поместить ее в камеру для алкоголиков. Впоследствии он, правда, утверждал, что и в глаза не видел этой женщины, а на очередном допросе оба полицейских вдруг перекинулись и начали говорить, будто Нюман был чем-то занят, когда они доставили Марию. Им самим пришлось якобы немедленно удалиться по какому-то срочному заданию. Охрана же показала, что полицейские самолично поместили Марию в эту камеру. Короче, все сваливают друг на друга. Из камеры не доносилось ни звука, и охранники решили, что Мария спит. Оказии в уголовную полицию не подвертывалось целых три часа. А когда пришла ночная смена, камеру открыли и увидели, что Мария мертва. Хульт все это время был в

участке, он звонил в «Скорую помощь», но ему не удалось спровадить ее в больницу, потому что она была мертвая.

— Когда она умерла? — спросил Мартин Бек.

— Как выяснилось потом, она умерла за час до того, как они вошли в камеру.

Рённ выпрямился и спросил:

— Но когда у человека диабет… Я хочу сказать, когда люди страдают такими болезнями, разве у них нет при себе карточки или удостоверения, где написано, чем они больны?..

— Разумеется, есть, — ответил Меландер. — У Марии Эриксон было такое в сумочке. Но там ее, понимаешь ли, не обыскивали. Во всем участке не нашлось ни одной женщины-полицейского, значит, обыскать ее могли только в уголовной. Конечно, если бы она туда попала.

Мартин Бек кивнул.

— На допросе Нюман заявил, что не видел ни самой женщины, ни ее сумки, и пусть, мол, отвечают полицейские и охрана. Ну, все они отделались предупреждением.

— А как вел себя Эриксон, когда узнал, что случилось?

— У него было нервное потрясение, он несколько месяцев просидел на больничном, потом у него развилась депрессия. Когда жена не вернулась, он в конце концов обнаружил, что она забыла взять шприц. Сперва он обзвонил все больницы, потом завел машину и поехал ее искать. Словом, прошло немало времени, прежде чем он узнал, что Мария умерла. Не думаю, что они так, сразу, сказали ему всю правду, но мало-помалу он докопался до истины, поскольку в сентябре он написал первую жалобу на Нюмана и Хульта. Но к этому времени следствие все равно уже было закончено.

XXII

Молчание царило в кабинете Меландера.

Меландер сложил руки на затылке и глядел в потолок, Мартин Бек стоял, прислонясь к подоконнику, и выжидательно глядел на Меландера, а Рённ просто сидел в кресле.

Наконец Мартин Бек сказал:

— Что же произошло с Оке Эриксоном после смерти жены? Я имею в виду не только внешние обстоятельства его жизни, а чисто психические перемены.

— Ну, я не психиатр, — сказал Меландер, — а медицинским заключением мы не располагаем, ибо, насколько мне известно, он после выхода на работу в сентябре шестьдесят первого к врачу не обращался. Хотя обратиться, может быть, и следовало.

— Но он стал другим или нет?

— Да, — сказал Меландер. — Он стал совсем другим человеком.

Меландер положил руку на стопку бумаг, которые натаскал отовсюду Стрёмгрен.

— Вы все это просмотрели? — спросил он.

Рённ отрицательно замотал головой, а Мартин Бек сказал:

— Частично. Бумаги могут подождать. Я полагаю, что с твоей помощью мы можем составить более ясную картину.

Он хотел добавить еще что-нибудь лестное для Меландера, но воздержался, вспомнив, что Меландер совершенно равнодушен к лести.

Меландер кивнул и прикусил свою трубку.

— О'кэй, — сказал он. — Когда Эриксон снова вышел на работу, он был замкнутый и тихий и старался по возможности ни с кем не общаться. Товарищи пытались как-то развлечь его, но успеха не имели. Вначале они были очень терпеливы, зная, какая с ним стряслась беда, и жалели его. Они, верно, надеялись, что рано или поздно он станет прежним, но,

видя, что из него слова не выжмешь, если не считать необходимого по службе, и что их слова он тоже пропускал мимо ушей, они в конце концов стали под любыми предлогами избегать работать с ним.

А он с каждым днем становился все хуже — мрачный, сварливый и до ужаса педантичный в работе. Тут-то он и начал рассылать письма с угрозами, жалобами, обвинениями. Так продолжалось несколько лет. Я думаю, каждый из нас получал такие письма.

— Я — нет, — сказал Рённ.

— Ну, ты лично, может, и нет, но ты наверняка видел его писания в отделе по особо тяжким.

— Угу, — согласился Рённ.

— Для начала он пожаловался на Нюмана и Хульта за служебные упущения. На них он жаловался несколько раз. Потом он принялся жаловаться на всех подряд, даже на мэра Стокгольма. На меня он жаловался, на тебя, по-моему, тоже. Или на тебя нет?

— Жаловался, — ответил Мартин Бек, — за то, что я не расследовал обстоятельства смерти его жены. Но времени с тех пор прошло много, и я все начисто забыл.

— Примерно через год после смерти Марии он до такой степени всем осточертел, что комиссар только и мечтал, как бы спровадить его куда-нибудь подальше.

— А какую официальную причину он выдвинул? — спросил Мартин Бек.

— Комиссаром у них был очень приятный человек, он частенько смотрел сквозь пальцы на все художества Эриксона. Но в конце концов он не мог дольше потакать ему — хотя бы ради других сотрудников. Он говорил, что Эриксон действует на нервы окружающим, что с ним тяжело работать и что было бы лучше для всех, и для самого Эриксона в том числе, если бы он перевелся в другой участок, где ему, может быть, будет приятнее и легче. Примерно так это было с формулировкой. И вот Эриксон летом шестьдесят второго начал работу в новом участке. Там он тоже не снискал особой любви, а новый комиссар не желал с ним миндальничать, как это делал старый. Товарищи на него жаловались, так что время от времени у него бывали неприятности.

— Почему? — спросил Мартин Бек. — За жестокое обращение?

— Вовсе нет. Он никогда не был жестоким и тому подобное, скорее, наоборот, чересчур мягким. Он держался вполне корректно со всеми, с кем ему приходилось сталкиваться. Нет, главная беда — это скорей всего нелепый, занудный педантизм Эриксона. Он мог часами возиться с делом, на которое за глаза хватило бы и пятнадцати минут. Он увязал в ничего не значащих деталях и порой просто-напросто не выполнял приказ, занимаясь чем-то другим, что ему казалось более важным. Он превышал свои полномочия, вмешиваясь в дела, порученные его коллегам. Он критиковал не только своих сослуживцев, но и начальство, и все жалобы и рапорты, написанные им за это время, посвящены одной теме: как плохо работает полиция, начиная от стажеров в его собственном участке и кончая полицмейстером. Он и на министра внутренних дел наверняка жаловался. Поскольку министр курировал тогда полицию.

— Если верить ему, то только он один и работал как следует, — сказал Рённ. — А может, у него просто была мания величия?

— Я ведь говорил, я не психиатр, — продолжал Меландер, — но он, похоже, обвинял в смерти жены не только Нюмана с компанией, но и вообще всех полицейских.

Мартин Бек вернулся к шкафу с документами и стал в излюбленную позу, положив руку на шкаф.

— У тебя выходит — он обвинял всю полицию, которая допускает подобные случаи, так, что ли? — спросил он.

Меландер кивнул и пососал угасающую трубку.

— Не исключено, что именно так он и думал.

— А есть какие-нибудь сведения о его личной жизни в этот период? — опять спросил Мартин Бек.

— Немного. Он был одинок, как медведь-шатун, и друзей среди сослуживцев у него не было. А футбол он забросил после женитьбы. Он занимался стрельбой, и очень активно, но ни в каких полицейских соревнованиях не участвовал.

— Ну а семейная жизнь? У него ведь осталась дочь, ей теперь… сколько ей теперь?

— Одиннадцать, — подсказал Рённ.

— Да, — ответил и Меландер. — Он растил дочку сам. Он жил с ней в той квартире, которой обзавелся после свадьбы.

У самого Меландера детей не было, но и Рённ, и Мартин Бек хорошо представляли себе практические трудности, встающие перед отцом-одиночкой, да еще полицейским по профессии.

— А у него не было никого, кому он мог подбросить ребенка? — недоверчиво спросил Рённ. — Когда он, например, уходил на работу?

Сыну Рённа исполнилось семь лет. И все семь лет, особенно в период отпусков и по выходным дням, Рённ не переставал удивляться, как один ребенок ухитряется целые сутки связывать по рукам и ногам двух взрослых.

— С тысяча девятьсот шестьдесят четвертого девочка начала ходить в детский сад, а его родители — они еще живы — брали к себе ребенка, когда он дежурил по вечерам или ночью.

— Значит, с шестьдесят четвертого? — спросил Рённ.

— А дальше мы ничего не знаем о его судьбе? — сказал Мартин Бек и вопросительно поглядел на Меландера.

— Ничего, — подтвердил Меландер. — Его выставили в августе того же года. Те, кому приходилось иметь с ним дело, старались по разным причинам забыть его как можно скорей.

— А потом он где работал, неизвестно? — спросил Мартин Бек.

— В октябре он пытался устроиться ночным патрулем. Не знаю, вышло ли. А потом он и вовсе исчез с нашего горизонта.

— А почему его выставили? — спросил Рённ. — Только потому, что чаша уже переполнилась?

— Не понимаю.

— Накопилось множество мелких грехов или он совершил один серьезный проступок?

— Чаша, разумеется, переполнилась, но непосредственным поводом явился дисциплинарный проступок. В пятницу седьмого августа Оке Эриксон нес послеобеденное дежурство перед зданием американского посольства. Как раз в шестьдесят четвертом году начались массовые демонстрации против войны во Вьетнаме. До того времени, как вы знаете, перед зданием посольства стоял обычный наряд — один полицейский. Занятие не больно увлекательное, ходи взад да вперед — всего-то и дела.

— Но ведь в ту пору еще не было запрещено жонглировать дубинкой, — сказал Мартин Бек.

— Я как раз вспомнил одного парня, — вмешался Рённ. — Вот был искусник! Если бы Эриксону хоть половину его талантов, он мог бы смело устроиться в цирк.

Меландер бросил на Рённа усталый взгляд. Потом взглянул на свои часы.

— Я пообещал Саге вернуться ко второму завтраку. Так что я, с вашего разрешения, продолжил бы…

— Извини, пожалуйста, — пробормотал Рённ обиженно. — Просто я вспомнил про того парня. Продолжай.

— Как я уже сказал, Эриксону полагалось стоять перед посольством, но он наплевал на свои обязанности. Он принял смену, а потом просто-напросто ушел оттуда. Дело в том, что неделей раньше Эриксона вызывали по тревоге на Фредриксховгатан, где в подвале дома нашли мертвого привратника. Тот перекинул веревку через трубу под потолком котельной и повесился. Не было никаких причин сомневаться в том, что это самоубийство. В одном из закрытых отсеков подвала обнаружили целый склад наворованных вещей: кинокамеры, приемники, телевизоры, мебель, ковры, картины, — короче, пропасть добра, похищенного за последние годы. Привратник оказался укрывателем краденого, а вскоре удалось поймать и воров, которые использовали его подвал в качестве склада.

Эриксон к этой истории не имел никакого отношения, кроме того, что его вызывали по тревоге; когда он вместе с другими полицейскими оцепил место преступления и разогнал народ, ему оставалось только доложить о происшествии. Больше от него не требовалось. Но Эриксон вбил себе в голову, что следствие велось небрежно. Насколько я помню, он, во-первых, полагал, будто привратник не сам повесился, а был убит, и, во-вторых, надеялся выловить остальных членов шайки. Итак, вместо того, чтобы вернуться на свой пост перед посольством, с которого ему, как вы понимаете, и уходить-то не следовало, он проторчал все свое дежурство на Фредриксховгатан, где расспрашивал жильцов и разнюхивал, что да как. Случись это в обычный день, никто его и не хватился бы, но, как на грех, в этот день состоялась одна из первых крупных демонстраций перед посольством. За два дня до того, пятого августа, Соединенные Штаты напали на Северный Вьетнам и забросали бомбами побережье, и вот несколько сот человек вышли к посольству протестовать против американской агрессии. Поскольку никто этого не ожидал, то внутренняя охрана посольства была застигнута врасплох, а поскольку и нашего друга Эриксона на месте не оказалось, прошло немало времени, прежде чем к посольству прибыл наряд полиции. Правда, демонстранты были настроены очень мирно, люди выкрикивали лозунги, держали плакаты, а небольшая группа вошла в здание, чтобы вручить послу свой протест. Но, как вы знаете, в ту пору полиция не была приучена к демонстрациям и поступила точно так же, как она поступает при подавлении уличных беспорядков. Получилась настоящая бойня. Множество людей было арестовано, из них некоторые жестоко избиты. Вину свалили на Оке Эриксона, а раз он совершил тяжкий дисциплинарный проступок, то его немедля отставили от службы, а несколько дней спустя уволили вчистую. Тут мы расстаемся с Оке Эриксоном.

Меландер встал.

— И одновременно расстаемся с Фредриком Меландером, — сказал он. — Я не собираюсь пропускать завтрак. Будет крайне нежелательно, если я вам сегодня опять понадоблюсь, но в крайнем случае вы знаете, где меня искать.

Он спрятал свой кисет и трубку, одернул китель. Мартин Бек сел на его место.

— Вы что, серьезно думаете, что Эриксон распотрошил Нюмана? — спросил Меландер уже у дверей.

Рённ пожал плечами, а Мартин Бек промолчал.

— По-моему, это маловероятно, — продолжал Меландер. — Иначе он убил бы его сразу после смерти жены. За десять лет ненависть и жажда мести должны были ослабнуть. Вы на ложном пути. Тем не менее желаю удачи. Пока.

Он ушел.

Рённ поглядел на Мартина Бека и сказал:

— Вообще-то он прав.

Мартин Бек ничего не ответил. Он молча и без видимой цели листал бумаги.

— Я вот о чем подумал после рассказа Меландера. О родителях. Может статься, они живут там же, где жили десять лет назад.

Тут он начал более целеустремленно перелистывать бумаги. Теперь молчал Рённ и глядел на Мартина Бека без всякого энтузиазма. Под конец Мартин Бек нашел, что искал.

— Вот и адрес. Старая Сёдертельевеген в Сегельторпе.

XXIII

Это был «крайслер» с белыми крыльями и двумя синими прожекторами на крыше. И, словно этих примет было недостаточно, на нем четырежды красовалось слово «полиция» — «полиция» на радиаторе, «полиция» на багажнике, «полиция» на каждой дверце, все четыре — большими четкими белыми буквами.

Хотя номер машины был городской, она с головокружительной скоростью пересекла границу Стокгольма у Северной заставы, явно стремясь уехать подальше от полицейского участка Сольны.

Машина была новая и оснащена в соответствии с новейшими требованиями науки и техники. Но технические усовершенствования никак не отразились на ее экипаже, состоявшем в данном случае из двух полицейских — Карла Кристианссона и Курта Кванта, двух рослых белокурых уроженцев Сконе, коих почти двенадцатилетняя деятельность в качестве радиопатрулей насчитывала небольшое количество удачных и великое множество проваленных операций.

Как раз сегодня они могли с полным правом рассчитывать на очередную порцию неприятностей.

Всего четыре минуты назад Кристианссон счел своей обязанностью арестовать Задницу. Решение это нельзя было объяснить ни неудачей, ни чрезмерным усердием. Напротив, причиной его послужила откровенная и наглая провокация. Началось с того, что Квант притормозил возле газетного киоска против конечной станции Хага. А притормозив, извлек из кармана бумажник и выдал Кристианссону десятку, после чего Кристианссон вылез из машины.

Кристианссон вечно мыкался без гроша, так как просаживал все свои деньги в тотализатор. Об этой его всепоглощающей страсти знали только два человека. Одним из них был Квант, поскольку патрульные, составляющие экипаж одной машины, связаны между собой теснейшими узами и могут хранить только общие тайны, но никак не личные. Вторым была жена Кристианссона, по имени Керстин, страдавшая тем же пороком. Надо сказать, что они приносили в жертву этой игре не только деньги, но и супружеские отношения, ибо почти все свободное время тратили на заполнение карточек и разработку неслыханно сложной системы, основанной на сочетании трезвого расчета, с одной стороны, и набора случайных чисел — с другой, причем последние определяли два их малолетних ребенка, которые бросали нарочно приспособленные для этой цели фишки.

В киоске Кристианссон приобрел спортивную и еще две специальные газеты, а для Кванта пакетик тянучек.

Правой рукой он сунул в карман сдачу, а в левой держал газету и, возвращаясь к машине, успел пробежать глазами первую полосу «Алла ретс». Кристианссон думал о том, как его любимая команда «Милвол» проведет встречу с «Портсмутом» на поле противника, но в эту минуту раздался вкрадчивый голос:

— Господин комиссар, смотрите-ка, что вы забыли…

Кристианссон почувствовал, как что-то прикоснулось к его рукаву. Он машинально выдернул из кармана правую руку, и пальцы его наткнулись на какой-то предмет, холодный и скользкий. Он вздрогнул, поднял глаза и, к своему ужасу, увидел Задницу.

Тогда он перевел взгляд на предмет, зажатый в его правой руке.

Он, Карл Кристианссон, стоял посреди оживленной площади, он находился при исполнении служебных обязанностей, был в полной форме — блестящие пуговицы, на портупее дубинка в белом чехле. А в руке он, Карл Кристианссон, держал маринованную поросячью ножку.

— Как по заказу! Надеюсь, подойдет. А коли нет, можешь спустить ее в нужник, — выкрикнул Задница и зашелся в приступе неудержимого хохота.

Задница был бродяга, попрошайка и спекулянт. Имя свое он получил не зря, ибо именно эта часть тела преобладала над всеми остальными, а голова, руки и ноги казались малосущественными привесками к ней. Росту в нем было всего полтора метра, другими словами, на тридцать сантиметров меньше, чем в Кристианссоне и Кванте.

Но не столько физическое уродство делало этого человека таким омерзительным, сколько его манера одеваться.

На Заднице было надето два пальто до пят, три куртки, четверо брюк и пять жилеток. Во всех этих одеяниях насчитывалось не менее пятидесяти карманов, а Задница, кроме прочего, славился и тем, что постоянно имел при себе крупную сумму наличными, всегда в отечественной валюте и никогда в монетах большего достоинства, чем десять эре.

Кристианссон и Квант уже задерживали Задницу одиннадцать раз, но только в двух случаях из одиннадцати им удалось доставить его в полицейский участок. А именно в первый и второй раз, да и то по молодости лет и недомыслию.

При первом задержании в сорока трех карманах оказалось 1230 монет достоинством в один эре, 2780 — достоинством в два, 2037 — достоинством в пять и одна монета достоинством в десять эре. Обыск и подсчет заняли три часа двадцать минут, последовавший затем суд приговорил Задницу к уплате штрафа в одну крону или десяти дням ареста за оскорбление чинов, находящихся при исполнении служебных обязанностей, а свиная ножка, подвешенная обвиняемым на радиатор полицейской машины, была конфискована в пользу государства. Но Кристианссону и Кванту пришлось проходить по этому делу в качестве свидетелей, да еще в нерабочее время.

Второй случай кончился не столь благополучно. На сей раз Задница имел при себе триста двадцать крон девяносто эре, разложенных по шестидесяти двум карманам. Подсчет занял целых семь часов, и в довершение несчастья бестолковый судья оправдал Задницу. Он ни черта не смыслил в сконских ругательствах, а потому и не усмотрел ничего оскорбительного в словечках, которыми осыпал их задержанный. Когда Кванту наконец удалось расшифровать название особого транспортного средства для перевозки нечистот, один из членов суда с кислой миной заметил, что истцом выступает Кристианссон, а не полицейская машина, и что суд вообще считает маловероятным, чтобы «плимут» даже и с четырьмя дверцами мог счесть себя оскорбленным, тем более что сравнение его с любым другим видом транспорта вполне правомочно.

Задница, как и Кристианссон и Квант, был родом из Сконе и потому знал, кого и как обложить.

Когда же Квант, не поостерегшись, назвал обвиняемого не Карл Фредерик Густав Юнсон-Кек, а просто Задница, дело было проиграно бесповоротно. Судья снял обвинение как несостоятельное и посоветовал Кванту на будущее не пользоваться в своих показаниях перед высоким судом подозрительными и малоуместными диалектизмами.

И вот теперь все начиналось снова-здорово.

Кристианссон украдкой обернулся по сторонам и ничего не увидел, кроме праздных зевак, застывших в радостном предвкушении бесплатного зрелища.

Чтобы подлить масла в огонь, Задница достал из какого-то кармана еще одну свиную ножку и возопил:

— Прямехонько с бойни, прямехонько с бойни. Последняя воля покойницы — чтобы эта ножка досталась такой же свинье, как она сама. И чтобы вам с ней довелось как можно скорей встретиться на самой большой сковородке в аду.

Голубые глаза Кристианссона как бы давали понять, что все происходящее его ни в коей мере не касается.

— Ножка-то прямо как по мерке, господин комиссар. Но все-таки на нитке не хватает узелка. Этой беде мы сейчас подсобим.

И он сунул в карман другую руку.

Теперь на Кристианссона со всех сторон глядели довольные рожи, а какой-то тип, прячась за спинами (личность его, к сожалению, установить не удалось), громко выкрикнул:

— Вот это здорово! Так им, гадам, и надо!

Сбитый с толку молчанием Кристианссона, Задница вдруг завопил:

— Грязная харя! Крысомор! Хряк вонючий!

Вздох, похожий на стон, прокатился по рядам восторженных слушателей.

Кристианссон протянул руку со свиной ножкой, чтобы схватить противника. Одновременно он в полном отчаянии продумывал возможности отступления. Перед его мысленным взором уже встали тысячи медяков, распиханные по многочисленным карманам.

— Караул! Он вонзил в меня свои когти! — вопил Задница. Вопил с хорошо разыгранным ужасом.

— В меня! В бедного несчастного инвалида! Этот грязный негодяй поднял руку на честного торговца! Только за то, что я оказал ему любезность! Отпусти меня, подлая скотина!

В решающую минуту свиная ножка лишила Кристианссона необходимой свободы действий, и он все равно не сумел бы применить насилие по всем правилам, но Задница предупредил его действия, открыв дверцу машины и плюхнувшись на заднее сиденье прежде, чем сам Кристианссон успел достичь своего малонадежного убежища.

Квант сказал, не поворачивая головы:

— Как это тебя угораздило, Калле! Это же надо быть таким дураком, связаться с Задницей! Эх ты!

Он включил зажигание.

— Господи Боже мой! — не совсем последовательно ответил Кристианссон.

— Куда ехать-то? — злобно спросил Квант.

— Сульнавеген, девяносто восемь, — радостно заверещал арестант.

Задница был парень себе на уме. Он желал, чтобы его доставили в участок на машине. С плохо скрытым торжеством предвкушал он счастливое мгновенье, когда наконец-то займутся подсчетом его наличности.

— В нашем округе мы от него не избавимся, — сказал Квант. — Слишком рискованно.

— Везите меня в участок, — требовал Задница. — Предупредите по радио, что мы скоро будем. Пусть ставят воду на огонь. Я с радостью напьюсь кофейку, пока вы будете считать.

Он демонстративно расправил плечи.

И правильно сделал. Огромное количество медяков забрякало и загромыхало в многочисленных тайниках его одежды.

Обыскивать Задницу и составлять акт надлежало тому или тем полицейским, которые по дурости его задержали; официально такого закона не было, но неписаный соблюдался неукоснительно.

— Спроси, куда он хочет, — сказал Квант.

— Ты ведь уже спрашивал, — меланхолически ответил Кристианссон.

— Ну, задерживал его, положим, не я, — отбрил Квант. — Я его вообще не видел, пока он не влез в машину.

Ничего не видеть и ничего не слышать было одним из основных правил Кванта.

Кристианссон знал только один способ сыграть на человеческих слабостях Задницы. Он побренчал мелочью в кармане.

— Сколько у тебя? — жадно спросил Задница.

Кристианссон извлек из кармана всю сдачу, которую получил с десятки, подсчитал глазами и объявил:

— Шесть пятьдесят, как минимум.

— Взятка! — взвизгнул арестант.

Ни Кристианссон, ни Квант не разбирались в юридических тонкостях. Если бы он предложил им деньги, это означало бы попытку подкупа при исполнении служебных обязанностей. Но сейчас все получалось наоборот.

— Шесть пятьдесят мне мало. Надо, чтоб хватило на бутылку десертного.

Квант достал бумажник и вынул оттуда еще одну десятку. Задница схватил ее немедля.

— А теперь отвезите меня к какой-нибудь забегаловке, — потребовал он.

— Только не здесь, в Сольне, — сказал Квант. — Нельзя же так лезть на рожон.

— Ну, тогда на Сигтюнагатан. Там меня знают, а в парке возле писсуара у меня есть знакомая потаскуха.

— Не можем же мы его высадить прямо перед винной лавкой, — робко запротестовал Квант.

Они миновали почту, Теннстопет и ехали теперь дальше, по Далагатан, в южном направлении.

— Сверну-ка я в парк, — предложил Квант. — Проедем еще немного и выкинем его.

— А за свиные ножки вы так и не заплатили, — сказал Задница.

Бить его они не стали. Уж слишком очевидно было их физическое превосходство, кроме того, они, как правило, не били людей, особенно если к тому не было веских причин.

И наконец, они были не слишком ревностными служаками. Квант докладывал почти обо всем, что сумел увидеть или услышать, но видел и слышал он почему-то на удивление мало. Кристианссон же был лентяем чистой пробы и с умыслом не замечал того, что могло хоть как-то усложнить ему жизнь и создать излишние трудности на службе.

Квант свернул в парк у самого стоматологического. Деревья стояли без листьев, голые и печальные. Квант притормозил у въезда и сказал:

— А ну, Калле, вылазь, я проеду чуть подальше и выставлю его из машины как можно незаметнее. Если увидишь кого-нибудь, кто может накапать, свистни.

В машине, как и обычно, пахло потом, засохшей блевотиной, но все запахи перешибал запах мочи и немытого тела, исходящий от арестанта.

Кристианссон кивнул и послушно вылез. Газеты он оставил на заднем сиденье, а свиную ножку по-прежнему сжимал в правой руке.

Машина быстро скрылась из глаз. Кристианссон вышел на улицу. Поначалу он не заметил никакого беспорядка. Но почему-то он не испытывал обычного флегматического спокойствия и с нетерпением ждал, когда вернется Квант, чтобы обрести прежнюю уверенность под надежным кровом родной машины. А потом так уж и быть: пусть Квант в который раз рассказывает про фригидность своей жены и до конца дежурства срывает на

нем злость. К этому он привык. Собственная жена Кристианссона вполне устраивала, главным образом тем, что играла вместе с ним, а потому он редко о ней говорил.

Квант что-то замешкался. Наверное, не хочет, чтобы его увидели, а может, Задница испугался, что продешевил, и требует добавки.

Перед подъездом стоматологического института Истмена лежала площадь с круглым фонтаном или чем-то в этом роде посередине. На противоположной стороне площади он увидел черный «фольксваген», до того демонстративно поставленный в нарушение всех правил, что даже самый нерадивый полицейский и тот не удержался бы от вмешательства.

Не то, чтобы у Кристианссона созрел какой-то определенный план, просто он почувствовал, что ожидание затягивается, и решил обойти бассейн вокруг. Таким образом можно будет поближе взглянуть на «фольксваген», владелец которого явно вообразил, будто ему дозволено ставить машину, как какой-нибудь важной особе, прямо в сердце шведской столицы. Кстати, один взгляд на неправильно поставленную машину никого ни к чему не обязывает.

Диаметр бассейна был равен примерно четырем метрам, и, когда Кристианссон описал полный круг, ему почудилось, будто он уловил мгновенную вспышку солнечного луча на стекле в одном из верхних этажей здания по ту сторону площади.

Через какую-то долю секунды он услышал короткий, отрывистый щелчок, и в то же мгновенье по его правому колену словно ударило молотком. Он покачнулся и упал навзничь через каменную ограду фонтана, дно которого в эту пору года было покрыто еловыми лапами, полусгнившей листвой и прочим мусором.

Он лежал на спине и слышал свой собственный крик. Потом ему послышалось, как эхо, еще несколько подобных щелчков, но к нему они явно отношения не имели.

В руках он сжимал свиную ножку, и ему так и не удалось найти связь между блеском дула, последовавшим за ним звуком выстрела и, наконец, пулей, которая прошила ему кость под правой коленкой.

XXIV

Гюнвальд Ларссон не успел еще оторвать взгляд от циферблата, когда раздался второй выстрел. И за ним еще четыре по меньшей мере.

Его часы, как и все почти часы в стране, показывали шведское время, другими словами, на пятнадцать градусов восточнее, или, если хотите, на один час раньше Гринвича, а поскольку он содержал свои часы в образцовом порядке и они не уходили за год ни на одну секунду, хронометраж в данном случае можно было счесть абсолютно точным.

Итак, первый выстрел раздался ровно в двенадцать часов десять минут. Остальные четыре, а то и пять были произведены в ближайшие две секунды, точнее, между четвертой и седьмой секундами с начала отсчета. А за начало он принял двенадцать часов десять минут.

Руководимые безошибочным инстинктом и точной оценкой направления и расстояния, Гюнвальд Ларссон и Колльберг в последующие две минуты действовали не сговариваясь, как один человек.

Они вместе бросились к машине — это был красный «ЭМВ»[6] Гюнвальда Ларссона.

Гюнвальд Ларссон включил зажигание, рывком тронул с места и поехал, но не тем путем, которым прибыл сюда, вокруг главного корпуса, а мимо старой котельной и дальше, по узкой извилистой дороге к Далагатан, между родильным отделением больницы и стоматологическим институтом.

Здесь он развернулся на сто восемьдесят градусов влево по мощеной площади перед институтом, притормозил на повороте, отчего машину занесло, и остановил ее чуть под углом между широким крыльцом института и фонтаном.

Еще не открыв дверей, еще не покинув машины, оба увидели, что посреди бассейна на ветках и листьях лежит навзничь полицейский в полной форме. Так же мгновенно оба поняли, что полицейский жив и что поблизости есть и другие люди. Причем трое из них лежат на земле, то ли раненые, то ли убитые, то ли просто изготовясь к стрельбе, а остальные стоят неподвижно и скорей всего на тех местах, где их застали первые выстрелы. Со стороны Ваза-парка подъехал и остановился патрульный «крайслер». За рулем его сидел белокурый полицейский. Он еще на ходу начал открывать левую дверцу.

Гюнвальд Ларссон и Колльберг вышли одновременно — первый через левую дверцу, второй — через правую.

Гюнвальд Ларссон не услышал очередного выстрела. Зато он почувствовал, как его китайская меховая шапка соскочила с головы и упала на ступени и как по корням волос, от правого виска до какой-то точки над ухом словно провели огненной кочергой. Он не успел даже выпрямиться, голову его качнуло в сторону, он услышал еще один выстрел, резкий, пронзительный свист пули, затем сухой щелчок и, достигнув двумя огромными прыжками восьмой ступеньки, прижался к каменной стене в левом углу подъезда, разделенного на три части пилонами. Пуля оцарапала кожу головы. Ранка обильно кровоточила, шевровая куртка погибла. Безвозвратно.

Реакция Колльберга была столь же мгновенной. Он нырнул обратно в машину и ловко перекинулся через спинку на заднее сиденье. Одновременно две пули пробили крышу машины и вонзились в обивку переднего сиденья. Со своего места Колльберг мог видеть Гюнвальда Ларссона, как бы распятого на левой стене и явно раненного. Он понял, что должен выскочить из машины и одолеть крыльцо, и поэтому, почти машинально распахнув ногой правую переднюю дверцу, сам одновременно выпрыгнул через левую заднюю. Один за другим прозвучали три выстрела, все по правой стороне, но к этому времени Колльберг уже успел ухватиться за железный столбик перил, перемахнуть через восемь ступенек, даже не коснувшись их, и ткнуться головой и правым плечом Ларссону под ложечку.

Потом он перевел дыхание, выпрямился и застыл в таком положении, прижавшись к стене, возле Ларссона, который как-то странно всхрипывал то ли от удивления, то ли от недостатка воздуха.

Несколько секунд, пять, а может быть, десять, ничего не происходило. Наступило затишье.

Раненый полицейский все еще лежал в бассейне, а его напарник стоял возле «крайслера» с пистолетом в правой руке и растерянно озирался по сторонам. Возможно, он не видел ни Колльберга, ни Ларссона, да и вообще не понимал, что происходит. Но своего товарища метрах в восьми от себя он наверняка увидел и направился к нему все с тем же растерянным видом, все так же сжимая пистолет.

— Интересно, что здесь делают эти оболтусы? — пробормотал Гюнвальд Ларссон.

Но секунду спустя он уже завопил во весь голос:

— Квант! Стой! Стреляют!

«Хорошо бы знать откуда», — подумал Колльберг.

Выстрела не последовало.

Гюнвальд Ларссон тоже это отметил, потому что не сказал больше ни слова. И ничего не произошло, только белокурый полицейский вздрогнул и поглядел на портик, а потом снова двинулся к фонтану. Скорей всего он просто не смог разглядеть Ларссона и Колльберга в тени портика.

Красный двухэтажный автобус проехал мимо по Далагатан в южном направлении. Кто-то истерически взывал о помощи. Полицейский достиг каменной ограды бассейна, опустился на одно колено и склонился над раненым. На внутренней стороне ограды была устроена вроде

как приступочка, должно быть, для детей, чтобы они могли летом сидеть там и болтать ногами в воде. Когда полицейский положил на приступочку свой пистолет, желая высвободить руки, кожаная куртка сверкнула на солнце. Его широкая спина была обращена теперь вверх к небу, и две пули меньше чем с секундным промежутком поразили ее. Одна угодила в затылок, другая между лопатками.

Курт Квант ничком упал на тело своего коллеги. Он не издал ни звука. Кристианссон увидел выходное отверстие от первой пули как раз между кадыком и пуговицей воротника.

Еще он успел почувствовать тяжесть навалившегося тела и погрузился в забытье от боли, страха и потери крови. Теперь они лежали крест-накрест на еловом лапнике, один без сознания, а другой — мертвый.

— Черт! — выругался Ларссон. — Тысяча чертей!

Колльбергу вдруг почудилось, что все это происходит не на самом деле и не с ним, а с кем-то другим.

А ведь он ждал каких-то событий. И вот что-то произошло, но словно бы в другом измерении, не в том, где жил и действовал он сам.

События меж тем продолжали развертываться. Какая-то человеческая фигура вдруг вступила в магический квадрат площади — мальчик, малыш в зеленой, как мох, куртке, двухцветных джинсах различных оттенков синего и зеленых резиновых сапогах с люминесцентной полоской. Волосы кудрявые, белокурые. Мальчик медленно, нерешительно двинулся к бассейну.

Колльберг почувствовал холодок в спине, инстинктивно готовясь к тому, чтобы выскочить из укрытия и схватить ребенка на руки. Гюнвальд Ларссон понял его состояние, ибо, не отводя глаз от внушающей страх картины, положил крупную окровавленную ладонь на грудь Колльберга и сказал:

— Погоди.

Мальчик стоял перед фонтаном и глядел на скрещенные тела. Потом он сунул в рот большой палец левой руки, правой схватил себя за мочку левого уха и в голос заревел.

Так он стоял, наклонив голову, и слезы текли по его пухлым щекам. Затем он круто повернулся и побежал обратно той же дорогой, которой пришел. По тротуару, по улице. Прочь из мощеного квадрата. Обратно в жизнь.

В него никто не выстрелил.

Гюнвальд Ларссон опять взглянул на свой хронометр.

Двенадцать часов двенадцать минут и двадцать семь секунд.

Он сказал себе самому:

— Две двадцать семь.

И Колльберг подумал о какой-то странной ассоциации: две минуты и двадцать семь секунд. Это вообще-то говоря, небольшой отрезок времени. Но в некоторых случаях он может оказаться большим. Хороший шведский спринтер, как, например, Бьерн Мальмрос, теоретически может за это время четырнадцать раз пробежать стометровку. А это и в самом деле много.

Два полицейских ранены, один наверняка уже мертв. Другой, может быть, тоже.

Гюнвальд Ларссон в пяти миллиметрах от смерти, сам он — в пяти сантиметрах.

Да, еще мальчуган в зеленой курточке.

Тоже немало.

Он поглядел на свои часы.

Те показывали уже двадцать минут.

В некоторых вопросах Колльберг стремился к совершенству, в других — вовсе нет.

Хотя, вообще-то говоря, часы русские, марки «Экзакта»[7], заплатил он за них шестьдесят три кроны. Больше трех лет они ходят очень хорошо, а если заводить их в одно и то же время, они даже не убегают.

Хронометр Гюнвальда Ларссона обошелся в полтораста крон.

Колльберг поднял руки, взглянул на них, сложил рупором и закричал:

— Алло! Алло! Все, кто меня слышит! Здесь опасная зона! Все в укрытие!

Гюнвальд Ларссон повернул голову и поглядел на него. Выражение его голубых глаз трудно было истолковать.

Потом Гюнвальд Ларссон посмотрел на дверь, ведущую в институт. Дверь, разумеется, была заперта, как и положено в субботу. В огромном каменном здании наверняка не было ни души. Он подошел поближе к двери и со всей силой навалился на нее.

И случилось невероятное: дверь открылась. Он вошел в здание, Колльберг за ним. Следующая дверь вообще не была заперта, да и стеклянная к тому же, но он и ее решил высадить.

Посыпались осколки.

Они отыскали телефон.

Гюнвальд Ларссон снял трубку, набрал девятнадцать два нуля — полиция — и сказал:

— Говорит Гюнвальд Ларссон. В доме номер тридцать четыре по Далагатан засел сумасшедший, который стреляет с крыши или верхнего этажа из автомата. Перед истменовским институтом в фонтане лежат два убитых полицейских. Объявите тревогу по всем участкам центральных районов. Перекройте Далагатан и Вестмангатан от Северного вокзала до Карлбергсвеген и Оденгатан от Оденплан до Сант-Эриксплан. И, разумеется, все переулки в этом секторе. Западнее Вестмангатан и южнее Карлбергсвеген. Понятно? Что? Сообщить в высшие инстанции? Конечно, сообщите. Минуточку! Не высылайте по указанному адресу полицейских машин. И никого в форме. Место сбора…

Он опустил трубку и нахмурил лоб.

— Оденплан! — подсказал Колльберг.

— Точно, — подхватил Гюнвальд Ларссон. — Оденплан вполне подходит. Как? Я нахожусь в здании института. Через несколько минут я пойду, попробую его взять.

Он положил трубку и побрел к ближайшему умывальнику. Намочил полотенце и вытер кровь с лица. Намочил второе и обмотал его вокруг головы. Кровь тотчас пропитала и эту повязку.

Потом он расстегнул куртку и пиджак, достал пистолет, который носил на правом бедре, мрачно оглядел его, перевел взгляд на Колльберга.

— А у тебя какая пушка?

Колльберг качнул головой.

— Ах да, — сказал Ларссон, — ты ж у нас пацифист.

Пистолет у него, как и все принадлежавшие ему вещи, был непохож на другие. «Смит и Вессон 38, Мастер» — им он обзавелся, поскольку не одобрял стандартное оружие шведской полиции — 7,65-миллиметровый «Вальтер».

— Знаешь, что я тебе скажу? — спросил Гюнвальд Ларссон. — Я всегда считал тебя форменным идиотом.

Колльберг кивнул. И спросил:

— А ты уже думал о том, что нам предстоит перейти через улицу?

XXV

Домик в Сегельторпе выглядел очень неказисто. Он был маленький, деревянный и, судя по некоторым деталям, был построен как дача не менее пятидесяти лет назад. Первоначальная краска во многих местах сошла, обнажив серые доски, но до сих пор еще можно было догадаться, что когда-то дом был светло-желтый, а оконные рамы — белые. Забор вокруг участка, казавшегося слишком большим по сравнению с домиком, был не так давно выкрашен в розовый цвет, а заодно с ним перила, входная дверь и решетка маленькой веранды.

Домик стоял довольно высоко над проселком, калитка была распахнута настежь, и Рённ по покатой въездной дорожке подъехал вплотную к задней стене.

Мартин Бек тотчас же вылез из машины и сделал несколько глубоких вдохов, оглядываясь в то же время по сторонам. Он не очень хорошо себя чувствовал, как всякий раз, когда ездил на машине.

Участок был запущенный, зарос кустарником. Едва заметная тропинка вела к старым поржавелым солнечным часам, которые выглядели трогательно и как-то неуместно на цементированной подставке, утонувшей в лохматых кустах.

Рённ захлопнул дверцу машины и сказал:

— А я что-то проголодался. Как ты думаешь, мы успеем перекусить, когда управимся здесь?

Мартин Бек взглянул на часы. Уже десять минут первого. В это время Рённ привык завтракать. Сам Мартин Бек легко пропускал трапезы, а занимаясь делом, вообще забывал о еде и первый раз ел по-настоящему поздно вечером.

— Конечно, успеем, — сказал он. — А теперь пошли.

Они обогнули дом, поднялись на крыльцо и постучали в дверь. Человек лет семидесяти тотчас открыл ее.

— Входите, — сказал человек.

Сам он стоял молча и с любопытством глядел, как они снимают пальто в крохотной тесной передней.

— Входите, — повторил он и прижался к стене, пропуская их. На другом конце передней было две двери. Через одну из них, миновав маленький холл, можно было попасть в кухню. Из холла шла лестница — то ли на второй этаж, то ли на чердак. Другая вела в полутемную столовую. Воздух здесь был сырой и затхлый, дневной свет с трудом проникал в комнату сквозь множество высоких, похожих на папоротник растений на окнах.

— Вы сядьте, пожалуйста, — сказал старик. — Жена сейчас придет. Подаст кофе.

Комната была меблирована в деревенском стиле: сосновый диванчик с прямой спинкой и полосатыми подушками, четыре стула того же типа вокруг большого стола с красивой массивной столешницей из полированной сосны. Мартин Бек и Рённ сели на диванчик, каждый в свой угол. В глубине комнаты сквозь неплотно прикрытую дверь они увидели рассохшуюся спинку кровати красного дерева и платяной шкаф с зеркальными медальонами на дверцах. Хозяин притворил дверь, вернулся и сел на стул по другую сторону стола.

Был он худой, сгорбленный, землисто-серая кожа на лице и голой макушке покрыта коричневыми пигментными пятнами. Поверх фланелевой рубашки в черную и серую полоску на нем был жакет домашней вязки.

— Я сразу сказал жене, когда мы услышали машину, что вы очень быстро до нас добрались. Я не был уверен, что правильно объяснил, как к нам ехать.

— Найти было нетрудно, — ответил Рённ.

— Нет, господа, вы полицейские, поэтому вы хорошо ориентируетесь и в городе, и за городом. Оке, пока работал в полиции, тоже очень хорошо изучил город.

Он достал из кармана сплющенную пачку «Джон Сильвер» и предложил гостям. Мартин Бек и Рённ, как по команде, отрицательно покачали головой.

— Вы, господа, наверное, пришли поговорить об Оке, — продолжал хозяин. — Как я уже сказал вам по телефону, я действительно не знаю, когда он уехал, мы с матерью думали, что он спит наверху, но он, должно быть, уехал к себе. Иногда он ночует здесь. Сегодня у него день рождения, вот мы и думали, что он останется и выпьет кофе в постели.

— А машина у него есть? — спросил Рённ.

— Да, «фольксваген». А вот и кофе.

Он встал, когда из кухни вошла жена. В руках она держала поднос и опустила его на стол. Потом вытерла руки о фартук и поздоровалась с посетителями.

— Фру Эриксон, — пробормотала она, когда посетители назвали себя.

Она разлила кофе по чашкам, поднос поставила на пол и села возле мужа, сложив руки на коленях. Оба старика казались примерно одного возраста. У нее были совсем седые волосы, закрученные маленькими тугими локончиками, но на круглом лице почти не было морщин, да и румянец на щеках едва ли был искусственного происхождения. Смотрела она неотрывно на свои руки, а когда внезапно бросила робкий взгляд на Мартина Бека, тот подумал, что она либо чего-то боится, либо вообще стесняется чужих.

— Видите ли, фру Эриксон, мы хотели бы кое-что узнать о вашем сыне, — начал он. — Если я правильно понял вашего супруга, он был у вас вчера вечером. А знаете ли вы, когда он ушел?

Она взглянула на мужа, словно надеялась, что он даст ответ вместо нее, но тот помешивал кофе и молчал.

— Нет, — сказала она неуверенно. — Не знаю. Наверно, когда мы легли.

— А когда вы легли?

Она снова взглянула на мужа.

— Отто, ты не помнишь?

— В половине одиннадцатого. Или в одиннадцать. Обычно мы ложимся раньше, но, раз приехал Оке… Нет, скорей в половине одиннадцатого.

— Значит, вы не слышали, когда он ушел?

— Нет, — ответил хозяин. — А почему вы спрашиваете? С ним что-нибудь случилось?

— Нет, — сказал Мартин Бек. — Нам это, во всяком случае, неизвестно. Скажите, а где же работает ваш сын теперь?

Женщина вновь загляделась на свои руки, и за нее ответил муж:

— Покамест механиком по лифтам. Он уже год как работает механиком.

— А до того где?

— Все помаленьку перепробовал. Работал в фирме, которая делает трубы, таксистом, ночным охранником, а как раз перед лифтами водил грузовик. Пока ходил переучиваться на механика.

— Когда он был у вас вчера вечером, он выглядел как обычно? — спросил Мартин Бек. — О чем вы с ним разговаривали?

Хозяин ответил не сразу, а женщина взяла печенье и начала крошить его на мелкие кусочки прямо в блюдечко. Наконец хозяин ответил:

— Да, пожалуй, как обычно. Разговаривал он мало, но последнее время он вообще мало разговаривал. Он, понятное дело, был огорчен — из-за квартиры, ну и потом эта история с Малин.

— Малин? — переспросил Рённ.

— Ну да, девочка, дочка. У него забрали дочь. А теперь отнимают и квартиру.

— Простите, — перебил Мартин Бек. — Я плохо вас понимаю. Кто забрал у него дочь? Вы ведь говорите про дочь Оке?

— Ну да, про Малин, — ответил старик и похлопал жену по плечу. — Я думал, вы знаете. Патронажное общество забрало у Оке девочку.

— Почему? — спросил Мартин Бек.

— А почему полиция убила его жену?

— Отвечайте на мой вопрос, — сказал Мартин Бек. — Почему у него взяли ребенка?

— Они давно уже пытались, но теперь им наконец удалось добыть бумагу о том, что он не способен воспитывать ребенка. Мы, разумеется, просили, чтобы девочку передали нам, но, по их мнению, мы слишком старые. И квартира у нас плохая.

Женщина взглянула на Мартина Бека, но, встретив ответный взгляд, быстро опустила глаза в чашку. И сказала тихим, но возмущенным голосом:

— Как будто у чужих людей ей будет лучше. У нас, во всяком случае, лучше, чем в городе.

— А раньше вам поручали внучку?

— Да, и не раз. Наверху есть комната, где она живет, когда приезжает к нам. Это бывшая комната Оке.

— У Оке порой была такая работа, что он не мог как следует заниматься девочкой, — продолжал хозяин. — Они заявили, будто он недостаточно стабильный. Уж не знаю, что они этим хотели сказать. Наверное, что он ни на одном месте долго не задерживался. А ведь это не так просто. С каждым днем найти работу все трудней и трудней. Но о Малин он всегда очень заботился.

— Когда это случилось? — спросил Мартин Бек.

— С Малин? Позавчера. Они пришли и увели ее.

— Он очень был возмущен вчера вечером? — спросил Рённ.

— Конечно, хотя говорил он по обыкновению немного. Ну и квартира его тревожила, но ведь мы с нашей маленькой пенсией все равно не в силах ему помочь.

— Он не мог уплатить за квартиру?

— Не мог. Наверное, его хотели выселить. При таких ценах скорей приходится удивляться, что люди вообще могут снимать квартиры.

— А где он живет?

— На Далагатан. В красивом новом доме. Он не мог найти ничего другого, когда снесли дом, в котором он жил прежде. Но тогда он зарабатывал больше и считал, что справится. Впрочем, квартира — это еще не самое страшное, самое страшное — это, разумеется, с дочкой.

— Насчет патронажа я хотел бы узнать поподробнее, — сказал Мартин Бек. — Нельзя же так ни с того ни с сего отобрать ребенка у отца.

— Нельзя?

— Ну, во всяком случае, надо сперва провести некоторые расследования.

— Я тоже так думаю. Тут к нам приходил один, переговорил со мной и с ней, осмотрел дом, расспрашивал нас про Оке. А Оке был мрачный, он стал мрачный с тех пор, как умерла Мария, но это нетрудно понять. А они заявили, что его депрессивное состояние, ну что он такой мрачный, пагубно отражается на психике ребенка, теперь я припоминаю точно, они именно так и выразились, говорить красиво они мастера. И что частая перемена места службы и разные часы работы тоже вредны для ребенка, и что с деньгами у него плохо, он даже за квартиру не может уплатить, а вдобавок у них в доме соседи вроде бы

пожаловались, что он постоянно оставляет девочку одну по ночам и что она у него недоедает и тому подобное.

— Вы знаете кого-нибудь из тех, с кем беседовали представители общества?

— С его нанимателем. По-моему, они постарались связаться со всеми людьми, под началом у которых он когда-либо работал.

— И в полиции тоже?

— Ясное дело. Уж этот-то начальник для них всего важней. Сами понимаете.

— От него был получен не слишком хороший отзыв, верно? — спросил Мартин Бек.

— Да. Оке говорил, будто сразу, едва только комиссия начала копаться в его жизни, примерно с год назад, он написал на него какую-то бумагу, после которой нечего было и надеяться, что ему оставят девочку.

— А вам известно, кто именно писал этот документ? — спросил Мартин Бек.

— Известно. Это был комиссар Нюман, тот самый, который спокойно наблюдал, как умирает жена Оке, и не ударил палец о палец.

Мартин Бек и Рённ обменялись быстрым взглядом.

Фру Эриксон перевела взгляд с мужа на них, не зная, как они отреагируют. Ведь это было как-никак обвинение против их коллеги. Она протянула тарелку с тортом сперва Рённу, который тотчас взял изрядный кусок, потом Мартину Беку, но тот отрицательно покачал головой.

— А вчера вечером ваш сын говорил о Нюмане?

— Он говорил только, что из-за Нюмана у него забрали Малин. А больше ни слова. Он и так-то не слишком разговорчив, наш Оке, но вчера он был еще молчаливее, чем обычно. Верно я говорю, Карин?

— Верно, — поддержала жена и стала подбирать крошки на своей тарелочке.

— А чем он занимался вчера вечером? — спросил Мартин Бек.

— Ну, он пообедал с нами. Потом мы немножко посмотрели телевизор. Потом он поднялся к себе, а мы легли.

Мартин Бек успел заметить, что телефон стоит в передней. Он спросил:

— Он звонил кому-нибудь в течение вечера?

— Почему вы все это спрашиваете? Оке сделал что-нибудь плохое? — сказала женщина.

— Сперва я попросил бы вас ответить на наши вопросы. Итак, он звонил кому-нибудь отсюда вчера вечером?

Чета стариков некоторое время молчала. Потом мужчина ответил:

— Возможно. Я не знаю. Оке имел право пользоваться нашим телефоном когда захочет.

— Значит, вы не слышали, как он говорит по телефону?

— Нет. Мы ведь сидели и смотрели телевизор. Он, помнится, один раз вышел и закрыл за собой дверь, а когда он просто выходит в туалет, он дверей не закрывает. Телефон у нас в гардеробной, и, если телевизор включен, лучше закрывать дверь, когда надо позвонить. Слышим-то мы не больно хорошо, вот и приходится включать телевизор на полную громкость.

— Когда это могло быть? Когда он выходил к телефону?

— Вот уж не скажу. Помню только, что мы смотрели полнометражный фильм, а выходил он на середине. Часов в десять, пожалуй. А зачем вам это нужно?

Мартин Бек ничего не ответил, а Рённ откусил кусок торта и вдруг сказал:

— Ваш сын — очень искусный стрелок, насколько я помню. В полиции он у нас считался среди лучших. Вы не знаете, сейчас у него есть какое-нибудь оружие?

Женщина поглядела на Рённа с каким-то новым выражением, а муж ее гордо выпрямился. Наверно, за последние десять лет родителям не часто приходилось слышать, чтобы их сына кто-нибудь хвалил.

— Да, — ответил муж — Оке получил немало призов. Жаль только, что они не здесь, а у него дома, на Далагатан. А что до оружия…

— Ему бы лучше продать все эти штуки, — сказала женщина. — Они ведь дорого стоят, а у него так туго с деньгами.

— Какое у него оружие, вы не знаете? — спросил Рённ.

— Знаю, — ответил старик. — Это я знаю. Я ведь и сам в молодости неплохо стрелял. Ну, прежде всего, Оке принес домой свое оружие, когда вернулся из ополчения, или гражданской обороны, как это теперь называется. Он честно заслужил офицерский чин, тут он был молодцом, если удобно так говорить о родном сыне.

— Какое у него оружие? — настойчиво повторил Рённ.

— Ну, прежде всего, маузер. Потом у него есть пистолет, он взял золотую медаль за стрельбу из пистолета много лет назад.

— Пистолет какой?

— «Хаммерли интернэшнл». Он мне его показывал. А еще у него есть…

— Что?

Старик замялся.

— Уж и не знаю, на первые два у него есть разрешение, сами понимаете…

— Могу вас заверить, что мы не намерены преследовать вашего сына за незаконное хранение оружия, — сказал Мартин Бек. — Что у него еще есть?

— Американский автомат «Джонсон». Но на этот, вероятно, тоже есть разрешение, потому что с ним он участвовал в соревнованиях.

— Недурной арсенал получается, — пробормотал Мартин Бек.

— Еще что? — спросил Рённ.

— Старый карабин из ополчения. Но карабин плохонький. Стоит у нас в шкафу. Ствол у него поистерся, да и вообще эти карабины плохо стреляют. Остальное оружие, само собой, он здесь не держит.

— Ну, разумеется, остальное он держит дома на Далагатан.

— Да, наверно, — сказал старик. — Конечно, комната наверху так и остается его комнатой, но самые важные вещи он держит у себя на Далагатан. Правда, если ему больше не позволят жить в этой роскошной квартире, он переберется к нам, пока не подыщет другую. Здесь есть только маленькая комната в мезонине.

— Вы не будете возражать, если мы зайдем поглядеть его комнату? — спросил Мартин Бек.

Старик сперва задумался.

— Отчего же, поглядите. Хотя там и глядеть-то особенно нечего.

Женщина встала и стряхнула с юбки крошки печенья.

— Ой, — сказала она, — а я туда нынче и не поднималась. Там, должно быть, беспорядок.

— Ничего страшного, — возразил ей муж. — Я утром заходил посмотреть, спит ли Оке, и все выглядело вполне прилично. Оке у нас аккуратный.

Он отвел глаза и сказал, понизив голос:

— Оке — хороший мальчик. И не его вина, что ему так не повезло. Мы с женой всю жизнь работали и старались по мере сил вырастить его хорошим человеком. Но все

получилось так нескладно — и у него, и у нас. Когда я был молодым и только начинал работать, я еще во что-то верил, а главное, верил, что все будет хорошо. Теперь я состарился и никому не нужен, и ничего из моей жизни не вышло. Знай я заранее, куда мы идем, я бы вообще не заводил детей. Но нас все время обманывали.

— Кто вас обманывал? — спросил Рённ.

— Политики. Правительство. Те, кого мы считали своими. А они оказались сплошные гангстеры.

— А теперь покажите нам комнату, — сказал Мартин Бек.

— Хорошо.

Он первым вышел в холл и поднялся оттуда по скрипучей крутой лестнице. Поднявшись, они уперлись в дверь, и старик открыл ее.

— Вот это комната Оке. Конечно, она выглядела уютнее, когда Оке был мальчиком и жил дома, а потом, когда он женился и уехал отсюда, он забрал с собой почти всю мебель. Теперь он так редко здесь бывает.

Он стоял, придерживая дверь рукой. Мартин Бек и Рённ прошли мимо него в маленькую чердачную комнату. В скошенном потолке было одно окно, вылинявшие цветастые обои покрывали стены. В задней стене была дверь, тоже оклеенная обоями. Дверь, должно быть, вела в какой-нибудь чулан или гардероб. Узкая раскладушка, покрытая шинельным сукном, стояла у стены. С потолка свисала лампа под пожелтелым абажуром с длинной грязной бахромой.

Над кроватью висела под треснувшим стеклом картинка, где была изображена златокудрая девочка. Девочка сидела посреди зеленого луга и держала на коленях барашка. Под кроватью в ногах стоял розовый пластмассовый горшок.

На столе лежал раскрытый журнал и шариковая ручка. Через спинку деревянного стула было переброшено посудное полотенце в белую и красную клетку.

Других предметов в комнате не было.

Мартин Бек взял полотенце. На полотенце были пятна, ткань поистерлась от многочисленных стирок. Мартин Бек подержал его на свет. Пятна были желтые и напоминали жир, которым покрывают паштет из натуральной гусиной печенки. Форма пятен говорила о том, что полотенцем вытирали какое-то лезвие. От желтого жира ткань стала почти прозрачной. Мартин Бек задумчиво помял ее между пальцами, приблизил к носу и понюхал. И в ту самую минуту, когда ему стало ясно, что это за пятна и откуда они взялись, Рённ сказал:

— Глянь-ка, Мартин.

Он стоял перед столом и указывал на развернутый журнал. Мартин Бек наклонился и увидел, что на белых полях, сверху над кроссвордом, что-то написано шариковой ручкой. Девять имен, разделенных на три группы. Почерк был неровный, человек явно не раз останавливался. Взгляд Мартина Бека приковался к первой группе.

СТИГ ОСКАР НЮМАН+

ПАЛЬМОН ХАРАЛЬД ХУЛЬТ+

МАРТИН БЕК+

Он заметил, что среди прочих там есть и Меландер, и главный инспектор, и начальник полиции, и Колльберг тоже есть.

Тогда он повернулся к старику, стоявшему у дверей. Старик держался рукой за дверной косяк и вопросительно глядел на них.

— Где на Далагатан живет ваш сын?

— Дом тридцать четыре. А что?..

— Ступайте к вашей жене, — перебил его Мартин Бек. — Мы тоже сейчас придем.

Старик медленно спустился по лестнице. На нижней ступеньке он с удивлением оглянулся на Мартина Бека, но тот знаком велел ему зайти в столовую, после чего сказал Рённу:

— Позвони Стрёмгрену или кого там найдешь, один черт. Дай им здешний телефон и вели немедленно связаться с Колльбергом в Саббатсберге, чтобы он сейчас же позвонил сюда. Кстати, у тебя есть в машине необходимые причиндалы, чтобы снять отпечатки пальцев?

— Разумеется, — сказал Рённ.

— Вот и хорошо, но сперва позвони.

Рённ спустился в холл к телефону.

Мартин Бек оглядел убогую каморку, затем перевел взгляд на свои часы. Без десяти час. Он услышал, как Рённ тремя прыжками взлетел по лестнице.

Глядя на побелевшие щеки Рённа и неестественно расширенные глаза, Мартин Бек понял, что катастрофа, которую он предчувствовал весь день, уже разразилась.

XXVI

Колльберг и Гюнвальд Ларссон все еще находились на первом этаже института, когда сирены завели свою песню. Сперва примчалась одинокая боевая колесница — по звуку она ехала с Кунгсхольмен через мост Святого Эрика. Затем ее призыв подхватили другие машины в других концах города, теперь вой доносился отовсюду, заполнял воздух, но все же шел откуда-то издалека.

Они находились в центре круга тишины. «Все равно как летним вечером бродишь по лугу, и вокруг того места, куда ты ступил, замолкают кузнечики», — подумалось Колльбергу.

Он уже успел разглядеть Далагатан и установил, что изменений к худшему не произошло, а к лучшему — вполне может быть. Правда, оба полицейских так и лежали на дне фонтана, но других раненых и мертвых на улице не было. Люди, которые были здесь раньше, куда-то исчезли, включая и тех, которые не стояли, а лежали на земле. Оставалось предположить, что они все целы и невредимы.

Гюнвальд Ларссон до сих пор не дал ответа на вопрос, как они переберутся через улицу. Вместо того он глубокомысленно прикусил нижнюю губу и глядел мимо Колльберга, на ряд белых халатов, развешанных вдоль одной стены.

Альтернатива была недвусмысленно проста.

Или напрямик пересечь мощеный квадрат площади, или выбираться через окно в Вазапарк и дальше — задами.

Ни один из способов не представлялся разумным. Первый был чуть ли не равносилен самоубийству, второй потребовал бы слишком много времени.

Колльберг выглянул снова, осторожно, не раздвигая гардин.

Он кивком указал на фонтан с его почти неправдоподобным украшением — земной шар, на шаре ребенок склонился над Скандинавией, и крест-накрест два тела.

Он спросил:

— Ты их обоих знал?

— Да. — ответил Гюнвальд Ларссон. — Радиопатруль из Сольны. Кристианссон и Квант. — И после минутного молчания:

— Как их сюда занесло?

Колльберг в свою очередь задал вопрос более актуальный:

— А почему кто-то решил их застрелить?

— А почему кто-то хотел застрелить нас?

Вопрос был тоже весьма уместный.

Несомненно, кто-то был очень заинтересован в их смерти. Кто-то вооруженный автоматом и уложивший не только двух полицейских в форме, но и сделавший все от него зависящее, чтобы уложить Колльберга и Гюнвальда Ларссона, а в то же время пощадивший всех остальных, хотя недостатка в живых мишенях у него не было.

— Почему?

Ответ напрашивался сам собой. Стрелявший знал Гюнвальда Ларссона и знал Колльберга. Он знал, кто они такие, и сознательно намеревался их убить.

Интересно, а Кристианссона и Кванта он тоже знал? Лично едва ли, но тут сработала форма.

— Должно быть, он недолюбливает полицейских, — пробормотал Колльберг.

— М-м-м, — промычал в ответ Гюнвальд Ларссон.

Он взвесил на ладони свой тяжелый пистолет и спросил:

— Ты не видел, этот гад засел на крыше или в какой-то квартире?

— Не успел рассмотреть.

На улице тем временем нечто произошло. Весьма прозаическое, но тем не менее достойное внимания.

Прибыла карета «скорой помощи». Она остановилась, дала задний ход к фонтану, остановилась снова. Из нее выпрыгнули двое мужчин в белых халатах, они открыли задние дверцы и достали двое носилок. Двигались они проворно и по виду без всякого волнения. Один из них посмотрел на девятиэтажный жилой дом на Далагатан. Но ничего не случилось.

Колльберг хмыкнул.

— Вот именно, — тотчас отозвался Гюнвальд Ларссон. Значит, у нас есть шанс.

— Тоже мне шанс, — сказал Колльберг.

Идея не слишком его вдохновила, но Ларссон уже стащил меховую куртку и пиджак и энергично перетряхивал белые халаты.

— Я, во всяком случае, возьму этот. — изрек он. — Этот больше других.

— Их и всего-то есть три размера.

Гюнвальд Ларссон кивнул, сунул пистолет в кобуру и натянул халат, который сразу затрещал в плечах.

Колльберг покачал головой и взял самый большой из попавшихся на глаза халатов. Халат все равно не сошелся. На животе. По его мнению, оба они здорово смахивали на пару комиков из какого-нибудь немого фильма.

— Может, этот? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Именно, может, — ответил Колльберг.

— Значит, о'кэй?

— О'кэй.

Они спустились по лестнице, пересекли мощеную площадь и прошли вплотную мимо «скорой помощи», где как раз устанавливали первые носилки — с Квантом.

Колльберг взглянул на мертвого. Он узнал его. Он встречал его несколько раз, хотя и редко. Чем-то этот полицейский прославился. Кажется, задержал опасного сексуального маньяка. Или что-то в этом роде.

Ларссон уже дошел до середины улицы. Вид у него был презабавный в халате-недомерке и с белой шапочкой на голове. Оба санитара изумленно воззрились на него.

Щелкнул выстрел.

Колльберг бросился через улицу.

Но на сей раз стреляли не в него.

К востоку вдоль Оденгатан ехал с включенными сиренами черно-белый полицейский автобус. Первый выстрел прозвучал, когда автобус подъехал к Сигтюнгатан, за первым последовала целая серия. Гюнвальд Ларссон сделал несколько шагов, чтобы лучше видеть происходящее. Сперва автобус увеличил скорость, потом начал петлять и крутить. Когда он миновал перекресток Оденгатан и Далагатан и скрылся из виду, выстрелы смолкли. И тотчас послышался зловещий грохот железа.

— Болваны, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Он присоединился к Колльбергу, стоявшему в дверях, распахнул халат, достал свой пистолет и сказал:

— Он на крыше, это ясно, а теперь посмотрим.

— Да, — согласился Колльберг. — Сейчас он был на крыше.

— Это как понимать?

— А так, что раньше его там не было.

— Посмотрим, — повторил Гюнвальд Ларссон.

Дом имел два подъезда, оба с улицы. Они стояли возле северного и потому сперва вошли в него. Лифт не работал: перед ним собралась кучка взволнованных жильцов.

Вид Гюнвальда Ларссона в лопнувшем по швам халате, окровавленной повязке и с пистолетом в руках взбудоражил их. Документы Колльберга остались в куртке, а куртка в свою очередь осталась в доме по ту сторону площади. У Гюнвальда Ларссона, возможно, было при себе какое-то удостоверение личности, но он не торопился его предъявлять.

— С дороги, — отрывисто приказал он.

— Подождите где-нибудь здесь на первом этаже, — предложил Колльберг.

Успокоить людей — трех женщин, ребенка и старика — оказалось не так-то просто. Возможно, они видели из своих окон, что произошло на улице.

— Не волнуйтесь, — сказал Колльберг. — Опасности нет.

Он вдумался в смысл этих слов и беззвучно рассмеялся.

— Конечно, нет, ведь здесь полиция, — бросил Гюнвальд Ларссон через плечо.

Лифт был поднят примерно на высоту седьмого этажа. На лестничной площадке этажом выше дверь шахты была открыта, и они могли заглянуть в глубину. Похоже, что лифт безнадежно испорчен, кто-то с умыслом вывел его из строя, и этим «кто-то» скорей всего был человек на крыше. Следовательно, они получили о нем некоторые дополнительные сведения: он хорошо стреляет — раз, знает их в лицо — два, разбирается в лифтах — три.

«Лучше, чем ничего», — подумал Колльберг.

Лестница упиралась в железную дверь. Дверь была закрыта, заперта и скорее всего забаррикадирована с другой стороны, только неизвестно, чем именно.

Зато они сразу увидели, что обычными средствами ее не откроешь.

Гюнвальд Ларссон нахмурил кустистые белые брови.

— Барабанить нет смысла, — сказал Колльберг. — Все равно не откроем.

— Зато можно выломать дверь в одной из квартир этажом ниже, — перебил Гюнвальд Ларссон, — оттуда вылезти в окно и попробовать забраться на крышу.

— Без лестниц и веревок?

— Вот именно. — сказал Гюнвальд Ларссон. — Ничего, пожалуй, не выйдет.

Поразмыслив несколько секунд, он добавил:

— А чем ты будешь заниматься на крыше? Без оружия?

Колльберг промолчал.

— В другом подъезде наверняка та же картина. — кислым голосом сказал Ларссон.

В другом подъезде и впрямь была та же картина, как выяснилось из показаний суетливого старичка, который назвал себя капитаном в отставке и держал под неусыпным наблюдением кучку собравшихся перед лифтом людей.

— Я считаю, что всем гражданским лицам следует укрыться в подвале, — сказал старичок.

— Отличная мысль, капитан, — поддержал Ларссон.

Впрочем, в голосе его не было бодрости. Запертая железная дверь, открытые двери шахты, безнадежно испорченный лифт. Возможности выбраться на крышу равны нулю.

Гюнвальд Ларссон задумчиво поскреб подбородок рукояткой пистолета.

Колльберг нервически покосился на оружие в его руках. Хороший пистолет, вычищенный, ухоженный, рукоятка из резного ореха. Стоит на предохранителе. И тут Колльбергу впервые пришло в голову, что склонность к ненужной пальбе тоже является одним из отрицательных качеств Гюнвальда Ларссона. Внезапно он спросил:

— Ты стрелял когда-нибудь в человека?

— Нет, а почему ты спрашиваешь?

— Не знаю, просто так.

— Ну, что будем делать?

— Сдается мне, надо вылезать на Оденплан.

— Пожалуй.

— Мы ведь единственные, кто правильно расценивает ситуацию. Во всяком случае, мы более или менее точно представляем себе, что произошло.

Предложение явно не вдохновило Ларссона. Он выдернул волосок из левой ноздри и рассеянно созерцал его.

— Неплохо бы снять этого типа с крыши, — сказал он.

— Только на крышу нам не попасть.

— Верно.

Они снова спустились на нижний этаж. Но в ту минуту, когда они хотели выйти из дома, один за другим прозвучали четыре выстрела.

— В кого это он? — спросил Колльберг.

— В полицейскую машину, — ответил Ларссон. — Упражняется.

Колльберг взглянул на пустую машину и увидел, что обе мигалки и прожектор на крыше пробиты пулями.

Они вышли из дома и, лепясь к стене, завернули за угол на Обсерваториенгатан. Людей поблизости не было.

Они сбросили свои белые халаты прямо на тротуар.

Над ними застрекотал вертолет. Но видеть его они не могли.

Поднялся ветер, пронзительно холодный, несмотря на обманчивое сияние солнца.

— Ты узнал имена верхних жильцов? — спросил Гюнвальд Ларссон.

Колльберг кивнул.

— Наверху есть две квартиры типа студий, но в одной сейчас никто не живет.

— А в другой?

— Какой-то Эриксон. Мужчина с дочерью, кажется.

— Так, так.

Выводы: некто, умеющий хорошо стрелять, владеет автоматом, знает Колльберга и Гюнвальда Ларссона, не любит полицейских, разбирается в лифтах и, возможно, носит фамилию Эриксон.

События разворачивались быстро.

Сирены завывали вблизи и вдали.

— Надо брать его с улицы, — сказал Колльберг.

Ларссон не был в этом убежден.

— Может, и так, — сказал он.

Если на Далагатан и поблизости почти не было людей, то тем больше скопилось их на Оденплан. Треугольная площадь буквально кишела черно-белыми машинами и полицейскими в форме, а эта демонстрация силы, как и следовало ожидать, собрала большую толпу зевак.

Наскоро возведенные заграждения привели уличное движение в хаотический беспорядок, пробки возникали всюду, по всему старому городу, но здесь они выглядели особенно эффектно. Вся Оденгатан была забита стоящими машинами до самой Валхаллавеген, длинная вереница автобусов начала беспорядочно расползаться по площади, а пустые такси, стоявшие здесь с самого начала, никак не улучшали положения. Извозчики покинули свои экипажи и смешались с толпой полицейских и зевак.

Никто ничего не понимал.

А народ все прибывал, прибывал со всех сторон, но больше всего из метро. Множество полицейских на мотоциклах, две пожарные машины и вертолет автоинспекции довершали картину. Там и сям группы полицейских в форме пытались отвоевать для себя в этой толчее хоть минимальное жизненное пространство.

Если бы покойный Нюман сам руководил операцией, ему и то не удалось бы создать более полную неразбериху, поймал себя на мысли Колльберг, когда они вместе с Гюнвальдом Ларссоном пробивались к станции подземки, куда явно перемещался центр полицейской активности.

Они даже встретили по дороге личность, с которой, вероятно, стоило поговорить, а именно Ханссона из пятого. Или, если полностью, Нормана Ханссона, первого помощника комиссара, ветерана в округе Адольфа Фредрика, досконально знавшего участок.

— Это не ты здесь хозяйничаешь? — спросил Колльберг.

— Нет, Боже меня избави.

И Ханссон с ужасом глянул по сторонам.

— А кто тут командует парадом?

— Наверное, не один, а многие, но только что прибыл главный инспектор Мальм. Он там позади, в фургоне.

Они протиснулись к машине.

Мальм был подтянутый, элегантный мужчина лет эдак сорока пяти, с приятной улыбкой и волнистыми волосами. Своей хорошей формой он был, по слухам, обязан верховым прогулкам в Дьюргордене. Его политическая благонадежность была выше подозрений, анкетные данные могли вызвать только восторг, но как работник он оставлял желать лучшего. Находились люди, которые вообще считали его полной бездарью.

— Боже мой, Ларссон, у тебя немыслимый вид.

— Где Бек? — спросил Колльберг.

— Мне не удалось установить с ним контакт. Да и вообще это случай для узких специалистов.

— Каких специалистов?

— Разумеется, для специалистов по охране общественного порядка, — с досадой пояснил Мальм. — Полицеймейстер, как на грех, уехал, а шеф отдела в отпуску. Мне удалось связаться с начальником полиции. Он сейчас в Стоксунде и…

— Отлично, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— В каком смысле? — насторожился Мальм.

— В том, что там его не достанет пуля, — объяснил Гюнвальд Ларссон с невинным видом.

— Как, как? Ну что бы там ни было, а командовать поручили мне. Я вижу, вы прибыли с места преступления. Как вы расцениваете обстановку?

— На крыше сидит псих, вооруженный автоматом, и подстреливает полицейских, — объяснил Гюнвальд Ларссон.

Мальм зачарованно смотрел ему в рот, но продолжения не последовало.

Гюнвальд Ларссон зябко похлопал себя по бокам.

— Он забаррикадировался. — сказал Колльберг. — Соседние крыши все ниже. Кроме того, он время от времени спускается в квартиры верхнего этажа. Мы до сих пор даже мельком его не видели. Словом, подобраться к нему не так просто.

— Ну, есть много способов, — важно проронил Мальм. — Мы располагаем значительными ресурсами.

Колльберг обернулся к Ханссону:

— А что было с автобусом, который обстреляли на Оденгатан?

— Черт бы его побрал! — выругался Ханссон. — Двое раненых, один в руку, другой в ногу. Можно внести предложение?

— Какое еще предложение? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Смотаться отсюда. В какое-нибудь другое место, которое находится в границах оцепления, например на территории газового завода, что возле Торсгатан.

— Где раньше были старые газовые часы? — сказал Колльберг.

— Именно туда. Часы-то уничтожены. На их месте теперь электронный регулировщик.

Колльберг вздохнул. Старые, сложенные из кирпича часы были уникальным сооружением, и многие видные лица участвовали в кампании по их спасению. Разумеется, безрезультатно. Разве какие-то часы могут быть важнее, чем регулировщик?

Колльберг покачал головой. Отчего ему вечно приходят на ум посторонние мысли? Ей-богу, что-то с ним не так.

— А вертолет может там сесть? — спросил Мальм.

— Может.

Мальм бросил быстрый взгляд на Гюнвальда Ларссона и спросил:

— А… пуля туда не может долететь?

— Не может, не может. Если, конечно, у этого черта на крыше нет гранатомета.

Мальм долго молчал. Потом долго разглядывал своих коллег и сказал резким отчетливым голосом:

— Господа! У меня есть идея. Мы поодиночке пробираемся к газовому заводу на Торсгатан. Встреча через… — Он взглянул на часы. — Через десять минут.

XXVII

Когда Мартин Бек попал на Торсгатан, была половина второго, и там уже царил относительный порядок.

Мальм расположился в бывшей сторожке больницы у Западных ворот, а вокруг себя сосредоточил не только значительные материальные ресурсы, но и бóльшую часть тех

полисменов, которые играли в драме первостепенные роли. Даже Хульт и тот был здесь, и Мартин Бек сразу ему сказал:

— А я тебя искал.

— Ты меня? Зачем?

— Теперь это уже не имеет значения. Просто Оке Эриксон вчера вечером звонил Нюманам и назвался твоим именем.

— Оке Эриксон?

— Да.

— Оке Рейнольд Эриксон?

— Да.

— Он и убил Стига Нюмана?

— Похоже на то.

— А теперь он сидит на крыше?

— Очень может быть.

Хульт ничего не ответил, не изменил даже выражения лица, но стиснул свои узловатые красные руки с такой силой, что костяшки пальцев побелели.

Насколько можно судить, человек на крыше не предпринимал никаких новых действий с тех пор, как час тому назад обстрелял патрульную машину.

Хотя дом был тщательно изучен в бинокль, никто не знал даже, жив этот человек или нет. А полиция со своей стороны не сделала еще ни единого выстрела.

— Но сеть раскинута, — сказал Мартин Бек с удовлетворением. Штампованная фраза ни у кого не вызвала улыбки, тем более, что она вполне точно отражала создавшееся положение.

Квартал, в котором находился дом, был нашпигован полицией. Большинство полицейских были вооружены портативными радиоустановками и могли поддерживать связь как друг с другом, так и с командным пунктом — патрульной машиной, стоявшей перед сторожкой. На чердаках в соседних зданиях залегли специалисты по слезоточивому газу, а снайперы притаились во всех точках, имеющих стратегическое значение.

— Таких точек всего две. — сказал Гюнвальд Ларссон. — Крыша издательства «Боньерс» и фонарь над куполом церкви Густава Вазы. Вы думаете, церковные власти позволят вам открывать пальбу с колокольни?

Но его никто не слушал.

План предстоящей операции был продуман до мелочей. Сперва человеку на крыше надо предоставить возможность сдаться добровольно. Если нет — его придется взять силой или в крайнем случае застрелить. При этом никоим образом нельзя рисковать жизнью полицейских. Решающий удар желательно по возможности нанести извне, не вступая с преступником в непосредственный контакт.

Пожарные машины с лестницами поджидали на Обсерваториенгатан и Оденгатан, готовые прийти на помощь, если ситуация того потребует. На них сидели пожарники вперемешку с полицейскими в пожарной форме.

Мартин Бек и Рённ могли помочь делу важными сведениями, то есть сообщить, что Эриксон, если только на крыше сидит именно Эриксон — такая оговорка необходима, — вооружен американским автоматом системы «джонсон» и обыкновенной самозарядной винтовкой армейского образца, и тот и другая скорей всего с оптическим прицелом. Да еще прицельный пистолет «хаммерли».

— «Джонсон автоматик», — сказал Гюнвальд Ларссон. — Черт подери! Хотя он весит меньше семи килограммов и необычайно прост в обращении, это все-таки почти пулемет. Имеет небольшую отдачу и делает сто выстрелов в минуту.

Слушал его только Рённ. Он и сказал задумчиво:

— Ну, ну.

Потом он зевнул. Природа брала свое.

— А своим маузером он способен прищелкнуть вошь на визитной карточке с расстояния шестьсот метров. Дайте ему хорошую видимость плюс немножко удачи, и он может контролировать местность на тысячу метров в окружности.

Колльберг стоял, прислонясь к плану города. Он утвердительно кивнул.

— Представляю, чего он может натворить, если вздумает, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Сам Ларссон вздумал прикинуть некоторые расстояния. С крыши, где окопался Эриксон, до перекрестка Оденгатан и Хеслингегатан — сто пятьдесят метров, до главного корпуса Саббатсберга — двести пятьдесят, до церкви Густава Вазы триста, до издательства «Боньерс» — пятьсот, до первого высотного дома на Хеторгет — тысяча и до Ратуши — тысяча сто.

Мальм прервал его расчеты досадливо и высокомерно.

— Да, да. — сказал он. — Нечего об этом думать.

Однако единственным, кто почти не думал ни о бомбах со слезоточивым газом, ни о вертолете, ни о водяных пушках, ни о портативных радиопередатчиках, был Мартин Бек.

Он стоял в углу молча, поодаль от всех не только из-за клаустрофобии и нелюбви к многолюдным сборищам. Он был погружен в раздумья об Оке Эриксоне и о тех жизненных обстоятельствах, которые поставили Эриксона в это нелепое и безвыходное положение. Может быть, рассудок Эриксона окончательно помутился, может быть, он утратил способность общаться с людьми. А может быть, и нет. И кто-то должен нести ответственность. Не Нюман, поскольку Нюман либо не понимал, что значит для человека ответственность, либо вообще не знал, что существует такое чувство. И, уж конечно, не Мальм, для которого Эриксон просто-напросто опасный маньяк на крыше, маньяк, не имеющий никакого отношения к полиции, если не считать того, что именно полиции надлежит тем или иным способом обезвредить его.

Сам же Мартин Бек все больше и больше понимал Эриксона. И все больше проникался чувством вины, которую он должен искупить тем или иным способом.

Через десять минут человек с крыши подстрелил полицейского, стоявшего на углу Оденгатан и Торсгатан, в пятистах метрах от того окна, из которого был произведен выстрел. Удивительно было даже не то, что этому человеку удалось подстрелить полицейского с такого расстояния, а то, что голые ветви парка не помешали ему попасть в цель.

Так или иначе, выстрел был произведен, пуля угодила полицейскому в плечо, но, поскольку на нем был пуленепробиваемый жилет, рана оказалась несерьезной и, уж во всяком случае, не угрожала жизни.

Эриксон произвел только этот единственный выстрел, может, как своего рода демонстрацию силы, а может, чисто рефлекторно, доказывая всему миру, что он стреляет в полицейских, где бы и когда бы их ни обнаружил.

— А девочку он с собой не взял? — неожиданно спросил Колльберг. — Как заложницу?

Рённ отрицательно качнул головой.

— О девочке позаботились. Она в безопасности.

— В безопасности от родного отца? А разве ей когда-нибудь угрожала опасность в его обществе?

Немного спустя все было подготовлено для решающей атаки.

Мальм придирчиво осмотрел полицейских, которые должны были осуществить захват преступника. Или ликвидацию оного, если таковая окажется необходимой, а судя по обстановке, скорей всего так и будет. Никто не надеялся, что человек на крыше сдастся без сопротивления. Хотя исключать такую возможность полностью тоже не следовало. Случалось, что отчаявшийся вдруг уставал сопротивляться и сдавался превосходящим силам противника.

Это были два молодых полицейских, прекрасно натренированных в ведении ближнего боя и молниеносных атаках.

Мартин Бек тоже вышел поговорить с ними.

Один был рыжий, звали его Ленн Аксельсон. Он улыбался с напускной самоуверенностью, что, в общем, производило приятное впечатление. Второй был посерьезнее, посветлее мастью и точно так же вызывал симпатию. Оба были добровольцами, но по роду службы им приходилось выполнять даже самые тяжелые задачи быстро, четко, а главное, добровольно.

Оба были сдержанные, симпатичные, а их уверенность в успехе почти заражала окружающих. Хорошие, надежные ребята и первоклассной выучки. Таких, как они, в полиции можно по пальцам пересчитать Старательные, храбрые и по уму много выше среднего уровня. Благодаря теоретической и практической выучке они прекрасно понимают, чего от них ждут. Невольно создавалось впечатление, что задача им предстоит очень легкая и все пройдет без сучка без задоринки. Эти парни знали свое дело и были уверены в победе. Аксельсон мило шутил, припомнил к случаю эпизод, когда он молодым стажером неудачно пытался подружиться с Мартином Беком, и сам тому посмеялся. Мартин Бек со своей стороны решительно ничего не мог припомнить, но на всякий случай тоже посмеялся.

Оба полицейских были отлично вооружены, на обоих была под мундиром защитная одежда. Стальные шлемы с плексигласовым забралом, противогазы и как основное оружие — легкие, надежные автоматы. Были у них также гранаты со слезоточивым газом — на всякий случай, а их физическая подготовка гарантировала, что в рукопашном бою им ничего не стоит справиться с таким человеком, как Оке Эриксон.

План нападения казался предельно простым и разумным. Сперва человека на крыше надо забросать дождем патронов и гранат со слезоточивым газом, затем вертолеты, низко пролетая над крышей, высадят полицейских по обе стороны от преступника. Его будут брать с двух сторон, и, если учесть, что он и без того уже будет выведен из строя газом, у него почти нет шансов на спасение.

Один лишь Гюнвальд Ларссон отрицательно отнесся к предложенному плану, однако не мог или не пожелал предложить взамен что-либо приемлемое, если не считать того, что ему казалось предпочтительным подобраться к Эриксону из дома.

— Будет, как я сказал, — изрек Мальм. — Хватит с нас многообразия вариантов и личного героизма. Эти ребята специально натренированы для подобных случаев. У них по меньшей мере девяносто шансов против десяти. А перспектива остаться целым и невредимым составляет почти все сто. И чтоб я больше не слышал никаких обывательских возражений и предложений. Ясно?

— Ясно, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Хайль Гитлер!

Мальм дернулся, словно его прошило электрическим током.

— Это я тебе припомню, — сказал он. — Можешь не сомневаться.

Даже остальные поглядели на Ларссона с укоризной, а Рённ, стоявший ближе всех, вполголоса сказал:

— Ну и глупость ты сморозил, Гюнвальд!

— Ты так думаешь? — сухо спросил Ларссон.

И вот спокойно и методично приступили к решающей операции. Машина с мегафоном проехала через территорию больницы почти в пределах видимости для человека на крыше. Не совсем, а именно почти. Повернулся рупор, и громовой голос Мальма обрушился на осажденный дом. Он сказал слово в слово то, чего и следовало от него ожидать:

— Алло, алло! Говорит главный инспектор Мальм. Я вас не знаю, господин Эриксон, а вы не знаете меня. Но даю вам слово профессионала, что для вас игра закончена. Вы окружены со всех сторон, а наши ресурсы неисчерпаемы. Однако мы не хотим применять насилие в большей мере, чем того требуют обстоятельства, особенно при мысли о невинных женщинах, детях и других гражданских лицах, которые находятся в опасной зоне. Вы натворили уже достаточно бед, господин Эриксон, даже более чем достаточно. Даю вам десять минут для добровольной сдачи. Как человек чести. Я призываю вас: ради себя самого проявите понимание и примите наши условия.

Звучало здорово.

Но ответа не последовало. Ни слов, ни выстрела.

— Не исключено, что он опередил события, — сказал Мальм Мартину Беку.

Да, очевидно, речь была недостаточно убедительной.

Ровно через десять минут в воздух взмыли вертолеты.

Они описывали огромные круги сперва на большой высоте, потом устремились к крыше с двумя квартирами-студиями и балконами.

Одновременно со всех сторон начали забрасывать крышу и верхние квартиры гранатами со слезоточивым газом. Часть из них, пробив окна, залетела в квартиры, но большинство упало на крышу и балкончики.

Гюнвальд Ларссон занимал, пожалуй, самую выгодную позицию для того, чтобы наблюдать за всеми перипетиями. Он поднялся на крышу издательства «Боньерс» и спрятался за парапетом. Когда начали разрываться слезоточивые бомбы и ядовитые облака дыма расползлись по крыше, он выпрямился и поднес к глазам полевой бинокль.

Вертолеты безукоризненно осуществляли операцию «Клещи». Один шел несколько впереди второго, как и было задумано.

Машина зависла над южной частью крыши, откинулся плексигласовый козырек, и оттуда начали спускать десантника. Это был рыжеволосый Аксельсон, и выглядел он в своих доспехах и с автоматом в руках просто устрашающе. Газовые гранаты торчали у него за поясом.

За полметра до крыши он поднял с лица забрало и принялся натягивать противогаз. Он спускался все ниже и ниже и держал автомат наизготовку, уперев приклад в локтевой сгиб правой руки.

Сейчас, по всем расчетам, Эриксон, если только это он, должен был, шатаясь, выйти из газового облака и бросить оружие.

Когда между ногами рыжего симпатичного Аксельсона и крышей оставалось двадцать сантиметров, прозвучал одинокий выстрел.

Несмотря на значительное расстояние, Гюнвальд Ларссон мог разглядеть все в подробностях. Он видел, как тело дернулось и обмякло, видел даже пулевое отверстие между глазами.

Вертолет взмыл кверху, несколько секунд висел неподвижно, потом улетел — он летел над крышей, над больницей с мертвым полицейским, раскачивающимся на стропах. Автомат так и висел на ремнях, а ноги и руки мертвого бессильно болтались на ветру.

Противогаз он так и не натянул до конца.

Гюнвальду Ларссону первый раз за все время удалось мельком увидеть человека на крыше. Длинная фигура в плаще быстро переменила место подле трубы. Оружия Ларссон увидеть не мог, но зато увидел, что на человеке противогаз.

Второй вертолет, осуществляющий часть операции «Клещи» с севера, некоторое время повисел над крышей, подняв плексигласовый козырек. Десантник номер два изготовился к прыжку. И тут протарахтела пулеметная очередь. Человек на крыше явно взялся за свой «джонсон» и сделал меньше чем за минуту добрую сотню выстрелов. Его самого не было видно, но расстояние было таким ничтожным, что каждый выстрел неминуемо должен был поразить цель.

Вертолет полетел прочь в сторону Ваза-парка, качаясь и теряя высоту. Над крышей истменовского института он прошел буквально в нескольких сантиметрах, снова пытался выровняться, уже неуправляемый, еще какое-то время двигался горизонтально, потом с грохотом рухнул посреди парка и остался лежать на боку, как подстреленная ворона.

Первый вертолет вернулся к исходной точке с телом мертвого полицейского на стропах. Он приземлился на территории газового завода. Тело Аксельсона ударилось о землю, и вертолет протащил его еще несколько метров по земле.

Мотор смолк.

Тут в игру вмешалась бессмысленная жажда мести. Сотни всевозможных видов оружия открыли огонь по крепости на Далагатан. Никто из стрелков не знал, куда стреляет, и ни одна из пуль не попала в цель.

Только с церкви Густава Вазы и с крыши издательства «Боньерс» не стрелял никто.

Через несколько минут огонь начал ослабевать и наконец смолк.

Трудно было рассчитывать, что хоть одна пуля попадет в Эриксона (если считать, что это был он).

XXVIII

Ставка главнокомандующего была на редкость уютным деревянным домиком желтого цвета с черной плоской крышей, открытой лоджией и высоким дымоуловителем над трубой.

Даже спустя двадцать минут после неудавшейся высадки десанта большинство собравшихся еще не оправилось от шока.

— Он сбил вертолет, — задумчиво изрек Мальм, вероятно, уже в десятый раз.

— А, значит, до тебя тоже дошло, — сказал Гюнвальд Ларссон, только что вернувшийся со своего наблюдательного пункта.

— Я потребую прислать войска, — сказал Мальм.

— Да? — удивился Колльберг.

— Да, — ответил Мальм. — Это единственная возможность.

«Ну ясно, единственная возможность, не потеряв окончательно лицо, переложить ответственность на других, — подумал Колльберг. — Чем тут помогут войска?»

— Чем тут помогут войска? — спросил Мартин Бек.

— Пусть разбомбят дом, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Подвергнут весь квадрат артиллерийскому обстрелу. Или…

Мартин Бек поднял на него глаза:

— Что или?

— Сбросят парашютный десант. Не обязательно даже людей. Можно спустить на парашютах дюжину полицейских собак.

— Совершенно неуместные шутки, — сказал Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон промолчал. Зато неожиданно подал голос Рённ, который Бог весть из каких соображений именно сейчас углубился в свои записи.

— А Эриксону как раз сегодня исполнилось тридцать шесть лет.

— Более чем странный способ отмечать день рождения, — отозвался Ларссон. — Постойте-ка, а если выстроить на улице полицейский оркестр, и пусть они сыграют «С днем рожденья поздравляем». Ему, пожалуй, будет приятно. А потом спустим на крышу отравленный торт с тридцатью шестью свечками.

— Заткнись, Гюнвальд, — сказал Мартин Бек.

— Мы ведь еще не пускали в ход пожарников, — пробормотал Мальм.

— Верно, — подтвердил Колльберг. — Но жену Эриксона убили не пожарники. А у него дьявольски острый глаз, и в ту минуту, когда он среди пожарников увидит переодетых полицейских…

Колльберг смолк.

А Мальм спросил:

— При чем тут жена Эриксона?

— А при том.

— А, ты про эту старую историю, — сказал Мальм. — Но ты подал мне мысль. Возможно, кто-нибудь из родственников мог бы уговорить его. Невеста, к примеру.

— Нет у него невесты, — сказал Рённ.

— Все равно. Тогда, может быть, дочь? Или родители?

Колльберг передернулся. С каждой минутой в нем крепла уверенность, что все свои профессиональные познания Мальм почерпнул из кинофильмов.

Мальм встал и пошел к машинам.

Колльберг долго, испытующе глядел на Мартина Бека. Но тот не встретился с ним взглядом, и вид у него, когда он стоял, прислонясь к стене, был неприступный и озабоченный.

Впрочем, обстановка и не располагала к чрезмерному оптимизму.

Уже есть трое убитых — Нюман, Квант, Аксельсон, а после падения вертолета число их возросло до семи. Мрачный баланс. Колльберг не успел по-настоящему испугаться, когда ему грозила смертельная опасность перед зданием стоматологического института, но теперь ему было страшно. Отчасти потому, что очередная неосторожность могла стоить жизни еще нескольким полицейским, но прежде всего потому, что Эриксон мог внезапно отказаться от первоначального замысла стрелять только в полицейских. В этом втором случае нельзя даже представить себе размеры катастрофы. Слишком много людей находится в пределах досягаемости — на территории больницы и в жилых домах на Оденгатан. Но что же делать? Раз время не терпит, остается только одна возможность — штурмовать крышу тем или иным путем. А чего это будет стоить?

Колльберга занимал вопрос, о чем может думать Мартин Бек. Он не привык томиться неизвестностью по этому поводу, его это раздражало. Но недолго, ибо в дверях появился Мальм, и в ту же секунду Мартин Бек поднял голову и сказал:

— Это задача для одного человека.

— Для кого же?

— Для меня.

— Не могу допустить, — решительно отрубил Мальм.

— Ты уж извини, но такие вопросы я решаю сам.

— Минуточку! — вмешался Колльберг. — На чем основано твое решение? Технические соображения? Или чисто моральные?

Мартин Бек взглянул на него и ничего не ответил.

Но для Колльберга и одного взгляда было достаточно. Значит, и то и другое.

А уж раз Мартин Бек принял такое решение, не Колльбергу с ним спорить. Для этого они слишком хорошо и слишком долго знают друг друга.

— Как ты намерен действовать? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Зайду в одну из квартир этажом ниже, потом вылезу через окно, что выходит во двор. Ну то, что как раз под северным балконом. И взберусь на этот балкон по складной лестнице.

— Может получиться, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— А где ты думаешь найти Эриксона? — спросил Колльберг.

— На верхней крыше со стороны улицы над северной студией.

Колльберг собрал лоб в глубокие морщины и замер, прижав большим пальцем левой руки верхнюю губу.

— Едва ли он там окажется, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Есть только один шанс достать его. Шанс для хорошего стрелка.

— Постой-ка, — перебил Колльберг. — Если я правильно себе представляю, обе квартиры-студии лежат как два ящика на собственно крыше. Обе — на несколько метров отступя от улицы. Крыша у них плоская, но от нее к краю идет скошенная стеклянная стена, отчего тут получается как бы впадина.

Мартин Бек взглянул на него.

— Да, да, — продолжал Колльберг, — и мне кажется, что именно оттуда Эриксон стрелял по машине на Оденгатан.

— И при этом сам ничем не рисковал, — вмешался Гюнвальд Ларссон. — А ведь хороший снайпер на крыше «Боньерса» или на колокольне… Хотя нет, с «Боньерса» ничего не получится.

— А вот про колокольню он не подумал. — сказал Колльберг. — Да там и нет никого.

— Никого, — повторил Ларссон. — И очень глупо.

— О'кэй, но, чтобы заманить его на крышу студии, надо каким-то образом привлечь его внимание.

Колльберг снова погрузился в раздумье. Остальные молчали.

— Этот дом немного отступает от красной линии, — сказал он. — Примерно метра на два. Я считаю, что, если затеять что-нибудь в углу, образованном стенами домов, или где-нибудь рядышком, ему, может, придется влезть на крышу студии, чтобы последить, чего это тут делают. Перевешиваться через парапет он едва ли станет. Но если взять пожарную машину…

— Я не хотел бы вмешивать в это дело пожарников, — сказал Мартин Бек.

— Мы можем привлечь тех полицейских, которые уже оделись пожарниками. Если они будут жаться к стене, ему в них все равно не попасть.

— Если у него нет при себе ручных гранат, — брюзгливо добавил Гюнвальд Ларссон.

— А что они будут делать там, в углу? — спросил Мартин Бек.

— Просто ковыряться. — сказал Колльберг. — Больше ничего и не нужно. Это я могу взять на себя. Но чтоб с твоей стороны ни звука.

Мартин Бек кивнул.

— Вот так, — сказал Колльберг. — Значит, договорились?

Мальм все время с удивлением глядел на Мартина Бека и наконец спросил:

— Это следует рассматривать как добровольный почин?

— Да.

— Должен признаться, что я тобой восхищаюсь, — продолжал Мальм. — Но понимать тебя, по совести говоря, не понимаю.

Мартин Бек ничего не ответил.

Через пятнадцать минут он отправился к крепости на Далагатан. Он старался держаться поближе к стенам домов. Рукой он прижимал к боку складную алюминиевую лесенку.

Одновременно пожарная машина с включенными сиренами выехала из-за угла Обсерваториенгатан.

Под пиджаком у Мартина Бека был спрятан коротковолновик, а 7,65-миллиметровый «вальтер» упирался дулом под мышку. Он отмахнулся от полицейских в штатском, которые вылезли навстречу ему из котельной, и начал медленно подниматься.

Наверху он открыл дверь студии универсальной отмычкой, которую добыл для него Коллъберг, и оставил в холле верхнее платье и куртку.

По профессиональной привычке огляделся — уютная, со вкусом обставленная квартира — и подумал, что интересно бы узнать, кто здесь живет.

Вой пожарных сирен не умолкал ни на минуту.

Мартин Бек чувствовал себя вполне спокойно и уверенно. Он открыл окно, выходящее во двор, и сориентировался. Он находился как раз под северным балконом. Он собрал лестницу, выставил ее наружу и зацепил за перила балкона, примерно в трех с половиной метрах над окном.

Затем он слез с подоконника, вернулся в квартиру и настроил приемник. Рённ отозвался тотчас же.

Со своего поста, позади больничной территории, на крыше двадцатиэтажного дома «Боньерса» Эйнар Рённ вел наблюдение за расположенным на пятьсот метров юго-западнее домом 34 по Далагатан. Глаза у него слезились от резкого ветра, но объект наблюдения был виден вполне отчетливо — крыша над северной студией.

— Ничего, — сказал он в приемник. — Пока ничего.

Он услышал вой пожарной машины, и вслед за тем какая-то тень скользнула по узкой, освещенной солнцем полоске крыши.

Он поднес микрофон к губам и сказал обычным голосом:

— Да. Вот он. Вижу. На этой стороне. Лежит на крыше.

Через двадцать пять секунд сирены умолкли. Рённ, удаленный от Далагатан на полкилометра, не отметил сколько-нибудь серьезных изменений. Но уже мгновенье спустя он увидел вдали тень на крыше, увидел встающую фигуру и сказал:

— Мартин! Давай!

Вот теперь голос у него был хриплый от волнения. Ответа не последовало.

Будь Рённ метким стрелком — а он таковым не был — да будь у него вдобавок винтовка с оптическим прицелом — а таковой у него тоже не было, — он, пожалуй, мог бы попасть в фигуру на крыше. Да, и еще если бы он рискнул выстрелить, что тоже очень сомнительно. Ибо фигура на крыше вполне могла оказаться Мартином Беком.

Для Эйнара Рённа не имело большого значения, что у пожарной машины перегорел предохранитель и смолкла сирена.

Для Мартина Бека это значило все.

Едва получив сигнал от Рённа, он оставил радио, метнулся к окну и стремительно взобрался на балкон. Прямо перед собой он увидел глухую заднюю стену студии с узкой ржавой лестницей.

Когда смолк защитный звук сирены, он уже карабкался наверх, сжимая пистолет в правой руке.

После страшного, рвущего уши воя тишина вокруг казалась полной.

Дуло пистолета чуть слышно звякнуло о правый стояк лестницы.

Мартин Бек достиг крыши. Его голова и плечи уже поднялись над ее краем.

На крыше в двух метрах от него стоял Оке Эриксон, широко расставив ноги и нацелив дуло пистолета ему в грудь.

Мартин Бек же все еще держал свой «вальтер» под углом кверху и слегка в сторону, не успев придать ему нужное направление.

Что он успел подумать?

Что уже слишком поздно.

Что Эриксон ему запомнился куда лучше, чем можно было ожидать: белокурые усы, зачесанные назад волосы с косым пробором. Противогаз на затылке.

Вот что он успел увидеть.

И еще странной формы пистолет «хаммерли» с массивным прикладом и синий блеск стали в вороненом дуле четырехгранного ствола.

Из дула таращился на него черный глаз смерти.

Это он где-то вычитал.

А главное, было уже слишком поздно.

Эриксон выстрелил. Тысячную долю секунды Мартин Бек видел его голубые глаза.

И вспышку выстрела.

Пуля ударила в середину груди. Как тяжелый молот.

XXIX

Балкон был размером примерно два на три. Узкая и ржавая железная лестница крепилась болтами к желтой задней стене и вела на черную крышу студии. А в каждой из боковых стен балкона было по запертой двери. Высокая ограда со стороны двора состояла из толстых пластин матового стекла, а поверх ограды шла толстая балка. На полу балкона, выложенном глазурованной плиткой, стояла складная подставка для выколачивания ковров из оцинкованных железных палок.

Мартин Бек лежал на спине на этой подставке. Голова у него откинулась назад, на толстую трубу, составляющую основу конструкции.

Он медленно пришел в себя, поднял веки и глянул в ясное голубое небо. Все поплыло перед его глазами, и он снова их закрыл.

Он вспомнил или, точнее сказать, вновь ощутил грозный толчок в грудь, вспомнил свое падение, но совсем не мог припомнить, каким образом очутился на земле. Неужели он упал во двор? С крыши девятиэтажного дома? Разве после такого падения человек может уцелеть?

Мартин Бек пытался поднять голову, чтобы оглядеться по сторонам, но от физического напряжения его пронзила такая боль, что он снова на несколько секунд потерял сознание. Больше он не повторял попытки, а огляделся как мог, не двигая головой, из-под полуопущенных век. Он увидел лестницу, черный край плоской крыши и понял, что упал от силы метра на два вниз. Он прикрыл глаза. Потом попытался по очереди приподнять каждую руку и ногу. Но от малейшего усилия его пронизывала все та же острая боль. Он понял, что хоть одна пуля наверняка угодила ему в грудь, и удивился, что до сих пор не умер. С другой стороны, не возникало у него и то ощущение счастья, которое в аналогичных ситуациях испытывают герои книг. Впрочем, страха он тоже не испытывал.

Он думал, сколько времени прошло с тех пор, как в него попала первая пуля, и попадали ли в него другие пули с тех пор, как он потерял сознание. На крыше ли Эриксон? Выстрелов вроде бы не слышно.

Мартин Бек успел увидеть его лицо — лицо старца и в то же время детское. Возможно ли такое сочетание? А глаза — безумные от страха, ненависти, отчаяния или, может быть, просто лишенные всякого выражения.

Бог весть с чего Мартин Бек вообразил, что он понимает этого человека и что и на нем лежит часть вины, а потому он должен прийти на помощь, но человек на крыше уже находился вне пределов человеческой помощи. В какое-то мгновение за последние сутки он совершил решающий шаг через границу, шаг в безумие, в мир, где нет ничего, кроме ненависти, насилия и мести.

«Вот я лежу здесь и, может быть, умираю, — подумал Мартин Бек, — но какую вину я искуплю своей смертью? Никакой».

Он испугался собственных мыслей, и вдруг ему показалось, будто он уже целую вечность лежит здесь без движения. А что, если человек на крыше убит или арестован, если все кончено, а его забыли, оставили умирать в одиночестве на этом балконе?

Мартин Бек пытался закричать, но из груди его вырвались лишь булькающие звуки, и он ощутил во рту привкус крови.

Теперь он лежал тихо и гадал, откуда взялся могучий рокот, звучащий в его ушах. Рокот походил на шум ветра в вершинах деревьев, на рев морского прибоя, а может быть, его издавал работающий поблизости кондиционер?

Мартин Бек почувствовал, что погружается в мягкую, безмолвную тьму, где рокот смолкнет, и не стал противиться. Снова возник рокот и фосфорическое мерцание на кроваво-красном фоне под закрытыми веками, и, прежде чем снова погрузиться во тьму, он понял, что этот рокот звучит в нем самом.

Сознание уходило и возвращалось, уходило и возвращалось, словно его качали ленивые мягкие волны, в мозгу проплывали видения и обрывки мыслей, которых Мартин Бек уже не мог удержать. Он слышал бормотание, отдаленные звуки и голоса в наплывающем рокоте, но все это не имело больше к нему никакого отношения.

Он рухнул в громыхающий колодец мрака.

XXX

Колльберг нервно барабанил костяшками пальцев по своему коротковолновику.

— Что случилось?

В аппарате послышался треск, но больше ни звука.

— Что случилось? — опять закричал он.

Широко шагая, к нему подошел Гюнвальд Ларссон.

— С пожарной машиной? Короткое замыкание.

— Да при чем тут пожарная? Что с Беком? Алло! Алло! Слушаю!

Небольшой треск, пожалуй, чуть сильней, чем первый раз, после чего голос Рённа тягуче и неуверенно спросил:

— В чем дело?

— Да не знаю я! — закричал Колльберг. — Что ты видишь?

— Теперь ничего.

— А раньше?

— Трудно сказать. По-моему, я видел Эриксона. Он подошел к краю, и тогда я подал Мартину сигнал. А потом…

— Ну, — нетерпеливо подгонял его Лолльберг. — Говори же.

— Потом сирена смолкла, а Эриксон после этого поднялся на ноги. Во всяком случае, мне так кажется. Он стоял во весь рост спиной ко мне.

— А Мартина ты видел?

— Нет, ни разу.

— А теперь?

— Теперь вообще ничего не вижу. Теперь там никого нет.

— Черт возьми, — выругался Колльберг и уронил руку с радиопередатчиком.

Гюнвальд Ларссон сердито хмыкнул.

Они стояли на Обсерваториенгатан, возле поворота на Далагатан и менее чем в ста метрах от дома. Мальм тоже был здесь, и еще довольно много народу.

Подошел пожарник и спросил:

— Машине с лестницей оставаться на прежнем месте?

Мальм поглядел на Колльберга, потом на Гюнвальда Ларссона. Теперь он уже не рвался командовать, как вначале.

— Не надо, — ответил Колльберг. — Пусть едет назад. Не стоит ребятам без надобности маячить у него на глазах.

— Ну, — сказал Ларссон, — сдается мне, что Мартин загремел.

— Да. — глухо откликнулся Колльберг. — Похоже, что так.

— Минуточку. — вмешался кто-то. — Послушайте-ка.

Это был Норман Хансон. Он что-то сказал в свой микрофон, потом обратился к Колльбергу.

— Я только что поймал наблюдателя на колокольне. Ему кажется, что он видит Бека.

— Видит? Где?

— Лежит на северном балконе со стороны двора.

Хансон серьезно поглядел на Колльберга и добавил:

— Похоже, что он ранен.

— Ранен? А он шевелится?

— Сейчас нет. Но наблюдатель считает, что несколько минут назад он шевелился.

Сообщение могло оказаться справедливым. Ведь с крыши «Боньерса» Рённу не видна дворовая сторона. А церковь расположена севернее дома, да вдобавок ближе на двести метров.

— Надо вынести его оттуда, — пробормотал Колльберг.

— Да и вообще пора кончать эту волынку, — мрачно сказал Гюнвальд Ларссон.

Через несколько секунд он добавил:

— В конце концов, только дурак мог полезть туда в одиночку. Только дурак.

— Молчим в глаза и говорим пакости за глаза, — подытожил Колльберг. — Знаешь, Ларссон, как это называется?

Гюнвальд Ларссон долго глядел на него. Потом резко сказал:

— Что ты хочешь — это безумный город в потерявшей рассудок стране. А на крыше перед нами сидит несчастный маньяк, и нам предстоит теперь снять его оттуда.

— В общих чертах верно, — сказал Колльберг.

— Сам знаю.

— Господи Боже мой, нашли о чем разговаривать, — нервничал Мальм.

Ни тот, ни другой даже не взглянули на него.

— О'кэй, — сказал Гюнвальд Ларссон, — ты пойдешь выручать своего дружка Бека, а я займусь остальным.

Колльберг кивнул.

Он пошел было к пожарникам, но на полдороге остановился и сказал:

— Знаешь, как я расцениваю твои шансы вернуться с крыши живым и невредимым? При твоем методе?

— Могу догадаться, — ответил Ларссон.

Потом он посмотрел на окружающих его людей и громко объявил:

— Я собираюсь взорвать дверь и штурмовать крышу изнутри. Мне нужен еще один человек. Максимум два.

Четверо или пятеро молодых полицейских и один пожарник тотчас подняли руки, потом еще один голос за его спиной сказал:

— Можно мне?

— Боюсь, вы меня не поняли, — продолжал Гюнвальд Ларссон. — Мне не нужен помощник, который считает, что это его долг, не нужен и такой, который воображает себя героем и хочет отличиться. Возможность угодить под пулю здесь гораздо больше, чем вы подозреваете.

— К чему ты клонишь? — недоумевал Мальм. — И кого ты тогда хочешь взять?

— Вопрос может идти только о таких людях, которые действительно готовы подставить себя под пулю. Которых это забавляет.

— Возьми меня.

Гюнвальд Ларссон оглянулся на говорившего.

— Ах, это ты, — сказал он. — Хульт. Вот здорово. Значит, ты.

— Эй! — окликнул его какой-то человек с тротуара. — Я бы тоже не прочь.

Видный белокурый мужчина лет тридцати, одетый в джинсы и ношеную куртку.

— Вы кто такой?

— Моя фамилия Болин.

— А вы вообще-то из полиции?

— Нет, я строительный рабочий.

— Как вы сюда попали?

— Я здесь живу.

Гюнвальд Ларссон испытующе оглядел его. Потом он сказал:

— Идите сюда. Дайте ему пистолет.

Норман Ханссон тотчас извлек свое оружие, которое почему-то носил в кармане пальто, но Болин отказался.

— А свое можно? Я его в минуточку принесу.

Гюнвальд Ларссон кивнул, Болин убежал, а Мальм заметил:

— Вообще-то это противозаконно. И даже… ошибочно.

— Точно, — откликнулся Гюнвальд Ларссон. — Здесь много ошибочного. И главная ошибка в том, что есть люди, которые готовы дать первому встречному свое личное оружие.

Болин обернулся скорей чем за минуту и принес свой пистолет. Кольт «хантсмен», калибр двадцать два, с длинным стволом и десятизарядным магазином.

— Ну а теперь за дело, — сказал Гюнвальд Ларссон.

Он глянул вслед Колльбергу, который уже сворачивал за угол, надев на руку длинный моток веревки.

— Сперва пустим Колльберга, пусть унесет Бека, — продолжал он. — А ты, Ханссон, подыщи несколько человек, которые умеют взрывать двери.

Ханссон кивнул и ушел.

Через некоторое время Ларссон сказал:

— О'кэй.

Он тоже завернул за угол, сопровождаемый своими помощниками. Когда они подошли к дому, он сказал:

— Вы возьмите на себя южную лестницу, а я северную. Когда подожжете бикфордов шнур, спуститесь по меньшей мере на один марш ниже. Лучше бы на два. Справишься, Хульт?

— Да.

— Хорошо. И еще одно: если кто-то из вас убьет человека на крыше, ему придется впоследствии нести за это ответственность.

— Даже если убьет в целях самозащиты? — спросил Хульт.

— Вот именно. Даже в целях самозащиты. А теперь сверим наши часы.

Леннарт Колльберг взялся за ручку двери. Квартира была заперта, но он прихватил с собой универсальную отмычку и в два счета справился с замком. Проходя через квартиру, он успел заметить в холле верхнее платье Мартина Бека и приемник на столе в комнате. Увидел он тотчас и открытое окно, и нижнюю часть алюминиевой лестницы за окном. Лесенка выглядела хрупкой и ненадежной, а он успел прибавить несколько килограммов с тех пор, как последний раз пользовался такой. Но ему было известно, что теоретически она рассчитана на еще больший вес. И потому он без колебаний вспрыгнул на подоконник.

Он удостоверился, что оба мотка веревки, повешенных через плечо крест-накрест, не помешают подъему и не зацепятся за лесенку, после чего медленно и осторожно полез на балкон.

Все последующее время, пока Рённ докладывал по радио о том, что ему видно в бинокль, Леннарт Колльберг доказывал себе, что вполне могло произойти самое худшее и что он, Колльберг, вполне к этому готов. Но когда он выпрямился, собираясь перелезть через перила, и увидел на полу в одном метре от себя неподвижного и окровавленного Мартина Бека, у него потемнело в глазах.

Он перебросил ноги через перилла и склонился над изжелта-бледным, обращенным кверху лицом друга.

— Мартин, — хрипло шепнул он. — Какого черта… Ну Мартин же…

И в это мгновенье он заметил, как у Мартина Бека на шее дрогнула жилка. Колльберг осторожно прижал пальцами его запястье. Пульс бился, но очень слабо.

Он внимательно оглядел друга. Насколько он мог судить, попала всего одна пуля. Но прямо в грудь.

Она прошла через петлю рубашки и проделала на удивленье маленькую дырку. Колльберг расстегнул пропитанную кровью рубашку. Если судить по овальной форме ранки, пуля под углом пробила грудную кость и прошла дальше, в правую часть грудной клетки. Он не мог только определить, вышла она или застряла в теле.

Колльберг посмотрел на пол под стояком. Там собралась лужа крови, правда не очень большая, а из раны кровь уже почти не текла.

Колльберг снял с плеч один моток веревки, повесил на верхнюю перекладину стояка и остановился, прислушиваясь, со вторым мотком в руке. С крыши не доносилось ни звука. Он размотал веревку и осторожно подвел один конец под спину Бека. Он работал споро и беззвучно и, закончив, проверил, прочно ли держится веревка.

Потом он снял с себя кашемировый шарф и обвязал грудь Мартина Бека, а между узлом и раной засунул два скомканных носовых платка.

С крыши по-прежнему не доносилось ни звука.

Теперь предстояло самое сложное.

Колльберг перегнулся через перила балкона и посмотрел на открытое окно. Лесенку он перевесил так, чтобы конец ее подошел вплотную к окну. Потом он осторожно придвинул подставку поближе к перилам, взял свободный конец веревки, обвязанный вокруг Мартина Бека, сделал двойную петлю вокруг балки, а потом обвязал свободный конец вокруг себя.

Он с великой осторожностью спустил Мартина Бека за перила, всей тяжестью собственного тела обеспечивая противовес. Когда Мартин Бек повис по ту сторону перил, Колльберг принялся правой рукой развязывать узел, так что вся тяжесть неподвижного тела пришлась на его левую руку. Распустив узел, он начал бережно опускать Мартина Бека. Он изо всех сил держал веревку и пытался, не заглядывая вниз через перила, определить, много ли еще придется травить.

Когда, по его расчетам, тело Мартина Бека оказалось как раз перед раскрытым окном, Колльберг перегнулся через ограду, вытравил еще сантиметров тридцать и привязал веревку к железной балке.

Затем он снял с подставки второй моток, продел в него руку, быстро спустился по лестнице и влез в окно.

Мартин Бек — с виду без всяких признаков жизни — висел на полметра ниже подоконника. Голова у него поникла на грудь, а тело чуть раскачивалось вперед и назад.

Колльберг уперся ногами в пол, перегнулся через подоконник, ухватил обеими руками веревку, подтянул к окну.

Освободив Мартина Бека от веревочной петли и уложив его на пол под окном, он еще раз взобрался по лестнице на балкон, отвязал веревку от перил и сбросил вниз. Снова достигнув окна, он отцепил лестницу.

Потом он взвалил Мартина Бека себе на плечи и начал спускаться по лестнице.

У Гюнвальда Ларссона оставалось в запасе шесть секунд, когда он обнаружил, что сделал, может быть, величайшую глупость в своей жизни. Он стоял перед железной дверью, глядел на бикфордов шнур, который надо было поджечь, и у него не было при себе спичек. А поскольку он не курил, то и не носил с собой зажигалки. Когда ему — впрочем, крайне редко — случалось совершить выход в ресторан «Риш» или в «Парк», он имел обыкновение совать в карман какой-нибудь рекламный коробок, но с последнего выхода прошло сто лет, и он успел уже сто раз сменить куртку.

Он, как принято говорить, поскреб в затылке, достал пистолет, снял его с предохранителя, прижал дуло к запальному шнуру, поставив ствол наискось к железной двери, чтобы пуля рикошетом не угодила в какое-нибудь неподходящее место, например ему в живот, и спустил курок. Пуля, как оса, отлетела к лестнице, но свое дело она сделала — подожгла шнур. Весело полыхнули голубые огоньки, а Ларссон, не разбирая дороги, ринулся вниз. Когда он спустился на полтора этажа, дом сотрясся до основания — это взорвалась дверь во втором подъезде, а затем и его собственная, с четырехсекундным опозданием.

Зато бегал он быстрее, чем Хульт, а возможно, и чем Болин, и потому, несясь вверх по лестнице, сумел отыграть одну или две секунды. Железная дверь исчезла или, правильнее сказать, лежала там, где ей и следовало лежать, на площадке, а одним маршем выше была другая дверь, застекленная.

Он высадил эту дверь и очутился на крыше, а точнее говоря, как раз перед дымовой трубой, между обеими студиями.

Эриксона он увидел сразу. Тот стоял, широко расставив ноги, на крыше студии и держал в руках свой пресловутый «джонсон». Но Эриксон не увидел Ларссона, его внимание было отвлечено первым взрывом, и поэтому он неотрывно глядел на южную часть крыши.

Гюнвальд Ларссон поставил ногу на парапет, идущий по краю нижней крыши, оттолкнулся и перескочил на крышу студии. Тут Эриксон повернул голову и в упор взглянул на него.

Расстояние между обоими мужчинами составляло всего четыре метра, так что вопрос был ясен. Гюнвальд Ларссон взял Эриксона на мушку, а палец он все время держал на спусковом крючке.

Но Эриксон ничуть не смутился, он повернулся всем телом и выставил автомат против нападающего. Но Гюнвальд Ларссон не выстрелил.

Он стоял неподвижно, нацелив пистолет Эриксону в грудь, а дуло автомата не прекращало своего движения.

И тут выстрелил Болин. Он сделал блестящий выстрел. Поле обзора ему отчасти закрывала фигура Ларссона, и тем не менее он ухитрился с расстояния более чем двадцать метров попасть Эриксону в левое плечо.

Автомат с металлическим лязгом упал на крышу. Тело Эриксона описало дугу, и он рухнул на четвереньки.

К нему подскочил Хульт и ударил его рукояткой револьвера по затылку. Раздался зловещий, всхлипывающий звук.

Человек на крыше лежал без памяти, и кровь ручьем бежала из его головы.

Хульт запыхтел и поднял револьвер для нового удара.

— Стоп, — приказал Гюнвальд Ларссон. — И без того больше чем достаточно.

Он сунул пистолет в кобуру, поправил повязку на голове и соскреб указательным пальцем правой руки маслянисто-грязное пятно со своей рубашки.

Болин тоже вскарабкался на крышу, огляделся по сторонам и спросил:

— Какого черта ты не стрелял? Я не понимаю…

— А от тебя этого никто и не требует, — перебил его Гюнвальд Ларссон. — Кстати, у тебя есть разрешение на этот револьвер?

Болин замотал головой.

— Могут быть неприятности, — сказал Гюнвальд Ларссон. — А теперь давайте снесем его вниз.

1

Рентгенологическое исследование аорты и ее ветвей после заполнения просвета контрастным веществом.

2

«Катти Сарк» — британский «чайный» клипер (один из двух самых быстрых парусных кораблей), спущен на воду в 1869 г. В 1957 г. отреставрирован и установлен в сухом доке на берегу Темзы в Гринвиче в качестве морской реликвии и музея.

3

так

4

Мне надо идти (англ.)

5

IQ — коэффициент развития интеллекта (англ. Intelligence quotient).

6

так

7

Видимо, от “Exact” — точно (англ.). Какая-то марка часов, производившихся в СССР на экспорт.
